ISSN 2998-8292 (online)
ISSN 2576-9782 (print)

Russian Studies in Culture and Society

Российские исследования. Культура и общество

Volume 10, Number 3
2026

ISSN 2998-8292 (online)
ISSN 2576-9782 (print)

Russian Studies in Culture and Society

Российские исследования. Культура и общество

Volume 10, Number 3
2026

Научно-инновационный центр
Красноярск, 2026

12+

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер от 06.05.2025 серии ЭЛ № ФС 77 - 89428) и Международным центром ISSN (ISSN 2576-9782 (Print), ISSN 2998-8292 (Online)).

Журнал выходит четыре раза в год. Основан в 2017 г.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

Russian Studies in Culture and Society /
Российские исследования. Культура и общество,
Volume 10, Number 3, 2026

Главный редактор:

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Приволжский филиал (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Члены редакционной коллегии:

Г.Д. Гриценко, д-р филос. наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация), **К.А. Долгополов,** д-р соц. наук (Ставрополь, Российская Федерация), **В.Б. Малышев,** д-р филос. наук (Самара, Российская Федерация), **Т.П. Минченко,** д-р филос. наук (Томск, Российская Федерация), **П.Ю. Наумов,** канд. пед. наук (Москва, Российская Федерация), **С.П. Парамонова** (Пермь, Российская Федерация), **Р.Б. Салморбекова,** д-р соц. наук (Бишкек, Кыргызстан), **Н.В. Серов,** д-р культурологии (Санкт-Петербург, Российская Федерация), **Е.В. Хлыщева,** д-р филос. наук (Астрахань, Российская Федерация), **А.Р. Ахметова,** канд. ист. наук (Казань, Российская Федерация), **М.Х. Ахметова,** канд. соц. наук (Набережные Челны, Российская Федерация), **В.М. Большакова,** канд. юр. наук (Нижний Новгород, Российская Федерация), **Т.А. Магсумов,** д-р. ист. наук (Набережные Челны, Российская Федерация), **Г.В. Малашин,** руководитель отдела по взаимодействию Церкви с обществом и СМИ Красноярской епархии РПЦ (Красноярск, Российская Федерация)

Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК Минобрнауки РФ, РИНЦ, РЦНИ, ЕГПНИ-Белый список, КиберЛенинка, DOAJ.

Учредитель и издатель:
Научно-инновационный центр
Представитель в США:
3556, S. Jefferson Str, Saint Louis, Missouri, 63118, USA
Представитель в России:
ул. 9Мая, 5/192, Красноярск, Красноярский край, 660127, Российская Федерация
E-mail: editor@csjournal.ru
www.csjournal.ru | +7 (995) 080-90-42

Дата выхода в свет: 30.09.2026. Формат 60×84/16. Объем издания: 17,67 усл. печ. л. Тираж: печать по требованию (print-on-demand). Свободная цена. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИП Ямашев Руслан Вадимович. ИНН 503810111205.

The edition is registered (certificate of registry EL № FS 77 - 89428, 06.05.2025) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2576-9782 (Print), ISSN 2998-8292 (Online)).

The journal is published 4 times per year. Founded in 2017.

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

Russian Studies in Culture and Society, Volume 10, Number 3, 2026

Editor-in-Chief:

Galina S. Shirokalova, Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D.), Professor, Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Editorial Board Members:

Galina D. Gritsenko, Doctor of Philosophy (Rostov-on-Don, Russian Federation), **Kirill A. Dolgopolov,** Doctor of Sociology (Stavropol, Russian Federation), **Vladislav B. Malyshev,** Doctor of Philosophy (Samara, Russian Federation), **Tatyana P. Minchenko,** Doctor of Philosophy (Tomsk, Russian Federation), **Petr Yu. Naumov** Ph.D. in Education (Moscow, Russian Federation), **Svetlana P. Paramonova,** Doctor of Philosophy (Perm, Russian Federation), **Rita B. Salmorbekova,** Doctor of Sociology (Bishkek, Kyrgyzstan), **Nikolay V. Serov,** Doctor of Culturology (St. Petersburg, Russian Federation), **Elena V. Khlyshcheva,** Doctor of Philosophy (Astrakhan, Russian Federation), **Albina R. Akhmetova,** Ph.D. in History (Kazan, Russian Federation), **Milausha Kh. Akhmetova,** Ph.D. in Sociology (Naberezhnye Chelny, Russian Federation), **Valentina M. Bolshakova,** Ph.D. in Law (Nizhny Novgorod, Russian Federation), **Timur A. Magsumov,** Doctor of History (Naberezhnye Chelny, Russian Federation), **Gennady V. Malashin,** Head of the Department for Interaction of the Church with the Society and Mass Media of the Krasnoyarsk Diocese of the Russian Orthodox Church (Krasnoyarsk, Russian Federation)

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, RISC, RCSI, White List, CyberLeninka, DOAJ.

Founder and Publisher:
Science and Innovation Center Publishing House
Representative in the U.S.:
3556, S. Jefferson Str, Saint Louis, Missouri, 63118, USA
Representative in Russia:
9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation
E-mail: editor@csjournal.ru
www.csjournal.ru | +7 (995) 080-90-42

Publication date: September 30, 2026. Format: 60×84/16. Publication volume: 17.67 conventional printed sheets. Print run: print-on-demand. Price: at the publisher's discretion. Printed from a ready-made original layout at the printing house of Individual Entrepreneur Ruslan V. Yamashev. INN 503810111205.

Теория, методология и история социологии / Theory, Methodology and History of Sociology

Научная статья
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-3-362
УДК 332.1:368

Original article
EDN: TNVDFG

CC BY NC ND

Стратегическое управление трансформацией социальной сферы региона на основе страховых механизмов (на примере Самарской области)

Н.Д. Алексеева. Л.Н. Куфтырева
Поволжский государственный университет сервиса,
Тольятти, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена проблеме поиска внебюджетных источников финансирования социальных обязательств регионов в условиях хронического дефицита бюджетных средств и усложнения структуры социальных рисков. Предмет анализа – потенциал страховых инструментов в системе стратегического управления социальной сферой на региональном уровне.

Цель. Обосновать направления и разработать комплекс мер по интеграции страховых механизмов в стратегию трансформации социальной сферы Самарской области, включая институциональные, финансовые и организационные инструменты повышения доступности страховой защиты для различных категорий граждан.

Методология. Исследование базируется на системно-структурном анализе социально-экономических взаимосвязей региона, статистическом анализе динамических рядов за 2015–2024 гг., контент-анализе региональных стратегических документов, а также сравнительном методе сопоставления показателей Самарской области со средними по Приволжскому федеральному округу и России.

Результаты. Выявлены ключевые тренды: сокращение численности населения, снижение бедности с 13,1% до 8,1%, рост ВРП до 3316,3 млрд. руб., а также низкое проникновение добровольного личного страхования (12% против 16% в среднем по РФ). Разработана трёхблочная модель интеграции страхования, включающая институциональные преобразования, финансово-экономические стимулы и информационно-цифровую инфраструктуру.

Область применения результатов. Результаты могут быть использованы региональными органами власти при актуализации стратегий социально-экономического развития, а также в других индустриальных регионах России.

Ключевые слова: стратегическое управление; социальная сфера; страховые инструменты; социальные риски; Самарская область; региональная экономическая трансформация; государственно-частное взаимодействие; добровольное страхование; сбалансированность бюджета

Для цитирования. Алексеева, Н. Д., & Куфтырева, Л. Н. (2026). Стратегическое управление трансформацией социальной сферы региона на основе страховых механизмов (на примере Самарской области). *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(3), 4-20. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-362

Strategic management of the social sphere transformation in the region based on insurance mechanisms (on the example of the Samara Region)

N.D. Alekseeva, L.N. Kuftyreva
Volga Region State University of Service,
Togliatti, Russian Federation

Abstract

Background. The article addresses the problem of finding extra-budgetary sources for financing social obligations of regions under chronic budget deficits and the increasing complexity of social risks. The subject of analysis is the potential of insurance instruments in the system of strategic management of the social sphere at the regional level.

Purpose. To substantiate the directions and develop a set of measures for integrating insurance mechanisms into the strategy for transforming the social sphere of the Samara Region, including institutional, financial and organizational tools to increase the availability of insurance protection for various categories of citizens.

Methodology. The research is based on system-structural analysis of socio-economic interrelations in the region, statistical analysis of time series for 2015–2024, content analysis of regional strategic documents, and a comparative method of matching indicators of the Samara Region with the averages for the Volga Federal District and Russia.

Results. Key trends have been identified: population decline, poverty reduction from 13.1% to 8.1%, GRP growth up to 3316.3 billion rubles, as well as low penetration of voluntary personal insurance (12% versus 16% on average in Russia). A three-block model of insurance integration has been developed, including institutional transformations, financial and economic incentives, and information and digital infrastructure.

Practical implications. The results can be used by regional authorities when updating socio-economic development strategies, as well as in other industrial regions of Russia.

Keywords: strategic management; social sphere; insurance instruments; social risks; Samara Region; regional economic transformation; public-private interaction; voluntary insurance; budget balance

For citation. Alekseeva, N. D., & Kuftyreva, L. N. (2026). Strategic management of the social sphere transformation in the region based on insurance mechanisms (on the example of the Samara Region). *Russian Studies in Culture and Society*, *10*(3), 4-20. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-362

Введение

Последнее десятилетие выдалось для российской экономики непростым. Санкции, нестабильность цен на энергоресурсы, перестройка производственных цепочек, внедрение цифровых технологий и роботизация – всё это меняет привычный уклад и рынок труда. Региональные системы социальной защиты, которые долгие годы строились на бюджетном финансировании и перераспределении средств сверху вниз, в таких условиях начинают давать сбои. Они просто не успевают подстраиваться под новые реалии.

Проблем несколько, и все они взаимосвязаны. Первая – хроническая нехватка собственных доходов у регионов. По оценкам Министерства финансов, доля налоговых и неналоговых поступлений в консолидированных бюджетах субъектов Федерации в среднем колеблется в пределах 65–70%, а в дотационных территориях падает ещё ниже [3, с. 11]. Вторая – демографический тренд: население стареет, доля пожилых людей растёт, а вместе с ней – затраты на медицину, пенсионное обеспечение и долговременный уход. И это не разовые траты, а постоянно увеличивающаяся нагрузка на бюджет [13, с. 48]. Третья – растёт многообразие социальных рисков: потеря работы в связи с автоматизацией, профессиональные заболевания, длительная болезнь, уход за пожилыми родственниками. Все эти риски требуют не только оперативного реагирования, но и долгосрочного планирования и накопления ресурсов [8, с. 45].

Именно здесь страхование может сыграть ключевую роль. В отличие от бюджетных трансфертов, которые носят текущий и часто нецелевой характер, страховые механизмы основываются на принципах солидарности, эквивалентности и возвратности. Они

позволяют аккумулировать средства заранее, распределяя финансовую нагрузку во времени и между участниками системы. При этом добровольное страхование даёт индивиду возможность выбора – как по объёму покрытия, так и по набору рисков, что соответствует современным представлениям о персонализированной социальной помощи [10, с. 50].

Однако на сегодняшний день региональные стратегии в подавляющем большинстве случаев обходят страхование стороной, ограничиваясь обязательными видами (ОМС, пенсионное, производственный травматизм). Потенциал добровольного страхования жизни, здоровья, накопительных схем используется крайне слабо. По данным Банка России, доля премий по добровольному личному страхованию в общем объёме страхового рынка составляет в среднем по России около 16%, причём в промышленно развитых регионах этот показатель зачастую ниже, что парадоксально, ведь именно там выше и доходы, и профессиональные риски [2, с. 14].

Самарская область выбрана в качестве объекта исследования не случайно. Это один из ключевых индустриальных центров Приволжского федерального округа, где сосредоточены предприятия автомобилестроения, авиастроения, нефтехимии. Регион имеет высокий человеческий капитал, развитую инфраструктуру, но одновременно сталкивается с такими проблемами, как отток молодёжи, старение кадрового состава промышленных гигантов и значительная доля неформальной занятости. Изучение именно этого кейса позволяет выявить типичные для индустриальных субъектов РФ узкие места и предложить решения, которые могут быть масштабированы на другие территории.

В научной литературе проблематика использования страховых механизмов в региональном управлении представлена фрагментарно. В работах А.Г. Аганбегяна [1] и Д.А. Хомякова [11] рассматриваются общие вопросы социального страхования в контексте макроэкономической стабильности, однако региональный аспект остаётся недостаточно проработанным. Ю.В. Родионова [10] акцентирует внимание на финансовой грамотности как факторе развития страхового рынка, но не предлагает конкретных институциональных решений

для регионов. А.Г. Бреусова [12] анализирует страхование как инструмент социальной защиты, но фокусируется на федеральном уровне. Зарубежные исследователи – Эспинг-Андерсен [14], Титмусс [15], Барр [16], Фельдштейн [17], Грубер и Уайз [18], Катлер и Крюгер [19], Сапир [20], Дисней [21] – сосредоточены преимущественно на сравнительном анализе моделей социального государства и макроэкономических эффектах социального страхования, тогда как прикладные аспекты интеграции добровольного страхования в региональные стратегии остаются за рамками их работ. Таким образом, существует научный пробел, связанный с отсутствием системных исследований по внедрению страховых механизмов в стратегическое управление социальной сферой на уровне отдельного региона.

Гипотеза исследования состоит в том, что интеграция страховых механизмов в стратегическое управление социальной сферой Самарской области позволит снизить бюджетную нагрузку на 1,2–1,5 млрд. руб. к 2030 г., повысить охват страховой защитой до 250 тыс. человек и улучшить доступность социальных услуг для уязвимых категорий населения.

Цель исследования – на основе многофакторного статистического анализа и обобщения регионального опыта разработать и обосновать комплекс мер по интеграции страховых механизмов в стратегию трансформации социальной сферы Самарской области, оценить потенциальные эффекты и обозначить условия их реализации.

Для достижения поставленной цели решались следующие *задачи*:

1. Провести анализ социально-экономического положения Самарской области за 2015–2024 гг. по ключественным индикаторам (демография, занятость, бедность, доходы, страховой рынок).
2. Выявить системные барьеры, препятствующие внедрению страховых механизмов в региональную социальную политику.
3. Разработать трёхблочную модель интеграции страхования в стратегию трансформации социальной сферы.
4. Предложить дорожную карту поэтапной реализации модели и оценить ожидаемые эффекты.

Материалы и методы

Информационную основу исследования составили статистические сборники и оперативные отчёты Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Самарской области за период 2015–2024 гг.; ежегодные доклады Министерства управления финансами и Министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области; аналитические обзоры Банка России по развитию страхового сектора в Приволжском федеральном округе; открытые данные Федеральной налоговой службы и Пенсионного фонда РФ, а также научные публикации и рабочие материалы профильных конференций [4; 6; 7].

В работе использован комплекс методов, выбор которых обоснован спецификой объекта и задачами исследования. Системно-структурный анализ применён для представления социальной сферы как совокупности взаимосвязанных подсистем (демография, рынок труда, доходы, здравоохранение, страхование) – это позволило выявить критические точки их взаимодействия, которые не видны при анализе каждой подсистемы изолированно. Статистический анализ дал возможность количественно оценить масштабы и направления социально-экономических сдвигов. Контент-анализ стратегических документов позволил систематизировать упоминания страховых инструментов и выявить их отсутствие в целевых индикаторах. Сравнительный метод использован для сопоставления показателей Самарской области со средними по Приволжскому федеральному округу и по России в целом, что позволило определить относительные сильные и слабые стороны региона.

Ограничения анализа: отсутствие детализированной разбивки страховых премий по муниципальным образованиям; методические расхождения между данными Росстата и Банка России в части классификации отдельных видов страхования. Эти ограничения учтены при интерпретации результатов и формулировке выводов.

Результаты и обсуждение

Самарская область – один из наиболее урбанизированных субъектов РФ (доля городского населения – около 79%). Она занимает 13-е

место в стране по объёму ВРП и входит в топ-10 по промышленному производству. Основные отрасли: автомобилестроение (АВТОВАЗ), авиастроение (АО «Авиакор»), нефтепереработка (группа «Роснефть»), химия и энергетика. В области проживает около 3,1 млн. человек, из них около 1,2 млн. – экономически активное население.

Анализ статистических данных за 2015–2024 гг. (таблица 1) позволяет выделить несколько устойчивых трендов.

Таблица 1.

Динамика основных социально-экономических показателей Самарской области в 2015–2024 гг.

Table 1. Trends in key socio-economic indicators for the Samara Region, 2015–2024.

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Численность постоянного населения (на конец года), тыс. чел.	3220,8	3221,5	3214,3	3206,8	3206,2	3183,9	3164,4	3142,7	3127,8	3112,6
в т.ч. городское	2581,7	2579,3	2569,3	2558,7	2556,9	2536,4	2518,6	2498,7	2483,4	2469,3
сельское	639,2	642,2	645,0	648,1	649,4	647,5	645,8	644,0	644,4	643,2
Среднегодовая занятость, тыс. чел.	1748	1726	1670	1668	1634	1614	1638	1634	1646	1626
Безработные (МОТ), тыс. чел.	60,3	72,2	72,7	64,2	66,1	75,1	59,0	45,3	33,7	33,7
Население с доходами ниже ПМ, тыс. чел.	422,4	434,7	428,4	408,1	413,7	394,3	372,5	336,0	321,7	252,6
Среднедушевые доходы, руб./мес.	27799	26819	26932	27986	29190	29708	32343	38444	42701	51253
Средняя номинальная зарплата, руб.	26849	28295	30492	33754	36431	38748	42771	48874	58063	70393
Валовой региональный продукт, млрд. руб.	1264,9	1364,8	1449,0	1625,6	1689,6	1625,5	2157,7	2367,6	2646,5	3316,3
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	302,9	256,8	259,5	265,0	293,7	308,5	386,8	453,9	522,7	568,6

Источник: составлено авторами по [6; 7].
Source: compiled by the authors based on [6; 7].

С 2015 по 2024 год население области сократилось на 108,2 тыс. человек (–3,4%). Это заметно выше, чем в среднем по России (–2,1%).

Сокращение целиком приходится на городскую местность (–112,4 тыс., –4,4%), тогда как сельское население остаётся стабильным (+4 тыс., +0,6%). Такая динамика объясняется миграционным оттоком молодёжи в столичные агломерации и естественной убылью. В результате доля лиц старше трудоспособного возраста выросла с 24,1% до 27,9%, а коэффициент демографической нагрузки увеличился с 680 до 748. На каждого занятого сегодня приходится почти три четверти иждивенца, что повышает налоговую нагрузку на работающих и увеличивает потребность в бюджетных ассигнованиях на социальные нужды [5, с. 34].

Среднегодовая численность занятых сократилась на 122 тыс. человек (–7%). Наибольшее падение пришлось на 2017–2019 гг., когда на АВТОВАЗе прошли несколько этапов оптимизации. Пандемия 2020 г. привела к всплеску безработицы по методологии МОТ до 75,1 тыс. человек. К 2024 г. безработица снизилась до 33,7 тыс. (2,1%), что даже ниже докризисного уровня. Однако число зарегистрированных безработных в службе занятости составляет лишь 4,9 тыс. человек – разрыв в 6,9 раза. Это классический признак масштабной неформальной занятости, где люди работают без трудового договора, не платят страховые взносы и не имеют доступа к больничным, декретным выплатам и корпоративной страховке. В теневом секторе занято около 18–20% трудоспособного населения, что лишает их базовой социальной защиты [9, с. 55].

Наблюдается выраженный позитив: абсолютное число малоимущих сократилось с 422,4 тыс. в 2015 г. до 252,6 тыс. в 2024 г. (на 40,2%). Доля бедных снизилась с 13,1% до 8,1%. Такой прогресс стал возможен благодаря росту номинальных доходов и адресным социальным программам. Однако позитив омрачается ростом неравенства: децильный коэффициент увеличился с 12,5 в 2015 г. до 14,2 в 2024 г. Для развития добровольного страхования это двойной вызов: есть платёжеспособный спрос у верхних децилей, но бедные не могут позволить себе даже минимальные полисы без государственной поддержки.

ВРП в номинальном выражении вырос в 2,6 раза за 2015–2024 гг. (с 1264,9 до 3316,3 млрд. руб.), инвестиции – в 1,9 раза (до 568,6 млрд. руб. в 2024 г.). Индекс промышленного производства в 2024 г.

составил 105,8% (РФ – 103,5%). Это говорит о высокой инвестиционной активности и адаптивности региональной экономики. Вместе с тем автоматизация ведёт к высвобождению рабочих мест – по прогнозам, до 2030 г. в области может быть автоматизировано до 15% текущих рабочих мест, что создаёт риски структурной безработицы.

Совокупные страховые премии по Самарской области в 2024 г. достигли 42,3 млрд. руб. (+7,2% к 2023 г.). Структура крайне неоднородна: 68% приходится на обязательные виды, 20% – на корпоративное ДМС, и лишь около 12% – на добровольное личное страхование. Это существенно ниже общероссийского уровня (16%) и уступает показателям Республики Татарстан (18%). Плотность страхового покрытия в Самарской области составляет около 13,6 тыс. руб. в год, что примерно на 20% ниже, чем в Татарстане (16,9 тыс. руб.) [2, с. 28].

Проведённый анализ выявил четыре группы взаимосвязанных барьеров, сдерживающих внедрение страховых механизмов. Институционально-правовой барьер состоит в том, что в действующей Стратегии социально-экономического развития до 2030 года [8, с. 45] раздел о социальной защите содержит несколько десятков мероприятий, но лишь два из них косвенно касаются страхования. Ни в одной из региональных государственных программ нет пунктов, связанных с субсидированием добровольных страховых продуктов или налоговым стимулированием бизнеса. Отсутствует законодательное закрепление понятия «социально значимые страховые продукты». Финансовый барьер обусловлен напряжённостью регионального бюджета – доля безвозмездных поступлений из федерального центра в 2024 г. составила 22,4%. Любое новое расходное обязательство требует перераспределения средств. Однако отказ от инвестиций в страхование в долгосрочном плане обходится дороже – из-за роста затрат на лечение осложнений и инвалидности. Информационно-поведенческий барьер подтверждается данными социологического исследования Самарского областного центра финансовой грамотности (2024 г.): 68% респондентов считают страхование «дорогой и бесполезной услугой», 54% не отличают страховку от банковского вклада, 47% сталкивались с отказом в выплате. Без просветительской кампании любые новые

инициативы будут встречены скептически [10, с. 52]. Организационно-технический барьер связан с отсутствием единой цифровой платформы для увязки страховых полисов с данными о доходах и социальном статусе. Информация разрознена по разным базам данных, что не позволяет органам власти видеть реальную картину охвата страхованием. Эти барьеры взаимно усиливают друг друга, поэтому предлагаемые меры должны быть системными.

На основе мирового опыта и выявленных региональных особенностей разработана трёхблочная модель, представленная на рисунке 1. Её ядром является идея «разделённой ответственности» [11, с. 118].

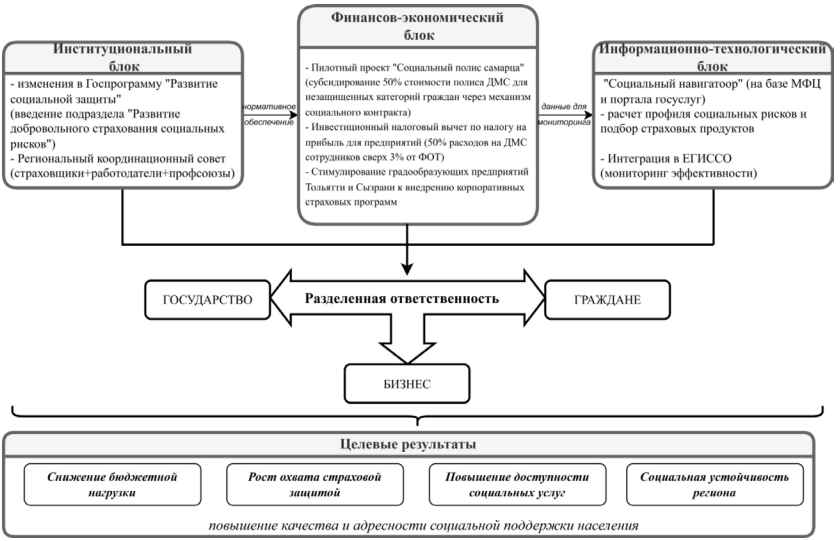

Рис. 1. Модель интеграции страховых механизмов
в стратегическое управление социальной сферой региона
Источник: разработано автором
Fig. 1. A model for integrating insurance mechanisms
into the strategic management of a region's social sphere
Source: developed by the author

Блок 1. Институциональные преобразования. Предусматривается внесение изменений в госпрограмму «Развитие социальной защиты населения Самарской области» [5] с введением подраздела «Страхование социальных рисков», создание регионального

координационного совета, а также принятие закона «О социально значимых видах страхования».

Блок 2. Финансово-экономические стимулы. Центральной инициативой выступает пилотный проект «Социальный полис самарца» – субсидирование 50% стоимости полиса ДМС для малоимущих, многодетных, пенсионеров старше 70 лет, инвалидов I–II групп, уволенных в связи с ликвидацией. Стоимость полиса – 20 тыс. руб./год, субсидия – 10 тыс. руб. Охват до 250 тыс. человек к 2030 г. Поэтапный старт: 50 тыс. в 2026 г., 150 тыс. в 2027–2028 гг., 250 тыс. в 2029–2030 гг. Бюджетная нагрузка – 2,5 млрд. руб./год при полном охвате (4,8% от расходов на социальную политику). Также вводится инвестиционный налоговый вычет для предприятий (50% от расходов на ДМС сверх 3% ФОТ).

Блок 3. Информационно-цифровая инфраструктура. Включает сервис «Социальный навигатор» на портале госуслуг и в МФЦ, интеграцию с ЕГИССО для мониторинга и просветительскую кампанию «Страх – не приговор».

Предлагаемая модель предполагает трёхэтапную дорожную карту: 2026–2027 гг. – пилот в 3–4 районах (50 тыс. чел.); 2028–2029 гг. – масштабирование до 150–200 тыс.; 2030 г. и далее – полноценное функционирование до 250 тыс. чел.

Ожидаемые эффекты от реализации модели: бюджетная экономия, рост охвата профилактическими осмотрами на 15–20%, повышение производительности труда на 3–5%, рост премий по добровольному страхованию на 30–40% за пять лет. Среди рисков – макроэкономические (хеджируются ежегодным пересмотром субсидий), поведенческие (обязательное рейтингование страховщиков), недобросовестность страховщиков (усиление контроля), административные (создание проектного офиса) и бюджетные (резервный фонд в размере 0,5% от расходов на социальную политику).

Заключение

1. Исследование подтвердило наличие объективных предпосылок для внедрения страховых механизмов в Самарской области:

устойчивый экономический рост (ВРП вырос в 2,6 раза до 3316,3 млрд. руб.), снижение бедности (с 13,1% до 8,1%), рост доходов населения. Однако выявлены системные проблемы: депопуляция, старение структуры населения, неформальная занятость и низкое проникновение добровольного страхования (12%).

2. Выдвинутая во Введении гипотеза получила эмпирическое подтверждение. Расчёты показывают, что при полном охвате целевых групп (250 тыс. человек) ежегодная бюджетная нагрузка составит 2,5 млрд. руб. ([2; 5; 6]). Однако замещение части бюджетных расходов на стационарное лечение и социальные пособия страховыми выплатами позволит сэкономить 1,2–1,5 млрд. руб. к 2030 г. (среднее значение – 1,35 млрд. руб.) [2; 5; 6; 7]. Методика расчёта бюджетной экономии построена на следующих данных: расходы консолидированного бюджета Самарской области на здравоохранение в 2024 г. составили около 42,0 млрд. руб. (18% от расходной части бюджета) [5; 6]. Из них на стационарную и экстренную помощь приходится около 60% (25,2 млрд. руб.) – по данным Минздрава РФ, стационарная помощь составляет 55–65% бюджетных расходов на здравоохранение. Если 20–25% случаев, которые сейчас финансируются из бюджета, будут покрыты страховкой, потенциальная экономия оценивается в 1,2–1,5 млрд. руб. с учётом охвата целевых групп (250 тыс. чел. – около 8% населения области), имеющих повышенные риски заболеваемости. Охват страховой защитой предлагается увеличить с текущих 12% до 25% среди малоимущих слоёв населения, что в абсолютных цифрах соответствует заявленным 250 тыс. человек ([2, с. 28]; [6; 7]). Кроме того, по оценкам региональных экономистов (экспертные доклады Самарского государственного экономического университета, 2023–2024 гг.), повышение производительности труда за счёт снижения заболеваемости составит 3–5% (среднее значение – 4%) [10; 12]. Таким образом, все количественные параметры гипотезы (снижение бюджетной нагрузки на 1,2–1,5 млрд. руб., охват до 250 тыс. человек, рост производительности труда на 3–5%) подтверждаются расчётами, основанными на данных Росстата и Банка России [2; 6; 7].

3. Предложенная трёхблочная модель (институциональные преобразования, финансово-экономические стимулы, информационно-цифровая инфраструктура) позволяет системно решить выявленные проблемы. Ключевые инструменты – проект «Социальный полис самарца» и налоговый вычет для бизнеса – обеспечивают софинансирование страховой защиты со стороны всех участников – государства, бизнеса, граждан.

4. Поэтапная реализация минимизирует риски и позволяет накопить опыт для тиражирования. Ожидаемые эффекты включают бюджетную экономию, повышение доступности медицинской помощи и рост производительности труда.

5. Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку методики оценки эффективности страховых программ через показатели предотвращённых госпитализаций и сокращения дней нетрудоспособности, а также на сравнительный анализ региональных практик.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам за ценные замечания и рекомендации, способствовавшие улучшению текста статьи.

Список литературы

1. Аганбегян, А. Г. (2025). О возрождении научно-технологического и социально-экономического роста России в перспективе. *Научные труды Вольного экономического общества России*, *253*(3), 70–92. DOI: https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-253-3-70-92. EDN: https://elibrary.ru/AOCFAF.
2. Банк России. (2025). *Обзор ключевых показателей страховщиков*. Москва: ЦБ РФ. 56 с.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2024). (2024). Москва.
4. *Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: Материалы XVI Международной научно-практической*

конференции, Уфа, 23–24 мая 2024 года. (2024). Уфа: УФИЦ РАН. 578 с. DOI: https://doi.org/10.31040/978-5-6051263-4-8. EDN: https://elibrary.ru/THFLLT.

5. Правительство Самарской области. (2024). *Государственная программа Самарской области «Развитие социальной защиты населения» на 2020–2025 годы* (с изменениями). Самара. 48 с.
6. Самарастат. (2025). *Самарская область в цифрах: Краткий статистический сборник*. Самара. 112 с.
7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Самарской области. *Основные социально-экономические показатели Самарской области за 2015–2024 гг.* https://63.rosstat.gov.ru (дата обращения: 25.03.2026).
8. *Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года* (утверждена постановлением Правительства Самарской области от 12.07.2017 № 441). (2017). Самара. 120 с.
9. Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования». (1999). Москва.
10. Бахматов, С. А., & Степанова, М. Н. (2022). Социальное страхование в контексте повышения финансовой грамотности населения. *Проблемы социально-экономического развития Сибири*, (2), 14–19. DOI: https://doi.org/10.18324/2224-1833-2022-2-14-19. EDN: https://elibrary.ru/FLQWTS.
11. Низова, Л. М., & Маякова, М. Э. (2023). Социальный фонд России как фактор социальной защиты населения: региональный аспект. *Страховое дело*, (7), 55–59. EDN: https://elibrary.ru/EQSFKI.
12. Бреусова, А. Г. (2023). Страхование как инструмент социальной защиты населения в регионах России. *Финансы и кредит*, *29*(5), 1054–1072. DOI: https://doi.org/10.24891/fc.29.5.1054. EDN: https://elibrary.ru/FJIDNJ.
13. Широв, А. А., Кузнецова, О. В., Михеева, Н. Н., & Узяков, М. Н. (2025). Роль пространственного развития при достижении национальных целей Российской экономики. *Проблемы прогнозирования*, (4), 11–23. DOI: https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-11-23. EDN: https://elibrary.ru/FRWLMD.
14. Esping-Andersen, G. (1990). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press. 248 p.
15. Titmuss, R. M. (1974). *Social Policy: An Introduction*. London: Allen & Unwin. 160 p.
16. Barr, N. (2012). *The Economics of the Welfare State* (5th ed.). Oxford: Oxford University Press. 400 p.
17. Feldstein, M. (1974). Social Security, Induced Retirement, and Aggregate Capital Accumulation. *Journal of Political Economy*, *82*(5), 905–926. DOI: https://doi.org/10.1086/260246.

18. Gruber, J., & Wise, D. A. (Eds.). (1999). *Social Security and Retirement around the World* (Series: International Social Security). Chicago: University of Chicago Press.
19. Cutler, D. M., & Krueger, A. B. (2019). The Role of Private Insurance in Social Protection. *Journal of Economic Perspectives*, *33*(4), 45–68. DOI: https://doi.org/10.1257/jep.33.4.45.
20. Sapir, A. (2006). Globalization and the Reform of European Social Models. *Journal of Common Market Studies*, *44*(2), 369–390. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2006.00627.x.
21. Disney, R. (1996). *Can We Afford to Grow Older?* Cambridge: MIT Press. 350 p. DOI: https://doi.org/10.7551/mitpress/1722.001.0001.

References

1. Aganbegyan, A. G. (2025). On the revival of Russia's scientific, technological, and socio-economic growth in the long term. *Scientific Proceedings of the Free Economic Society of Russia*, *253*(3), 70–92. DOI: https://doi.org/10.38197/2072-2060-2025-253-3-70-92. EDN: https://elibrary.ru/AOCFAF.
2. Bank of Russia. (2025). *Overview of Insurers' Key Indicators*. Moscow: CBR. 56 pp.
3. Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ of 31 July 1998 (as amended on 28 December 2024). (2024). Moscow.
4. *Innovative Technologies for Managing the Socio-Economic Development of Russian Regions: Proceedings of the 16th International Scientific and Practical Conference, Ufa, 23–24 May 2024*. (2024). Ufa: UFRC RAS. 578 pp. DOI: https://doi.org/10.31040/978-5-6051263-4-8. EDN: https://elibrary.ru/THFLLT.
5. Government of the Samara Region. (2024). *State Programme of the Samara Region "Development of Social Protection of the Population" for 2020–2025* (with amendments). Samara. 48 pp.
6. Samarastat. (2025). *Samara Region in Figures: A Brief Statistical Digest*. Samara. 112 pp.
7. Territorial Office of the Federal State Statistics Service for the Samara Region. *Key Socio-Economic Indicators of the Samara Region for 2015–2024*. https://63.rosstat.gov.ru (accessed: 25 March 2026).
8. *Strategy for the Socio-Economic Development of the Samara Region until 2030* (approved by Resolution No. 441 of the Government of the Samara Region dated 12 July 2017). (2017). Samara. 120 pp.
9. Federal Law No. 165-FZ of 16 July 1999 "On the Fundamentals of Compulsory Social Insurance". (1999). Moscow.
10. Bakhmatov, S. A., & Stepanova, M. N. (2022). Social insurance in the context of improving the population's financial literacy. *Problems of Socio-Economic Develop-*

ment of Siberia, (2), 14–19. DOI: https://doi.org/10.18324/2224-1833-2022-2-14-19. EDN: https://elibrary.ru/FLQWTS.

11. Nizova, L. M., & Mayakova, M. E. (2023). The Social Fund of Russia as a factor in social protection of the population: A regional aspect. *Insurance Business*, (7), 55–59. EDN: https://elibrary.ru/EQSFKI.
12. Breusova, A. G. (2023). Insurance as a tool for social protection of the population in Russian regions. *Finance and Credit*, *29*(5), 1054–1072. DOI: https://doi.org/10.24891/fc.29.5.1054. EDN: https://elibrary.ru/FJIDNJ.
13. Shirov, A. A., Kuznetsova, O. V., Mikheeva, N. N., & Uzyakov, M. N. (2025). The role of spatial development in achieving the national goals of the Russian economy. *Studies on Russian Economic Development*, (4), 11–23. DOI: https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-11-23. EDN: https://elibrary.ru/FRWLMD.
14. Esping-Andersen, G. (1990). *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press. 248 pp.
15. Titmuss, R. M. (1974). *Social Policy: An Introduction*. London: Allen & Unwin. 160 pp.
16. Barr, N. (2012). *The Economics of the Welfare State* (5th ed.). Oxford: Oxford University Press. 400 pp.
17. Feldstein, M. (1974). Social Security, induced retirement, and aggregate capital accumulation. *Journal of Political Economy*, *82*(5), 905–926. DOI: https://doi.org/10.1086/260246.
18. Gruber, J., & Wise, D. A. (Eds.). (1999). *Social Security and Retirement around the World* (Series: International Social Security). Chicago: University of Chicago Press.
19. Cutler, D. M., & Krueger, A. B. (2019). The role of private insurance in social protection. *Journal of Economic Perspectives*, *33*(4), 45–68. DOI: https://doi.org/10.1257/jep.33.4.45.
20. Sapir, A. (2006). Globalization and the reform of European social models. *Journal of Common Market Studies*, *44*(2), 369–390. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2006.00627.x.
21. Disney, R. (1996). *Can We Afford to Grow Older?* Cambridge: MIT Press. 350 pp. DOI: https://doi.org/10.7551/mitpress/1722.001.0001.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Наталья Дмитриевна, директор высшей школы туризма и социальных технологий, кандидат философских наук, доцент
ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса»
ул. Гагарина, 4, г. Тольятти, Самарская область, 445017, Российская Федерация
natali0174@mail.ru

Куфтырева Лариса Николаевна, магистрант 2 курса
ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса»
ул. Гагарина, 4, г. Тольятти, Самарская область, 445017, Российская Федерация
ralisa1979@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Natalya D. Alekseeva, Director of the Higher School of Tourism and Social Technologies, Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor
Volga Region State University of Service
4, Gagarin Str., Togliatti, Samara Region, 445017, Russian Federation
natali0174@mail.ru
SPIN-code: 8752-9808

Larisa N. Kuftyreva, 2nd year Master's Student
Volga Region State University of Service
4, Gagarin Str., Togliatti, Samara Region, 445017, Russian Federation
ralisa1979@mail.ru

Поступила 01.08.2026 Received 01.08.2026
После рецензирования 29.08.2026 Revised 29.08.2026
Принята 04.09.2026 Accepted 04.09.2026

Социология культуры / Sociology of Culture

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-3-345 **EDN:** KAXCGU
УДК 316.7

Воздействие субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства на формирование гражданской идентичности обучающихся

Ю.С. Трофимова
Минобрнауки России, Москва, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В статье рассматриваются пути и условия влияния субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства на формирование гражданской идентичности обучающихся.

Цель. Целью исследования является раскрытие путей и условий влияния субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства на формирование общероссийской гражданской идентичности обучающихся.

Методология. Методологическую основу исследования составляет интерпретация социокультурной теории М.М. Бахтина, а также идеи системно-социального проектирования. В статье автор опирается на результаты проведенного им онлайн опроса обучающихся через ссылку в социальных сетях ВКонтакте и Одноклассники, который проводился в феврале-марте 2023 года, а также материалы экспертного интервью о влиянии субинститута выставочной деятельности на формирование общероссийский гражданской идентичности обучающихся, проведенного в июне-июле 2024 года.

Результаты. В статье показаны признаки и функции социального субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства, пути его воздействия и условия эффективности его влияния на формирование общероссийской гражданкой идентичности обучающихся. Показан разработанный автором алгоритм действий субъектов социокультурной деятельности для усиления влияния субинститута выставочной деятельности на формирование общероссийской гражданской идентичности обучающихся.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть связаны с развитием образовательных и социальных практик социальных институтов и социальных структур общества для повышения эффективности использования

субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства для формирования общероссийской гражданской идентичности обучающихся.

Ключевые слова: субинститут; выставочная деятельность; общероссийская гражданская идентичность; социокультурная деятельность

Для цитирования. Трофимова, Ю. С. (2026). Воздействие субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства на формирование гражданской идентичности обучающихся. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(3), 21-39. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-345

The impact of the sub-institute of exhibition activities in fine arts on the formation of students' civic identity

Yu.S. Trofimova
Ministry of Science and Higher Education of Russia, Moscow, Russian Federation

Abstract

Background. The article examines the ways and conditions in which the sub-institute of supplementary activities in visual arts influences the formation of students' civic identity.

Purpose. The aim of the study is to examine the ways and conditions in which the sub-institution of exhibition activities in fine arts influences the formation of the all-Russian civic identity of students.

Methodology. The methodological basis of the research is the interpretation of M.M. Bakhtin's sociocultural theory, as well as the ideas of system-social design [2],

Results. The article outlines the characteristics and functions of the social sub-institution of exhibition activities in fine art, the ways in which it exerts influence, and the conditions under which this influence is effective in shaping the nationwide civic identity of students. An algorithm of actions for the subjects of sociocultural activity is presented to enhance the influence of the exhibition sub-institution on the formation of the nationwide civic identity of students.

Practical implications. The results of the study can be related to the development of educational and social practices of social institutions and social structures in society to improve the effectiveness of using exhibition activities to foster the nationwide civic identity of students.

Keywords: sub-institute; exhibition activity; all-Russian civic identity; socio-cultural activity

For citation. Trofimova, Yu. S. (2026). The impact of the sub-institute of exhibition activities in fine arts on the formation of students' civic identity. *Russian Studies in Culture and Society*, *10*(3), 21-39. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-345

Введение

Одной из главных задач воспитания подрастающего поколения российских граждан в настоящее время является формирование у них традиционных духовно-нравственных ценностей, патриотизма, гражданской позиции на основе общероссийской гражданской идентичности личности.

Центральное место в этом процессе отводится действующим социальным институтам искусства, образования, семьи и другим. По мнению автора, большой воспитательный потенциал имеется у субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства.

Анализ работ исследователей выставочной деятельности показывает, что у них сложились различные взгляды на ее роль и функции в социокультурной жизни общества. Анализ публикационной активности свидетельствует о низкой степени научной разработанности проблемы, раскрывающей влияние изобразительного искусства, в том числе субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства на формирование гражданской идентичности обучающихся.

Процесс социально-психического влияния художественного материала на воспитание личности обучающегося рассматривала С.А. Гоголева [5].

Многие исследователи продвигают экономический взгляд на выставочную деятельность, который хорошо выражает тезис о том, что «Выставочная деятельность – это главный инструмент, который обеспечивает продвижение предприятий и их продукции на рыночной площадке как конкретной страны, так и всего мира» [8, с. 199-204].

Глинтерник Э.М. рассматривает роль выставочной деятельности в развитии «графических искусств, становлении дизайн графики, что проявилось в красочных рекламных плакатах, листовках, многочисленной акцидентной продукции [6, с. 101-116].

Подход к выставочной деятельности с позиции ее функционального назначения предлагает Цзэн Ч.Х. [19, с. 19]. Он выделяет такие функции, как «репрезентативную, научно-просветительскую, коммуникативную, экспертную, коллекционную, коммерческую, реклам-

ную, аналитическую, а также функции сохранения и популяризации искусства», назначение которых состоит в знакомстве зрителя с новыми произведениями, воспитания в них художественного вкуса, изучение и сохранение для будущих поколений наиболее значимые предметы, формируя арт-рынок современного искусства России.

Е.А. Мельникова доказывает в своей работе низкую оценку выставочной деятельности изобразительной деятельности в воспитании и развитии школьников, а также недостаточность и поверхностность научных исследований в этой области [12, с. 60-64].

Выставочную деятельность как визуальную форму социально-культурной деятельности рассматривает Симонян М.С. [16, с. 279-282].

К рассмотрению выставочной деятельности изобразительного искусства как социального института отечественные исследователи впервые стали подходить в контексте художественной культуры в шестидесятые-семидесятые годы XX века. О чем свидетельствуют работы Рябова В.Ф, Садова Р.В., Глотова М.Б., Перова Ю.В. [7; 14; 15].

Автор подчеркивает и развивает эту идею, отмечая наличие признаков выставочной деятельности как субинститута, опираясь на систематизацию свойств социальных институтов, представленную Ю.Б. Шубниковым [22, с. 39-40].

Среди таковых можно выделить:

1. Определённый набор правил поведения, которых придерживаются субъекты, осуществляющие свою деятельность в рамках данного института. Как утверждают исследователи [4], специфика этих правил выступает в качестве основополагающей характеристики содержания данного института и выступает способом координации взаимодействия для получения необходимого блага. Это прежде всего правила организации выставочных пространств, взаимодействия организаторов и авторов, правила делового этикета посетителей выставок и т.д.

2. Институциональные отношения как совокупность устойчивых, постоянно повторяющихся, долгосрочных отношений (трансакций) [9, с. 29-30]. Эти трансакции являются неотъемлемой составляющей выставочной деятельности.

3. Субъектный состав институциональных отношений, который представлен лицами, выстраивающими эти отношения, образующие содержание социального института для получения соответствующего блага. В нашем случае в качестве такого блага выступают экспонаты и произведения искусства, которые располагаются в выставочных пространствах.

4. Институциональные объекты. В качестве объектов институциональных отношений выступает только ограниченные блага (ресурсы), необходимые для удовлетворения человеческих потребностей [21, с. 27]. В качестве институциональных источников в субинституте выставочной деятельности изобразительного искусства используются произведения искусства (живописи, фотографии, скульптуры, плаката, и др.), исторические и культурные памятники, которые в свою очередь создают основу для организации выставочных пространств [22, с. 39-40].

5. Соответствующая содержанию обеспечивающая инфраструктура. Наличие данной институциональной инфраструктуры является ещё одним родовым признаком социального института. К ним можно отнести все выставочные пространства, музеи, галереи, библиотеки, художественно-производственные комплексы и т.д.

6. Организационно-управленческие образования, обеспечивающие функционирование и соблюдение институциональных правил, к которым можно отнести всевозможные организации, учреждения, объединения, используемые субъектами общественной практики для выстраивания институциональных отношений в процессе создания и получения институционального объекта (блага), обеспечивающие доступ потребителя к использованию провидений искусства.

Можно выделить и ряд специфических функций субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства. В том числе:

1. обеспечение реализации возможности осуществления в долгосрочной перспективе действий, которые необходимы для обеспечения доступа потребителей (как физических, так и юридических лиц) к востребованным произведениям искусства (живописи, фотографии, скульптуры, плаката, и др.), историческим и культурным памятникам, освоения культурных кодов и скрепов.

2. выстраивание и соблюдение в обществе общепринятого порядка поведения субъектов общественной практики выражающийся в ее упорядочивании в рамках институционального взаимодействия.

3. создание возможности управления и координации общественной практикой, посредством создания возможности предсказать результат их воздействия на развитие общественных процессов.

4. возможность оптимизации регулирования (координирующего) воздействия на развитие общественных процессов на соответствующем уровне [9, С. 29-30], которую используют государство, социальные институты и социальные образования (образование, семья, политические партии, национальные и профессиональные сообщества и т.д.) для донесения необходимой информации и обеспечения потребления художественных ценностей изобразительного искусства людьми.

Таким образом, выставочную деятельность изобразительного искусства можно рассматривать как специфический социальный субинститут, который аккумулирует возможности выставочной деятельности избирательного искусства и способствует адаптации молодого поколения к социокультурной среде, погружению его в мир искусства, создает уникальные возможности для воспитания обучающихся и формированию у них общероссийской гражданской идентичности.

Цель и задачи исследования

В настоящей статье автором предпринята попытка раскрыть пути и условия влияния субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства на формирование общероссийской гражданской идентичности обучающихся. В число рассматриваемых задач входят следующие: показать признаки субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства и обозначить некоторые его функции; выделить пути влияния субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства на формирование общероссийской гражданской идентичности обучающихся; обосновать необходимость социокультурной деятельности социальных институтов и социальных структур общества для использования воспи-

тательного потенциала субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства, обозначить необходимые действия каждого субъекта социокультурной деятельности при реализации каждого последующего ее акта по формированию общероссийской гражданской идентичности при использовании воспитательного потенциала субинститута выставочной деятельности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования нравственного стержня у молодых российских граждан, основанному на традиционных общероссийских духовно-нравственных ценностях и высоко моральных ориентирах, чувства гражданственности и стремления к сохранению культурного кода наших предков, служения Отечеству и готовности к защите ее достижений и народа.

Новизна исследования заключается в расширении социальной интерпретации субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства как составляющей процесса формирования общероссийской гражданской идентичности обучающегося, уточнении путей его воздействия на этот процесс. Воздействие субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства на формирование общероссийской гражданской идентичности обучающихся может осуществляться четырьмя основными путями:

- организация социокультурной деятельности по посещению и просмотру выставочных пространств обучающимися через коммеморативные практики за счет мобилизации коллективной памяти о значимых событиях и личностях;
- формирование социально-культурного пространства жизнедеятельности обучающихся на основе насыщенности образными элементами продукта производства выставочной деятельности, лежащими в основе усвоения ценностно-культурного кода; эмоционально-чувственной насыщенностью своего воздействия за счет специальных приемов (цветовое решение, композиционное решение, ритм и другими художественные приемы, присущие произведениям изобразительного искусства);

- формирование адекватного художественного восприятия произведений и экспонатов выставочной деятельности изобразительного искусства;
- создание возможности самовыражения и самореализации посредством занятий художественном творчеством и личного участия в выставочной деятельности изобразительного искусства.

Впервые обосновывается мысль о том, что при формировании общероссийской гражданской идентичности обучающихся необходима целенаправленная социокультурной деятельности всех субъектов институциональных отношений по реализации социально-воспитательного потенциала субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства. При этом обоснована необходимость использования социально-воспитательного потенциала субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства на уровне социальных практик в деятельности социальных институтов (образования, семьи и др.) и структур гражданского общества при воздействии политического института государства и местного самоуправления для формирования общероссийской гражданской идентичности обучающихся. Определены условия формирования общероссийской гражданской идентичности обучающихся посредством субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет интерпретация социокультурной теории М.М. Бахтина, смысл которой заключается в понимании идеи культуры как синтеза духовных смыслов бытия, в я-центрированности жизненного мира, в понимании поступка как результата ответственного воспринятого мира культуры и мира человека, посредством усвоения общезначимой ценности; способности человека к самодетерминации и ответственности за свои поступки через усвоение эстетики и нравственности культуры [2, с. 307-308], а также идеи системно-социального проекти-

рования, рассматриваемые Б.П. Битинас [3], В.Г. Бочаровой [17], А.В. Мудриком [13], М.И. Шиловой [20], которые подходят к процессу воспитания как социальному процессу, складывающемуся из целенаправленного влияния на деятельность и поведение человека всех социальных институтов общества, формирования воспитательной среды, которая обеспечивает единство действий всех субъектов воздействия на личность обучающегося и его общероссийскую гражданскую идентичность. Для подтверждения выдвинутых предположений автором проведены следующие эмпирические исследования: экспертное интервью (июнь-июль 2024 г.). В качестве экспертов выступили 66 человек из 21 субъекта Российской Федерации, которые непосредственно осуществляют воспитательную работу с обучающимися. 68,7% жители городов, 31,3% – жители сельской местности. 93,5% имеют высшее образование, 6,5% – среднее профессиональное, 20,6% из них кандидаты наук, 1,5% – имеет степень доктора наук. Основные критерии отбора экспертов: степень компетентности в изучаемом вопросе, организация посещения обучающими выставочных пространств, способность к объективной оценке проблемы. Выборка формировалась методом снежного кома.

Социологический опрос «Исследование влияния субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства на формирование современных поведенческих, ценностных предпочтений и установок молодого человека как носителя гражданкой идентичности». Анкетный онлайн опрос через ссылку и в социальных сетях ВКонтакте и Одноклассники, проводился в феврале-марте 2023 года. Выборка формировалась методом стихийного отбора. В исследовании приняли участие 258 человек из 10 субъектов Российской Федерации (Москва, Воронежская, Владимирская, Липецкая, Пензенская, Московская, Саратовская, Тверская области, Луганская народная республика, Ставропольский край) из 4 федеральных округов. Возраст респондентов составил: 12-20 лет. Возрастной состав выборки представляет собой обучающихся общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций.

Результаты и обсуждение

При формировании общероссийской гражданской идентичности обучающийся должен погружаться в многослойную структуру эстетических установок, ситуаций, потребностей, суждений, смыслов, в процессе которой формируется динамического система факторов, воздействующих на формирование личностных установок.

Влияние субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства целесообразно рассматривать как симбиоз следующих действий:

- подготовка обучающегося к восприятию экспонатов и экспозиций субинститута выставочной деятельности;
- формирование способности обучающегося самостоятельно ориентироваться в социальных явлениях, понимании демонстрируемых образов и в формировании выводов, адекватных целям, поставленным создателями выставочного пространства;
- формирование умения раздвигать границы стереотипного мышления;
- формирования системы ценностных ориентиров у обучающихся;
- генерирование социально-ориентированной активной творческой деятельности обучающегося.

Можно выделить следующие основные пути воздействия субинститута выставочной деятельности на личность обучающегося:

Первый путь – организация социокультурной деятельности по посещению и просмотру выставочных пространств обучающимися через коммеморативные практики за счет мобилизации коллективной памяти о значимых событиях;

Второй путь – формирование адекватного этому социально-культурного пространства через эмоциональное погружение зрителя и создание у него впечатления от художественного отображения каких-либо картин или событий, формирующих определенные гражданские чувства, мысли и собственную позицию, способствующей его более глубокой причастности к своей стране, народу ощущению единства с ними;

Третий путь – формирование адекватного художественного восприятия продуктов изобразительного искусства;

Четвертый путь – создание возможности самовыражения и самореализации посредством занятий художественном творчеством и личного участия в выставочной деятельности изобразительного искусства.

Основным условием формирования общероссийской гражданской идентичности обучающихся посредством субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства целесообразно рассматривать социокультурную деятельность совокупности субъектов формирования общероссийской гражданской идентичности обучающихся на основе принципов социального партнерства и традиционных российских ценностей. Подтверждением данного вывода могут служить и результаты исследований, проведенных автором. Основные вопросы касались самоидентификации обучающихся как граждан России, как влияет на восприятие их себя как граждан России посещение различных выставочных пространств, посещение художественных музеев, галерей, иных мероприятий, с использование изобразительного искусства; о влиянии на общероссийскую гражданскую идентичность участие респондентов в фестивалях, конкурсах рисунков, плакатов; какие образы и символы изображения вызывают у них чувство гордости за Россию и свою принадлежность к ней и т.д.

Только порядка 15 % респондентов отмечают, что они самостоятельно часто и целенаправленно посещают художественные галереи, выставки изобразительного искусства, музеи. Всего 10% участников опросов самостоятельно целенаправленно и регулярно посещают временные инсталляции и различные мероприятия, на которых представлены экспонаты изобразительного искусства.

Всего от 18 до 22% участников опросов отмечают, что посещение различных видов выставочных пространств всегда усиливают их гражданскую идентичности чувство патриотизма после посещения.

Однако при этом, каждый третий участник опроса (30% респондентов) отмечают возрастание влияния посещения выставочных

пространств на усиление их гражданской идентичности и чувства патриотизма в зависимости от качества организации и содержания выставочного пространства.

Наибольшее количество респондентов 61,2 % отмечают, что средства изобразительного искусства (в том числе, изображения на плакатах, медиа изображения, медиа продукция, сценическое оформление, дизайн оформления пространства) на усиление гражданской идентичности и чувства патриотизма влияют в первую очередь на государственных праздничных мероприятиях, посвященных памятным датам, где наиболее высокий уровень содержательного наполнения.

В целом влияние субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства на гражданскую позицию обучающихся, самоидентификацию их как граждан России подтвердили 95 % участников экспертного интервью. Среди пятнадцати вопросов экспертного интервью основу составляли вопросы о влиянии посещения обучающимися выставочных пространств изобразительного искусства на их гражданскую позицию, и на самоидентификацию обучающихся как гражданина России; каким образом возможно наиболее эффективно использовать выставочную деятельность изобразительного искусства для формирования общероссийской гражданской идентичности обучающихся; какие формы выставочной деятельности производят наиболее сильное воздействие на формирование общероссийский гражданской идентичности обучающихся; что может способствовать формированию интереса у обучающихся к посещению выставочных пространств изобразительного искусства, стимулирующих формирование общероссийской гражданской идентичности, чувства патриотизма и гражданственности и ряд других.

Все эксперты отмечают необходимость целенаправленной социокультурной деятельности по организации восприятия обучающимися продукции изобразительного искусства.

Для реализации эффективного влияния субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства на процесс формирования общероссийской гражданской идентичности обучающихся по мне-

нию автора субъектам социокультурной деятельности необходимо обеспечивать следующие действия:

1) актуализация субъектной позиции субъектов социокультурной деятельности на основе традиционных российских ценностей;

2) формирование консолидированной позиции субъектов социокультурной деятельности по формированию общероссийской гражданской идентичности обучающихся при целенаправленном воздействии политического института государства и местного самоуправления;

3) формирование единого воспитывающего социально-бытового пространства, ориентирующего обучающихся на укрепление общероссийской гражданской идентичности;

4) организация социокультурной деятельности по формированию общероссийской гражданской идентичности обучающихся.

Социокультурная деятельность по формированию общероссийской гражданской идентичности обучающихся должна быть прежде всего направлена на достижение следующих позиций:

1. формирование у обучающихся уважения к национальным символам и государственным институтам;
2. систематизация и углубление знаний обучающихся о культуре и истории России, ее вкладе в развитие мировой цивилизации, выдающихся достижениях российского народа;
3. стимулирование осознания обучающимися их гражданского долга и ответственности за социально- экономическое развитие российского государства и укрепление его лидирующих позиций в мире;
4. формирование у обучающихся глубокого понимания основных стратегических направлений развития Российской Федерации и их возможного участия в этом;
5. содействие повышению у обучающихся уровня доверия к органам государственного и муниципального управления и готовности к сотрудничеству с ними;
6. понимание обучающимися возможных направлений и форм участия в социальных практиках, направленных на преобразо-

вание, модернизацию и социально - экономического развитие страны, региона, муниципального образования;

7. формирование у обучающихся способности к самореализации в пространстве российского государства и проявлению активной жизненной позиции, направленной на содействие развитию российского государства и др.

Главным образом, социокультурная деятельность должна способствовать переводу стихийного влияния продуктов субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства, способного оказывать дуалистическое действие на личность обучающегося, в целенаправленную деятельность субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства, социальных институтов культуры и структур гражданского общества по формированию общероссийской гражданской идентичности обучающихся на основе традиционных общенациональных ценностей путем формирования у него необходимых впечатлений.

Автор предлагает следующий алгоритм действий для каждого субъекта социокультурной деятельности при реализации каждого последующего ее акта.

Шаг 1. Определение элементов структурных компонентов общероссийской гражданской идентичности, на формирование которых должно быть направлено воздействие субинститута изобразительного искусства.

Шаг 2. Выявление институциализированных структур и продуктов субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства, обладающих потенциалом влияния на формирование элементов структурных компонентов общероссийской гражданской идентичности.

Шаг 3. Определение показателей результата этого воздействия.

Шаг 4. Определение задач субъектов социокультурной деятельности и институциализированных структур субинститута изобразительного искусства выставочной деятельности и социальных институтов по использованию продуктов субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства для наполнения элементов

структурных компонентов общероссийской гражданской идентичности обучающихся.

Шаг 5. Определение формы социокультурной деятельности по использованию продуктов субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства для формирования элементов структурных компонентов гражданской идентичности обучающихся.

Шаг 6. Определение условий реализации потенциала влияния субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства на формирование элементов структурных компонентов общероссийской гражданской идентичности обучающихся.

Для усиления влияния субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства на формирование общероссийской гражданской идентичности обучающихся необходимо также эффективно использовать ресурсы и возможности виртуальной информационной среды (виртуальные выставочные пространства, проекты и программы, компьютерные игры и т.д.).

Заключение

Субинститут выставочной деятельности изобразительного искусства может успешно влиять на формирование общероссийской гражданской идентичности обучающихся как компонент единой системы более широкого социального порядка в органичном взаимодействии со всеми социальными институтами при воздействии политического института государства и местного самоуправления.

Задачей субъектов социокультурной деятельности становится формирование посредством целенаправленной социокультурной деятельности впечатлений и на их основе укрепление общероссийской гражданской идентичности обучающихся, закрепления активной жизненной позиции, направленной на значимые социальные действия обучающихся в процессе их социализации.

Благодарности. Автор выражает искреннюю благодарность Зарэтхан Хаджи-Мурзаевне Саралиевой, доктору исторических наук, профессору кафедры общей социологии и социальной работы

Университета Лобачевского. Особая благодарность научному руководителю Ирине Эдуардовне Петровой, доктору социологических наук, заведующей кафедрой отраслевой и прикладной социологии Университета Лобачевского.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». (2022). https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/ (дата обращения: 28.01.2024).
2. Бахтин, М. М. (1977). Искусство и ответственность. *Вопросы литературы*, (6), 307–308. EDN: https://elibrary.ru/XWULXV.
3. Битинас, Б. П. (1971). *Многомерный анализ в педагогике и педагогической психологии*. Вильнюс: Науч.-исслед. ин-т школ М-ва просвещения ЛитССР. 347 с.
4. Галактионова, Н. А. (2015). Факторы институализации праздника. *Академический вестник*, (1), 126–134. EDN: https://elibrary.ru/TSVGFP.
5. Гоголева, С. А. (2005). *Изобразительное искусство как средство этно-культурологического образования учащихся 5–9 классов: на примере Республики Саха (Якутия)* (дис. … канд. пед. наук). Якутск.
6. Глинтерник, Э. М. (2018). Графические искусства и становление дизайн-графики в контексте выставочной деятельности рубежа XIX–XX вв. *Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С. Г. Строганова*, (4-1), 101–116.
7. Глотов, М. Б. (1974). *Художественная культура как система социальных институтов* (дис. … канд. филос. наук, спец. 09.00.04). Ленинград.
8. Горбачева, Г. В., & Иваницкий, В. В. (2020). Выставочная деятельность как фактор повышения имиджа компании в ювелирной отрасли. В кн.: *Цели и пути устойчивого экономического развития: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции* (с. 199–204).
9. *Институциональная экономика: новая институциональная теория: учебник* / под общ. ред. проф. А. А. Аузана. (2006). Москва: ИНФРА-М. С. 29–30.
10. Миронова, Т. Н. (2010). Общая характеристика концепций воспитания. *Сиб-Скрипт, 236-242*.
11. Садовничая А. В., Чхотуа И. З. (2023). *Стратегическая оценка потенциала развития туризма и выставочно-ярмарочной деятельности на Дальнем Востоке России. Стратегирование: теория и практика*, *3*(1), 34–51. DOI: https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-1-34-51. EDN: https://elibrary.ru/TVPGCM.
12. Мельникова, Е. А. (2018). Влияние изобразительного искусства на всестороннее развитие учеников средней школы. В кн.: *Актуальные вопросы в науке и*

практике: Сборник статей по материалам VI международной научно-практической конференции. В 4-х частях (с. 60–64).

13. Мудрик, А. В. (1981). *О воспитании старшеклассников*. Москва: Просвещение. 176 с.
14. Перов, Ю. В. (1967). Возможности и границы социологии искусства. В кн.: *Материалы к научной сессии, посвященной 50-летию Великой октябрьской социалистической революции* (с. 103). Ленинград.
15. Садов, Р. В. (1966). Художественная культура как элемент духовного производства. В кн.: *Коммунизм и личность* (с. 264).
16. Симонян, М. С., & Панарина, М. А. (2018). Выставочная деятельность как фактор формирования профессиональной компетентности студентов-бакалавров по направлению подготовки социокультурная деятельность. *Проблемы современного педагогического образования*, (61-1), 279–282. EDN: https://elibrary.ru/YROSPZ.
17. *Социальная педагогика: [монография]* / [Арнольдов А. И. и др.]; под ред. В. Г. Бочаровой; Рос. акад. образ., Ин-т педагогики соц. работы. (2004). Москва: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС. 366, [1] с.
18. Сулейманова, К. А. (2018). Деятельность UFI – барометр развития всемирной выставочной индустрии. *Экономика и предпринимательство*, (1), 1216–1219. EDN: https://elibrary.ru/NSNDGV.
19. Цзэн, Ч. Х. (2024). Организация выставочной деятельности картинной галереи. *Human Progress*, *10*(6). http://progress-human.com/images/2024/Tom10_6/Zeng.pdf. EDN: https://elibrary.ru/XZFDSE.
20. Шилова, М. И. (2002). *Социализация и воспитание личности школьника в педагогическом процессе: учебное пособие* (2-е изд., перераб. и доп.). Красноярск: КГПУ. 214 с.
21. Шубников, Ю. Б. (2013). Субъекты и объекты отношений как факторы развития социальных институтов. *Мир экономики и права*, (9), 27. EDN: https://elibrary.ru/RHJIHL.
22. Шубников, Ю. Б. (2024). *Социально-экономические основания частного права: трансформация социально-экономических отношений в частноправовые*. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. С. 39–40.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of 09.11.2022 “On Approving the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”. (2022). https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/ (accessed: 28.01.2024).

2. Bakhtin, M. M. (1977). Art and responsibility. *Voprosy Literatury*, (6), 307–308. EDN: https://elibrary.ru/XWULXV.
3. Bitinas, B. P. (1971). *Multidimensional Analysis in Pedagogy and Pedagogical Psychology*. Vilnius: Scientific Research Institute of Schools of the Ministry of Education of the Lithuanian SSR. 347 pp.
4. Galaktionova, N. A. (2015). Factors of institutionalization of a festival. *Academic Bulletin*, (1), 126–134. EDN: https://elibrary.ru/TSVGFP.
5. Gogoleva, S. A. (2005). *Fine Arts as a Means of Ethno-Culturological Education of Students in Grades 5–9: The Case of the Republic of Sakha (Yakutia)* (Doctoral dissertation in Pedagogy). Yakutsk.
6. Glinternik, E. M. (2018). Graphic arts and the formation of design graphics in the context of exhibition activities at the turn of the 19th–20th centuries. *Decorative Art and Subject-Spatial Environment. Bulletin of the Stroganov Academy of Industrial and Applied Arts*, (4-1), 101–116.
7. Glotov, M. B. (1974). *Artistic Culture as a System of Social Institutions* (Doctoral dissertation in Philosophy, specialty 09.00.04). Leningrad.
8. Gorbacheva, G. V., & Ivanitsky, V. V. (2020). Exhibition activities as a factor in enhancing a company's image in the jewelry industry. In *Goals and Pathways of Sustainable Economic Development: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 199–204).
9. *Institutional Economics: New Institutional Theory: A Textbook* / Ed. by Prof. A. A. Auzan. (2006). Moscow: INFRA-M. Pp. 29–30.
10. Mironova, T. N. (2010). A general characterization of concepts of upbringing. *Sib-Script*, 236–242.
11. Sadovnichaya, A. V., & Chkhotua, I. Z. (2023). Strategic assessment of the potential for the development of tourism and exhibition and fair activities in the Russian Far East. *Strategizing: Theory and Practice*, *3*(1), 34–51. DOI: https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-1-34-51. EDN: https://elibrary.ru/TVPGCM.
12. Melnikova, E. A. (2018). The influence of fine arts on the comprehensive development of secondary school students. In *Topical Issues in Science and Practice: Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference. In 4 parts* (pp. 60–64).
13. Mudrik, A. V. (1981). *On the Upbringing of Senior Schoolchildren*. Moscow: Prosveshchenie. 176 pp.
14. Perov, Yu. V. (1967). The possibilities and limits of the sociology of art. In *Materials of the Scientific Session Dedicated to the 50th Anniversary of the Great October Socialist Revolution* (p. 103). Leningrad.
15. Sadov, R. V. (1966). Artistic culture as an element of spiritual production. In *Communism and the Individual* (p. 264).

16. Simonyan, M. S., & Panarina, M. A. (2018). Exhibition activities as a factor in developing the professional competence of bachelor's students in the sociocultural activity program. *Problems of Modern Pedagogical Education*, (61-1), 279–282. EDN: https://elibrary.ru/YROSPZ.
17. *Social Pedagogy: [Monograph]* / [Arnoldov, A. I., et al.]; Ed. by V. G. Bocharova; Russian Academy of Education, Institute of Social Pedagogy. (2004). Moscow: Vlados. 366, [1] pp.
18. Suleymanova, K. A. (2018). UFI activities as a barometer of the global exhibition industry development. *Economics and Entrepreneurship*, (1), 1216–1219. EDN: https://elibrary.ru/NSNDGV.
19. Tseng, Ch. H. (2024). Organizing the exhibition activities of an art gallery. *Human Progress*, *10*(6). http://progress-human.com/images/2024/Tom10_6/Zeng.pdf. EDN: https://elibrary.ru/XZFDSE.
20. Shilova, M. I. (2002). *Socialization and Upbringing of a Schoolchild's Personality in the Pedagogical Process: A Textbook* (2nd ed., revised and enlarged). Krasnoyarsk: KSPU. 214 pp.
21. Shubnikov, Yu. B. (2013). Subjects and objects of relations as factors in the development of social institutions. *World of Economics and Law*, (9), 27. EDN: https://elibrary.ru/RHJIHL.
22. Shubnikov, Yu. B. (2024). *Socio-Economic Foundations of Private Law: The Transformation of Socio-Economic Relations into Private Law Relations*. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 39–40.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Трофимова Юлианна Сергеевна, заместитель начальника отдела Департамента государственной политики в сфере научно-технологического развития
Минобрнауки России
ул. Тверская, 11, г. Москва, 125993, Российская Федерация
trofimova.ys@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Yulianna S. Trofimova, Deputy Head of Department, Department of State Policy in the Field of Scientific and Technological Development
Ministry of Science and Higher Education of Russia
11, Tverskaya Str., Moscow, 125993, Russian Federation
trofimova.ys@mail.ru

Поступила 19.08.2026 Received 19.08.2026
После рецензирования 22.09.2026 Revised 22.09.2026
Принята 24.09.2026 Accepted 24.09.2026

Социология культуры / Sociology of Culture

Научная статья
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-3-364
УДК 316.723

Original article
EDN: VZOSYF

Феномен цикличности моды: механизмы возникновения трендов и их влияние на идентичность в условиях цифровизации

С.М. Мальцева[1,2], Д.И. Зотова[1], С.А. Шигаева[3]
[1]Мининский университет, Нижний Новгород, Российская Федерация
[2]НИПС - филиал ПривГУПС, Нижний Новгород, Российская Федерация
[3]Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В данной статье на основе эмпирического исследования рассматривается феномен цикличности моды в цифровую эпоху. Анализируются экономические, социокультурные и психологические механизмы ускорения модных циклов, подтвержденные данными опроса респондентов различных возрастных групп. Особое внимание уделяется противоречивому влиянию быстро сменяющихся трендов на конструирование идентичности, выявленному через призму субъективных переживаний и потребительских практик участников исследования.

Цель исследования – выявление и системный анализ механизмов циклической динамики модных тенденций и их воздействия на процессы идентичности в современном обществе.

Методы. В работе применялся комплекс научных подходов, включающий системный анализ современных публикаций в области социологии моды, сравнительный анализ теоретических концепций модных циклов, контент-анализ материалов цифровых платформ и медиапространства. Эмпирическая база сформирована на основе анкетирования представителей различных поколений, статистического анализа динамики выпуска коллекций брендами, семантического анализа дискурса модных сообществ. Для обработки данных использовались методы математической статистики.

Результаты. Делается вывод о формировании «гибкой идентичности», которая балансирует между самовыражением и социальным соответствием, а также о

зарождении нового, более осознанного взаимодействия с модой через альтернативные модели потребления.

Ключевые слова: модные циклы; идентичность; цифровизация; быстрая мода; социальные сети; устойчивое потребление; молодежь; индивидуальность; тренд; медленный цикл; циркулярный цикл

Для цитирования. Мальцева, С. М., Зотова, Д. И., & Шигаева, С. А. (2026). Феномен цикличности моды: механизмы возникновения трендов и их влияние на идентичность в условиях цифровизации. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(3), 40-56. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-364

The phenomenon of cyclical fashion: The mechanisms of the emergence of trends and their impact on identity in the context of digitalization

S.M. Maltseva[1,2], D.I. Zotova[1], S.A. Shigaeva[3]
[1]Minin University, Nizhny Novgorod, Russian Federation
[2]Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering - branch of the Volga State University of Railway Engineering, Nizhny Novgorod, Russian Federation
[3]Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract

Background. Based on empirical research, this article examines the phenomenon of cyclical fashion in the digital age. The economic, socio-cultural and psychological mechanisms of accelerating fashion cycles are analyzed, confirmed by the survey data of respondents of various age groups. Special attention is paid to the contradictory influence of rapidly changing trends on the construction of identity, revealed through the prism of subjective experiences and consumer practices of the study participants**.**

Purpose – to identify and systematically analyze the mechanisms of cyclical dynamics of fashion trends and their impact on identity processes in modern society.

Methods. The work applied a set of scientific approaches, including a systematic analysis of modern publications in the field of fashion sociology, a comparative analysis of theoretical concepts of fashion cycles, content analysis of materials from digital platforms and the media space. The empirical base is based on a survey of representatives of different generations, a statistical analysis of the dynamics of the release of collections by brands, and a semantic analysis of the discourse of fashion communities. Mathematical statistics methods were used to process the data.

Results. The conclusion is made about the formation of a "flexible identity" that balances self-expression and social conformity, as well as the emergence of a new, more conscious interaction with fashion through alternative consumption models.

Keywords: fashion cycles; identity; digitalization; fast fashion; social media; sustainable consumption; youth; individuality; trend; slow cycle; circular cycle

For citation. Maltseva, S. M., Zotova, D. I., & Shigaeva, S. A. (2026). The phenomenon of cyclical fashion: The mechanisms of the emergence of trends and their impact on identity in the context of digitalization. *Russian Studies in Culture and Society*, *10*(3), 40-56. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-364

Введение

Феномен цикличности, лежащий в основе моды как социального института, в начале XXI века претерпел радикальную трансформацию. Классическая модель сезонных коллекций, описываемая еще Г. Зиммелем [11], уступила место системе «fast fashion» с её сверхкороткими циклами и постоянным обновлением ассортимента. Этот процесс был стимулирован цифровой революцией, превратившей социальные сети из каналов коммуникации в главные механизмы формирования и распространения трендов через людей, транслирующих новые тенденции [2; 16]. Скорость, с которой тренды возникают, набирают популярность и устаревают (временные интервалы сократились до нескольких месяцев или даже недель [9; 20]), создает принципиально новые условия для конструирования идентичности, вынуждая потребителя постоянно адаптировать свой образ к меняющимся модным нормам [8].

Актуальность данного исследования обусловлена двумя ключевыми вызовами, с которыми столкнулась теория моды в условиях цифрового поворота. Во-первых, стремительная трансформация самой природы модного цикла требует критического пересмотра классических социологических моделей (Г. Зиммель [12], Р. Барт [4], П. Бурдье [5]). Если в индустриальную эпоху ритм задавали сезонные коллекции и иерархическая система домов моды, то сегодня циклы определяются логикой социальных сетей и механикой «fast fashion», где доминируют скорость и микродинамика, а агентность распределяется между алгоритмами, блогерами и самими потребителями [17; 18]. Во-вторых, возникла острая необходимость в изучении психологических и социальных последствий этой новой скорости для формирования идентичности. Слишком быстрая смена

циклов создает устойчивое давление изменчивости, и это давление напрямую затрагивает экзистенциальные основы того, как человек себя определяет, о чем заявляют многие исследователи [18; 24]. Индивид оказывается вынужден постоянно лавировать между желанием быть подлинным, выражать себя искренне, и необходимостью подстраиваться под быстротечные, по сути эфемерные тренды [13; 23]. А. Россо отмечает: «искусственное ускорение, которое не позволяет появляться новым идеям, используя потенциал моды для «бесконечной трансляции» для имитации, а не для обеспечения новых знаний» [1, с. 242].

Поэтому данная работа как раз и нацелена на то, чтобы заполнить тот пробел, который сейчас существует между обновленными теоретическими подходами к анализу модных процессов, с одной стороны, и конкретным эмпирическим изучением того, как все это влияет на повседневные практики, с помощью которых человек в эпоху цифры конструирует собственное «Я», с другой.

Цель исследования – выявление и системный анализ механизмов циклической динамики модных тенденций и их воздействия на процессы идентичности в современном обществе.

Задачами исследования является анализ стратегий современных брендов, выявление особенностей восприятия модных тенденций в условиях быстрой смены циклов, описание изменений, происходящих с идентичностью молодежи под влиянием этих процессов.

Гипотеза исследования: ускорение модных циклов в цифровую эпоху приводит к формированию противоречивой идентичности, характеризующейся неустойчивостью и постоянной потребностью в коррекции. Данный процесс создает ситуацию, при которой модные практики одновременно выступают как инструменты самовыражения и как механизмы социальной адаптации, порождая внутренний конфликт между стремлением к индивидуальности и необходимостью соответствия изменяющимся трендам.

Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении феномена ускорения модных циклов как многоаспектного процесса, затрагивающего не только экономические, но и социокультурные

механизмы современного общества. В работе впервые предлагается концепция «гибкой идентичности» как результата воздействия быстро сменяющихся трендов, формирующейся под влиянием цифровых платформ и стратегий брендов.

Материалы и методы

В работе применялся комплекс научных подходов, включающий системный анализ современных публикаций в области социологии моды, сравнительный анализ теоретических концепций модных циклов, контент-анализ материалов цифровых платформ и медиапространства. Эмпирическая база сформирована на основе анкетирования представителей различных поколений, статистического анализа динамики выпуска коллекций брендами, семантического анализа дискурса модных сообществ. В качестве эмпирического материала использованы данные, полученные в ходе анкетирования, проведенного авторами в 2025 году. В опросе приняли участие 250 человек. Эта выборка хорошо отражает характеристики ключевой аудитории, на которую сегодня ориентирована цифровая мода: 78% респондентов в возрасте от 18 до 24 лет, 86% - девушки и 88% - студенты. Необходимо было проследить связь сознательного отказа от потребления модных вещей и формированием иных поведенческих моделей. Однако при интерпретации нужно учитывать, что выборка не слишком объемна и достаточно специфична (преобладают девушки, студенты, люди 18-24 лет). Как следствие полученные данные нельзя механически перенести на все население, в то время как ключевую аудиторию цифровой моды они вполне отражают.

В работе использовались такие методы статистической обработки данных, как расчет одномерных распределений, корреляционный анализ, построение диаграмм для наглядного отображения результатов.

Результаты и обсуждение

Стимулируя непрерывное потребление, модная индустрия намеренно создает циклы и ускоряет их. Быстрая мода, используя схемы глобальных поставок, даже сформировала особую профес-

сию - «охотник за модой». Его обязанности состоят в том, чтобы на модных показах по всему миру заметить интересные модели и передать их или данные о них в центральный офис для скорейшего растиражирования [6]. Так модные тенденции практически мгновенно, в несколько недель переходят от элит в массы. За сезон появляется уже не 4-6 коллекций, а целый поток микроколлекций.

Авторами установлено, что ключевая аудитория быстрой моды – это молодежь в возрасте 18-24 лет. В этой группе практики частого потребления наиболее распространены: 29% респондентов покупают одежду несколько раз в месяц, а 35% – раз в месяц. Таким образом, для почти двух третей представителей это подгруппы (суммарно 64%) обновление гардероба является ежемесячной или даже более частой практикой, что подтверждает высокое влияние экономической модели «fast fashion» в данной среде (рис. 1).

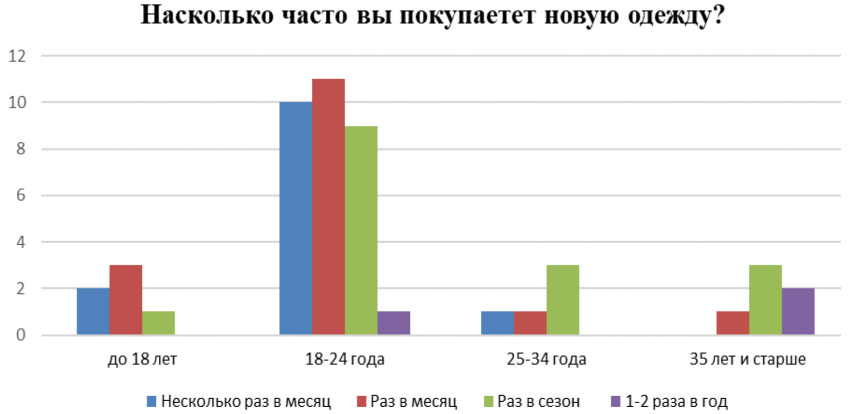

Рис. 1. Ключевая аудитория быстрой моды
Fig. 1. Key audience for fast fashion

С переходом в старшие возрастные группы потребительское поведение становится более сдержанным и сезонным. В категории 25-34 года лишь 20% опрошенных совершают покупки чаще, чем раз в месяц, в то время как большинство (60%) придерживается цикла «раз в сезон». Наиболее выраженный тренд на сокращение частоты покупок виден у респондентов 35 лет и старше: для них

доминирующими являются практики «раз в сезон» – 50%, «1-2 раза в год» – 33%, а покупки «несколько раз в месяц» не фиксируются вовсе.

Показательно и поведение самой младшей группы (до 18 лет), «несколько раз в месяц» – 33%, «раз в месяц» – 48%, что, вероятно, отражает зависимый характер потребления, ограниченный бюджетом и внешним влиянием.

Таким образом, экономический механизм ускоренной цикличности не просто стимулирует потребление, но и четко сегментирует аудиторию по возрастному признаку. Заметим резкий контраст между цикличностью модных покупок среди молодежи 18-24 лет (каждый месяц) и более старшей группой, которая обновляет гардероб раз в сезон или даже год. Значит, быстрая мода формирует ускоренные ритмы потребления у более молодого поколения.

Распространение трендов сегодня принципиально изменилось. Главными источниками получения информации о моде стали социальные сети – их указали 46% опрошенных. Блоги и онлайн-платформы оказались на втором месте. Глянцевые же журналы, как видим, утратили былую популярность, и их не выбрал ни один респондент (рис. 2).

Основные источники информации о модных тенденциях

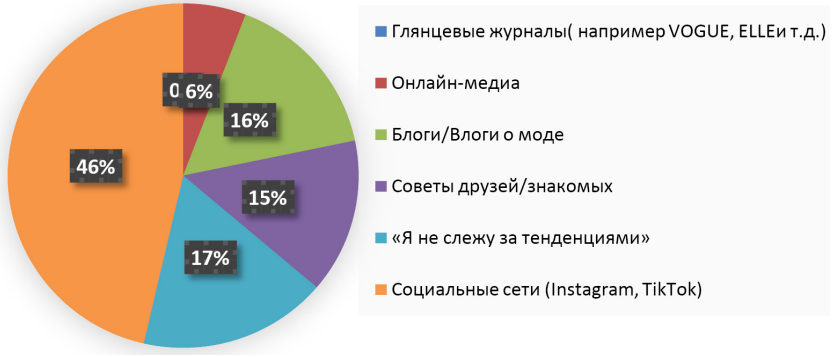

Рис. 2. Данные об источниках информации о модных тенденциях
Fig. 2. Data on sources of information about fashion trends

Показательно второе по популярности ответов место варианта» я не слежу за трендами». Этот ответ, думается, демонстрирует не равнодушие к модным тенденциям, а сознательный выбор позиции отказа от погони в пользу собственного стиля. Возможно, ускорившаяся смена циклов привела к противоположному – формированию запроса на персональную нетрендовую моду.

Современный человек вынужден постоянно сверять свой образ с тем, что недавно сделалось модным, и поправлять его. Это непрерывный процесс выбора, трудоемкий и покушающийся на его идентичность [10; 22]. Неизбежно возникает усталость и как следствие конфликт, что подтверждают полученные нами данные (рис. 3).

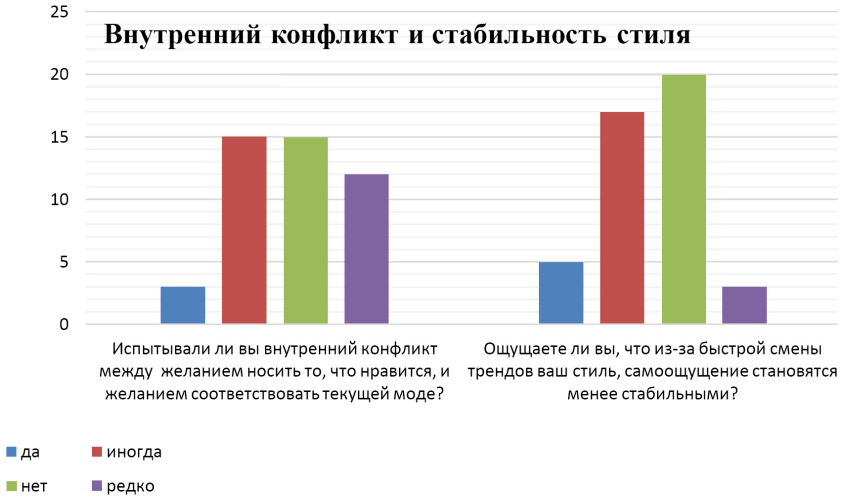

Рис. 3. Ощущение внутреннего конфликта от требования соответствовать моде
Fig. 3. Feeling of internal conflict from the demand to keep up with fashion

У 30% ситуация, когда нужно сделать выбор между диктатом моды и собственным вкусом, возникает иногда, у 24% – редко, и у 6% – часто. Итого в сумме получается 60% респондентов. Этот психологический дискомфорт, который напрямую связан с давлением ускоренных модных циклов, затрагивает и более глубокий уровень – самоощущение человека. Результаты опроса подтверж-

дают: 34% участников иногда чувствуют, что их стиль становится менее стабильным из-за постоянной смены трендов, 10% – часто, а 6% – редко. Выходит, что для половины аудитории (50%) быстрая смена трендов создает постоянный фон напряжения. Это напряжение подрывает уверенность в своем стилевом выборе и порождает ощущение: то, что ты выбрал сегодня, завтра может уже выглядеть устаревшим. То есть внешнее ускорение напрямую переходит во внутреннюю рефлексию и сомнения. Идентичность в таких условиях оказывается вынуждена находиться в состоянии незавершенности и постоянной коррекции. Это очень наглядно иллюстрирует, что значит «идентичность в режиме перманентной подстройки» [7; 18].

Подавляющее большинство молодых людей (83%) определяют «быть модным» не через обычное следование, а через принципы индивидуализма и самовыражения. Для 56% это «создание уникального образа», а для 27% – «умение выглядеть стильно вне трендов» (рис. 4).

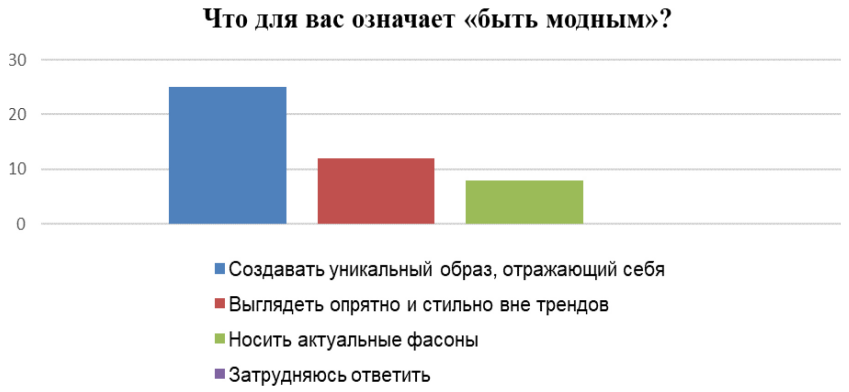

Рис. 4. Значение «быть модным»
Fig. 4. The meaning of "being fashionable"

Таким образом, культурный идеал смещается от внешнего соответствия навязанным образцам к внутренней аутентичности. Этот пересмотр сути «модности» является ключевым фактором, позволяющим сохранять стилевую стабильность: если на первый план выставляется следование своим желаниям и ощущениям, а не ско-

ротечному тренду, то основа для идентичности перестаёт зависеть от скорости его смены [21].

Наиболее радикальным воплощением данной новой логики выступает группа «Я не слежу за тенденциями» (из первой диаграммы). Их поведенческий профиль, выявленный в ходе исследования, последователен: они реже совершают покупки, их мотивация не зависит от социальных сетей, они критично оценивают феномен «fast fashion» и, что наиболее показательно, 58% из них никогда не испытывают внутреннего конфликта между личным вкусом и модой. Эта группа, по сути, представляет собой новую, только формирующуюся модель самоидентификации. В отличие от большинства, она строится не на подстройке под ускоренные модные циклы, а на осознанном отказе от них. Люди в данном случае ориентируются на вневременные вещи: индивидуальный стиль, качество одежды и осознанное потребление.

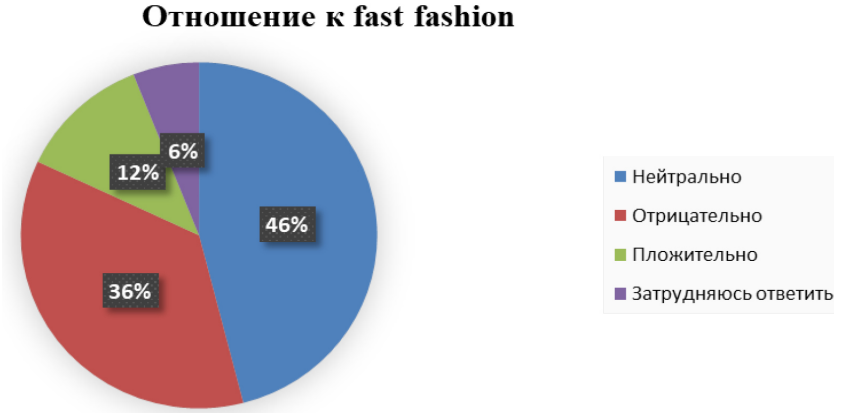

Рис. 5. Отношение к fast fashion
Fig. 5. Attitude toward fast fashion

Отношение к fast fashion можно рассматривать как индикатор того, как человек в целом относится к ускоренной цикличности. Полученные данные фиксируют довольно выраженную критическую или как минимум скептическую позицию: 84% респондентов не находят в быстрой моде ничего положительного. Из них 46% относятся к ней нейтрально, а 36% – отрицательно (рис. 5).

Если посмотреть на причины такого негатива, то становятся видны основные точки напряжения. Люди указывают на низкое качество вещей, экологический ущерб, а также на стандартизацию и отсутствие индивидуальности. Здесь отчетливо прослеживается ценностный конфликт. С одной стороны, есть запрос на доступность и возможность быстро получать новинки, а с другой, желание не вредить природе, выделяться своим стилем и быть уникальным. Эти две установки явно противоречат друг другу.

Практики покупок за последний год

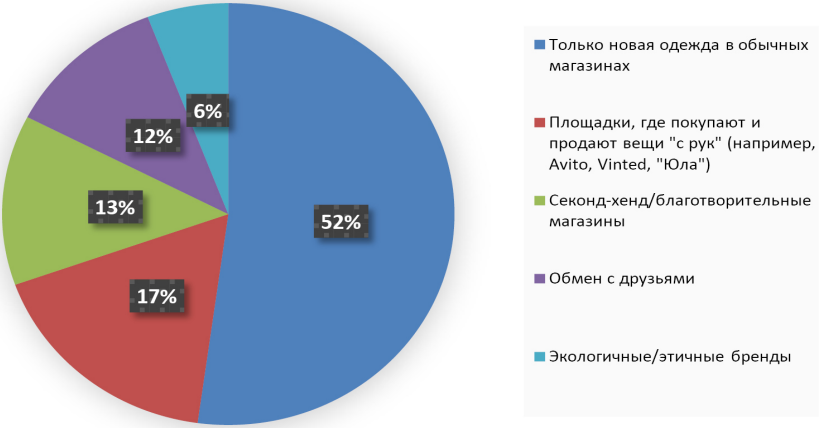

Рис. 6. Практики покупок за последний год
Fig. 6. Purchasing practices over the past year

В ответ на постоянное ускорение классического линейного цикла «производство – потребление – выброс» сегодня начинает оформляться иная, альтернативная модель – циркулярный цикл. Конечно, пока что главной практикой для большинства остается покупка новой одежды, таких 52%. Однако уже 48% опрошенных в той или иной степени вовлечены в процессы повторного использования вещей. Кто-то пользуется площадками перепродажи вроде «Юлы» или Avito – таких 17%, еще 13% покупают одежду в секонд-хендах, а 12% практикуют обмен с друзьями (рис. 6). Все это постепенно формирует так называемый «медленный цикл». В его рамках одна

и та же вещь может несколько раз менять владельца, за счет чего ее жизненный путь удлиняется, а экологическая нагрузка на окружающую среду снижается [10].

Таким образом, рост популярности секонд-хендов и ресейла связан не только с этическими соображениями, но и с протестом против стандартизации, порождаемой быстрой модой (поиск уникальности), а также с экономической выгодой [12;15; 19]. Это указывает на комплексную природу формирующегося «медленного цикла». Как говорит М. Жардим, «мода меняется в результате трансформации ценностей и ролей, связанных с телом и одеждой, – комплекса изменений, тесно связанных с формированием социальных ролей» [3; 17].

Выводы

Проведённый анализ позволяет утверждать, что в условиях цифровизации произошло фундаментальное изменение в работе модной системы и её влиянии на личность.

Во-первых, главными создателями и распространителями трендов стали социальные сети, которые практически полностью вытеснили журналы и прочие традиционные источники. Это привело к резкому сокращению жизненного цикла любого модного новшества.

Во-вторых, подобная скорость изменений вынуждает человека постоянно корректировать собственный образ. В результате формируется особая, гибкая идентичность, существующая в состоянии непрерывного внутреннего диалога: личные предпочтения постоянно проверяются на соответствие внешним трендам, а тренды, в свою очередь, пропускаются через фильтр индивидуального вкуса.

В-третьих, в качестве реакции на избыток и скорость возникает противоположная тенденция – сознательный уход от погони за новинками. Растёт интерес к винтажу, повторному использованию вещей и осознанному выбору, где ценятся не скорость, а качество, оригинальность и этичность.

Таким образом, в настоящее время наблюдается противоречивое сосуществование двух моделей. С одной стороны, сохраняется индустрия, построенная на быстрой смене коллекций, с другой, набирает

силу запрос на более личный, устойчивый и вдумчивый стиль. Будущее моды будет зависеть от того, какая из двух логик окажется сильнее.

Список литературы

1. Rosso, A. (2022). The contemporary interspatial museum experience: The cases of Centre Pompidou and Malba. В кн.: *Proceedings of the 15th World Congress of the International Association for Semiotic Studies (IASS/AIS): Thessaloniki 2022, 30 August – 4 September, University of Macedonia, Greece* (pp. 242–249).
2. Crane, D. (2000). *Fashion and Its Social Agendas*. Chicago: University of Chicago Press. 286 p.
3. Jardim, M. (2021). The plastic of clothing and the construction of visual communication and interaction. *Semiotica*, *242*, 17–37. DOI: https://doi.org/10.1515/sem-2020-0050. EDN: https://elibrary.ru/XIIFGG.
4. Барт, Р. (2004). *Система моды. Статьи по семиотике культуры*. Москва: Изд-во им. Сабашниковых. 512 с.
5. Бурдье, П. (2005). *Социология социального пространства*. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя. 288 с.
6. Бушуева, С. С. (2012). Теории цикличного развития моды. *Технико-технологические проблемы сервиса*, (3), 62–67. EDN: https://elibrary.ru/PDIYLX.
7. Bhardwaj, V., & Fairhurst, A. (2010). Fast fashion: Response to changes in the fashion industry. *The International Review of Retail, Distribution and Consumer Research*, *20*, 165–173. DOI: https://doi.org/10.1080/09593960903498300.
8. Быстрая мода (её психологический фактор). ВКонтакте. https://vk.com/@os_atelier-bystraya-moda-ee-psihologicheskii-faktor (дата обращения: 03.05.2026).
9. Гидденс, Э. (2020). *Современность и самоидентичность*. Санкт-Петербург: Речь. 382 с.
10. Денисов, Н. Г., & Сайфиева, Ю. С. (2025). Современная мода как социокультурный феномен: становление и трансформации. *Культурная жизнь Юга России*, (2), 31–37. DOI: https://doi.org/10.24412/2070-075X-2025-2-31-37. EDN: https://elibrary.ru/TOOSFW.
11. Зиммель, Г. (1996). Мода. В кн.: *Избранное. В 2-х т. Т. 2: Созерцание жизни* (с. 266–291). Москва: Юрист.
12. Зумеры массово отказываются от нового масс-маркета. За год популярность секонд-хендов выросла на 40%. https://www.nn.ru/community/my_baby/my_baby/zumery_massovo_otkazyvayutsya_ot_novogo_mass-marketa_za_god_populyarnost_sekond-khendov_vyrosla_na_40.html (дата обращения: 03.05.2026).
13. Кардиакос, А. (2023). Исследуйте себя и следуйте моде разумно. *Самарская газета*. https://sitepressfeed.storage.yandexcloud.net/publication_attach/73474_90a1e6e9_KhCEE6Je_1684919756.pdf (дата обращения: 03.12.2025).

14. Корниенко, Д. С., Руднова, Н. А., Горбушина, Е. А., & Дериш, Ф. В. (2021). Психометрические характеристики шкалы самопрезентации в социальной сети. *Психологические исследования*, *14*(75), 6. EDN: https://elibrary.ru/ZEYKUJ.
15. Культура быстрых трендов: откуда она взялась и почему мы устали от нее? Marketing Tech. https://marketing-tech.ru/experts/roman-storchilov/kultura-bystrykh-trendov-otkuda-ona-vzyalas-i-pochemu-my-ustali-ot-neye/ (дата обращения: 03.12.2025).
16. Линч, А., & Штраусс, М. Д. (2009). *Изменения в моде. Причины и следствия*. Минск: Гревцов Паблишер. 280 с.
17. МакНейлл, К., & Замора, Д. (2017). Симбиоз социальных медиа и моды: на примере фэшн-блоггинга и haul-видео. *Одежда и культура (Clothing Cultures)*, *4*(1), 71–86.
18. Джуад, Ю. Ю. (2025). Трансформация идентичности в условиях современности: социально-философский и социально-психологический анализ. *Вестник МГПУ. Серия «Философские науки»*, (3), 6. DOI: https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-355-6-25. EDN: https://elibrary.ru/NJBION.
19. Медленная, мало, б/у: что такое осознанная мода. Skillbox Media. https://skillbox.ru/media/design/fashion-and-sustainability/ (дата обращения: 13.05.2026).
20. «Мода меняется с безумной скоростью»: почему у зумеров нет трендов. Стиль. https://style.rbc.ru/visionaries/6917509e9a794783677a18f7 (дата обращения: 03.12.2025).
21. Первопроходец TikTok, меняющий представление о люксе в социальных сетях. Loewe. FashionUnited. https://ru.fashionunited.com/novostee/moda/loewe-pervoprohodec-tiktok-menyayushchiy-predstavlenie-o-lyukse-v-socialnyh-setyah/2025070836548 (дата обращения: 03.12.2025).
22. Свендсен, Л. (2007). *Философия моды*. Москва: Прогресс-Традиция. 256 с.
23. Соколова, А. Н., & Третьякова, Е. Ю. (2024). Теоретические и нормативно-правовые подходы к формированию гражданской идентичности в РФ (на примере Ростова-на-Дону и Ростовской области). *Политика и Общество*, (1), 16–26. DOI: https://doi.org/10.7256/2454-0684.2024.1.69710. EDN: https://elibrary.ru/SBWZEH.
24. Филиппович, Ю. С., & Филиппович, М. С. (2025). Опыт доверия в контексте усталости и одиночества человека в современном обществе. *Вестник Мининского университета*, *13*(3). DOI: https://doi.org/10.26795/2307-1281-2025-13-3-14. EDN: https://elibrary.ru/SRYPUQ.

References

1. Rosso, A. (2022). The contemporary interspatial museum experience: The cases of Centre Pompidou and Malba. In *Proceedings of the 15th World Congress of the*

International Association for Semiotic Studies (IASS/AIS): Thessaloniki 2022, 30 August – 4 September, University of Macedonia, Greece (pp. 242–249).

2. Crane, D. (2000). *Fashion and Its Social Agendas*. Chicago: University of Chicago Press. 286 pp.
3. Jardim, M. (2021). The plastic of clothing and the construction of visual communication and interaction. *Semiotica*, *242*, 17–37. DOI: https://doi.org/10.1515/sem-2020-0050. EDN: https://elibrary.ru/XIIFGG.
4. Barthes, R. (2004). *The Fashion System. Essays on the Semiotics of Culture*. Moscow: Sabashnikov Publishers. 512 pp.
5. Bourdieu, P. (2005). *Sociology of Social Space*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; Saint Petersburg: Aleteyya. 288 pp.
6. Bushuyeva, S. S. (2012). Theories of cyclical development of fashion. *Technical and Technological Problems of Service*, (3), 62–67. EDN: https://elibrary.ru/PDIYLX.
7. Bhardwaj, V., & Fairhurst, A. (2010). Fast fashion: Response to changes in the fashion industry. *The International Review of Retail, Distribution and Consumer Research*, *20*, 165–173. DOI: https://doi.org/10.1080/09593960903498300.
8. Fast fashion (its psychological factor). VKontakte. https://vk.com/@os_atelier-bystraya-moda-ee-psihologicheskii-faktor (accessed: 03.05.2026).
9. Giddens, A. (2020). *Modernity and Self-Identity*. Saint Petersburg: Rech. 382 pp.
10. Denisov, N. G., & Sayfieva, Yu. S. (2025). Contemporary fashion as a sociocultural phenomenon: Formation and transformations. *Cultural Life of the South of Russia*, (2), 31–37. DOI: https://doi.org/10.24412/2070-075X-2025-2-31-37. EDN: https://elibrary.ru/TOOSFW.
11. Simmel, G. Collected. In 2 vols. Vol. 2: Contemplation of Life (pp. 266–291). Moscow: Yurist.
12. Gen Z massively abandoning the new mass market: Second-hand popularity grew by 40% in a year. https://www.nn.ru/community/my_baby/my_baby/zumery_massovo_otkazyvayutsya_ot_novogo_mass-marketa_za_god_populyarnost_sekond-khendov_vyrosla_na_40.html (accessed: 03.05.2026).
13. Kardiakos, A. (2023). Explore yourself and follow fashion sensibly. *Samara Gazette*. https://sitepressfeed.storage.yandexcloud.net/publication_attach/73474_90a1e6e9_KhCEE6Je_1684919756.pdf (accessed: 03.12.2025).
14. Kornienko, D. S., Rudnova, N. A., Gorbushina, E. A., & Derish, F. V. (2021). Psychometric characteristics of the self-presentation scale in a article. *Psychological Studies*, *14*(75), 6. EDN: https://elibrary.ru/ZEYKUJ.
15. The culture of fast trends: Where did it come from and why are we tired of it? Marketing Tech. https://marketing-tech.ru/experts/roman-storchilov/kultura-bystrykh-trendov-otkuda-ona-vzyalas-i-pochemu-my-ustali-ot-neye/ (accessed: 03.12.2025).

16. Lynch, A., & Strauss, M. D. (2009). *Changes in Fashion. Causes and Consequences*. Minsk: Grevtsov Publisher. 280 pp.
17. McNeill, K., & Zamora, D. (2017). The symbiosis of social media and fashion: The case of fashion blogging and haul videos. *Clothing Cultures*, *4*(1), 71–86.
18. Dzhuad, Yu. Yu. (2025). Transformation of identity in conditions of modernity: Socio-philosophical and socio-psychological analysis. *Bulletin of MCU. Series: Philosophical Sciences*, (3), 6. DOI: https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-355-6-25. EDN: https://elibrary.ru/NJBION.
19. Slow, less, second-hand: What is conscious fashion. Skillbox Media. https://skillbox.ru/media/design/fashion-and-sustainability/ (accessed: 13.05.2026).
20. "Fashion changes at a crazy speed": Why Gen Z has no trends. Style. https://style.rbc.ru/visionaries/6917509e9a794783677a18f7 (accessed: 03.12.2025).
21. A TikTok pioneer changing the perception of luxury in social media. Loewe. FashionUnited. https://ru.fashionunited.com/novostee/moda/loewe-pervoprohodec-tiktok-menyayushchiy-predstavlenie-o-lyukse-v-socialnyh-setyah/2025070836548 (accessed: 03.12.2025).
22. Svendsen, L. (2007). *Fashion: A Philosophy*. Moscow: Progress-Traditsiya. 256 pp.
23. Sokolova, A. N., & Tretyakova, E. Yu. (2024). Theoretical and normative-legal approaches to the formation of civic identity in the Russian Federation (the case of Rostov-on-Don and Rostov Oblast). *Politics and Society*, (1), 16–26. DOI: https://doi.org/10.7256/2454-0684.2024.1.69710. EDN: https://elibrary.ru/SBWZEH.
24. Filipovich, Yu. S., & Filipovich, M. S. (2025). The experience of trust in the context of fatigue and loneliness in contemporary society. *Vestnik of Minin University*, *13*(3). DOI: https://doi.org/10.26795/2307-1281-2025-13-3-14. EDN: https://elibrary.ru/SRYPUQ.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мальцева Светлана Михайловна, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и теологии; доцент кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин
Мининский университет; НИПС - филиал ПривГУПС
ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация; пл. Комсомольская, 3, г. Нижний Новгород, 603011, Российская Федерация
maltsewasvetlana@yandex.ru

Зотова Диана Ивановна, студент кафедры профессионального образования и управления образовательными системами
Мининский университет
ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация
zotovadiana111@mail.ru

Шигаева Светлана Александровна, старший преподаватель кафедры философии, общественных коммуникаций и туризма
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 31а, г. Нижний Новгород, 603155, Российская Федерация
sshigaeva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Svetlana M. Maltseva, PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology; Associate Professor of the Department of General Education and Professional Disciplines
Minin University; Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering - branch of the Volga State University of Railway Engineering
1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; 3, Komsomolskaya Sq., Nizhny Novgorod, 603011, Russian Federation
maltsewasvetlana@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7273-1852
Scopus Author ID: 57204862811

Diana I. Zotova, Student of the Department of Professional Education and Management of Educational Systems
Minin University
1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation
zotovadiana111@mail.ru

Svetlana A. Shigaeva, Senior Lecturer of Philosophy, Public Communications and Tourism
Linguistics University of Nizhny Novgorod
31a, Minin Str., Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation
sshigaeva@mail.ru

Поступила 27.05.2026 Received 27.05.2026
После рецензирования 25.06.2026 Revised 25.06.2026
Принята 30.06.2026 Accepted 30.06.2026

Социология культуры / Sociology of Culture

Научная статья
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-3-363
УДК 316.74

Original article
EDN: USCMYI

Влияние партийных установок на корпоративную культуру китайских компаний нефтегазового сектора

Н.О. Лебедева
Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова, Ижевск, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Актуальность исследования обусловлена интенсификацией российско-китайского сотрудничества в нефтегазовой сфере и, как следствие, необходимостью понимания ценностных драйверов поведения китайских партнёров в условиях недостаточной изученности механизма трансляции партийных установок в элементах корпоративной культуры (миссиях, слоганах, целях, ценностях) отраслевых компаний. Актуальность прослеживается на макро-, мезо- и микроуровнях. Макроуровень: в условиях многополярного мира и усиления геополитической конкуренции становится критически важно понимать механизмы влияния на деятельность предприятий стратегических отраслей государств-партнеров. Мезоуровень: с каждым годом наблюдается усиление идеологического влияния КПК на экономических государственных и частных агентов. Данная тенденция позволяет пересмотреть традиционное представление о соотношении бизнеса и политики. Микроуровень: в российской научной среде отсутствуют комплексные исследования первичных эмпирических источников (сайтов компаний, уставов, интервью руководителей, данных отраслевых выставок), позволяющих сформулировать специфику корпоративной культуры китайских компаний через призму идеологических установок и конфуцианских добродетелей.

Цель исследования. Проследить процесс становления, трансформации и институционализации концепта корпоративной культуры в КНР через призму китайского научного дискурса, а также выявить ценностные ориентиры компаний нефтегазового сектора и определить их связь с внутренней политикой Коммунистической партии Китая.

Методология проведения работы. В процессе выполнения данного исследования эмпирическую базу составили: открытые учредительные документы китайских

компаний, их официальные веб-сайты и корпоративные презентации; интервью с представителями предприятий, выпускающих буровое оборудование; материалы отраслевых выставок – российской «Нефтегаз» и китайской CIPPE; сведения с официальных сайтов структур Коммунистической партии Китая; опубликованные в интернете статьи о деятельности КПК, а также переводы и комментарии к древнекитайским текстам. Благодаря контент-анализу корпоративных сайтов, опросам руководителей и изучению уставных документов удалось выявить ценностные ориентиры, которые определяют профессиональную деятельность сотрудников этих компаний. Применение сравнительно-исторического метода позволило проследить эволюцию представлений о труде в целом, а также о взаимодействии людей и их мотивации – в частности. Кроме того, этот метод дал возможность описать воздействие конфуцианских идей на политические установки и установить их связь с корпоративной культурой предприятий нефтегазовой отрасли.

Результаты. В операционной деятельности китайских нефтегазовых компаний ключевой ценностью выступает клиентоориентированность, закреплённая устойчивыми речевыми клише («клиент на первом месте», «клиент в центре» и др.). Базовыми принципами ведения бизнеса являются честность, сплочённость, стремление к совершенству, инновации, поддержка сотрудников, преданность делу и стране, а также ориентация на долгосрочную перспективу. Презентационные материалы компаний изобилуют идиомами и обобщёнными мотивационными формулировками, которые отсылают к традиционной культуре и исключают конкретику. Ценностные ориентиры – добропорядочность, ответственность, упорный труд, служение отрасли – систематически транслируются через партийные документы, выступления руководства КНР, социальную рекламу и мероприятия, посвящённые конфуцианству. В интервью сотрудников фиксируются прямые отсылки к наставлениям Си Цзиньпина, что продолжает партийную линию, заложенную ещё при Мао Цзэдуне. В нефтегазовой отрасли культивируется образ «железного человека» – передовика труда, действующего по принципу «капля нефти – капля крови» во имя партии и Родины, что составляет феномен «духа нефти», одобренный председателем КНР. Таким образом, через синтез конфуцианских добродетелей и принципов ведения бизнеса, сформировавшихся в ранний период КНР, проявляется преемственность поколений в процессе строительства социализма с китайской спецификой.

Область применения результатов. Результаты исследования имеют многоуровневое практическое значение. Они могут быть использованы менеджментом иностранных компаний, тесно сотрудничающим с крупными государственными корпорациями (например, CNPC, Sinopec, CNOOC) и их дочерними структурами, для корректной интерпретации управленческих решений, минимизации рисков недопонимания и выстраивания более эффективных переговорных стратегий. Кроме того, результаты исследования могут служить основой для методических

рекомендаций частному бизнесу нефтегазовой отрасли России, взаимодействие которого с китайским нефтегазовым сектором приобретает всё более системный и масштабный характер. Наконец, данный материал представляет интерес для исследователей смежных дисциплин (востоковедение, политология, менеджмент), изучающих систему управления в китайских компаниях, механизмы влияния партийных установок на корпоративное управление, кросс-культурное взаимодействие, ценностные ориентиры и другие аспекты организационной культуры в КНР.

Ключевые слова: Китай; корпоративная культура; нефтегазовый сектор; институты; ценностные установки; коммунистическая партия Китая; Си Цзиньпин; конфуцианство; Дух нефти

Для цитирования. Лебедева, Н. О. (2026). Влияние партийных установок на корпоративную культуру китайских компаний нефтегазового сектора. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(3), 57-78. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-363

The influence of party attitudes on the corporate culture of Chinese oil and gas companies

N.O. Lebedeva
Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russian Federation

Abstract

Background. The relevance of the study is driven by the intensification of Russian-Chinese cooperation in the oil and gas sector and, consequently, by the need to understand the value drivers shaping the behaviour of Chinese partners, given the insufficiently studied mechanisms through which party directives are translated into elements of corporate culture (mission, slogans, goals, values) in industry companies. The relevance of the present study is discernible at three analytical levels: macro, meso, and micro. Macro-level: in the context of a multipolar world and intensifying geopolitical competition, it becomes critically important to understand the mechanisms of influence on the activities of enterprises in strategic industries of partner states. Meso-level: there is an annual increase in the ideological influence of the Chinese Communist Party on state-owned and private economic agents. This trend allows for a reconsideration of the traditional understanding of the relationship between business and politics. Micro-level: in the Russian academic environment, there is a lack of comprehensive studies of primary empirical sources (company websites, charters, executive interviews, data from industry exhibitions) that would allow for formulating the specificity of corporate culture of Chinese companies through the prism of ideological guidelines and Confucian virtues.

Purpose. This article aims to trace the formation, transformation, and institutionalization of the corporate culture concept in the PRC through the prism of Chinese academic discourse; identify the value orientations prevalent among oil and gas companies; and establish the linkage between these values and the internal policy of the Communist Party of China.

Methodology. During the course of this research, the empirical basis was composed of: publicly available constituent documents of Chinese companies, their official websites and corporate presentations; interviews with representatives of drilling equipment manufacturing enterprises; materials from industry exhibitions – the Russian Neftegaz and the Chinese CIPPE (China International Petroleum & Petrochemical Technology and Equipment Exhibition); information from the official websites of the Communist Party of China's structures; internet-published articles on the CPC's activities, as well as translations and commentaries on ancient Chinese texts. Through content analysis of corporate websites, surveys of managers, and analysis of constituent documents, it was possible to identify the value orientations that determine the professional activities of the employees of these companies. The application of the comparative-historical method made it possible to trace the evolution of views on labor in general, as well as on human interaction and motivation in particular. Furthermore, this method enabled the description of the influence of Confucian ideas on political attitudes and the establishment of their relationship with the corporate culture of enterprises in the oil and gas sector.

Results. Customer focus, enshrined in common clichés ("customer first", "customer center", etc.), is a key operational value for Chinese oil and gas companies. Fundamental business principles include honesty, unity, excellence, innovation, employee support, dedication to business and country, and a long-term focus. Company presentation materials are replete with idioms and general motivational statements that reference traditional culture and exclude specifics. Values such as integrity, responsibility, hard work, and service to the industry are systematically communicated through party documents, speeches by the PRC leadership, public service announcements, and events dedicated to Confucianism. Employee interviews include direct references to Xi Jinping's teachings, continuing the party line established under Mao Zedong. The oil and gas industry cultivates the image of an "iron man" – a pioneering worker who acts according to the principle of "a drop of oil, a drop of blood" for the sake of the Party and the Motherland. This constitutes the phenomenon of the "spirit of oil," endorsed by the Chinese President. Thus, through the synthesis of Confucian virtues and business principles developed in the early years of the PRC, the continuity of generations in the process of building socialism with Chinese characteristics is demonstrated.

Practical implications. The results of the study have multi-level practical significance. They can be used by the management of foreign companies closely cooperating with large state-owned corporations (ex. CNPC, Sinopec, CNOOC) and their subsid-

iaries to correctly interpret managerial decisions, minimise risks of misunderstanding, and develop more effective negotiation strategies. In addition, the findings can serve as a basis for methodological recommendations for private businesses in Russia's oil and gas sector, whose cooperation with China's oil and gas industry is becoming increasingly systematic and large-scale. Finally, the material is of interest to researchers in related disciplines (Oriental studies, political science, management) who study corporate governance systems in Chinese companies, the mechanisms through which party directives influence corporate management, cross-cultural interaction, value orientations, and other aspects of organisational culture in the PRC.

Keywords: China; corporate culture; oil and gas sector; institutions; values; Chinese Communist Party; Xi Jinping; Confucianism; "Spirit of Oil"

For citation. Lebedeva, N. O. (2026). The influence of party attitudes on the corporate culture of Chinese oil and gas companies. *Russian Studies in Culture and Society*, *10*(3), 57-78. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-363

Введение

История российско-китайских отношений насчитывает не одно столетие. С момента подписания Нерчинского договора и вплоть до конца XIX века между двумя государствами заключались двухсторонние соглашения, регламентирующие не только торговлю, но и вопросы в области промышленного и военного сотрудничества. События начала XX века, революция 1917 года в России и Синьхайская революция в Китае, привели к затормаживанию развития двухсторонних отношений. Возобновленные после Второй Мировой Войны, подчас они имели противоречивый характер. Очередной этап восстановления контактов политических элит двух стран и, как следствие, развитие экономического сотрудничества, пришелся на конец XX века, однако, только в 2000-х годах были созданы условия для планомерного стратегического взаимодействия. С 2010 года КНР вышла на первое место по показателям торгового обмена с Российской Федерацией [6]. На данный момент сотрудничество России и Китая не ограничивается только торговлей, оно ведется в сфере культуры, образования, науки, промышленности и др.

Взаимодействие в области топливно-энергетического комплекса началось после распада Советского Союза. Россия, стремившись преодолеть экономический кризис, экспортировала энергоресурсы,

в которых для развития промышленности нуждался Китай. На данный момент энергетическое сотрудничество ведется в рамках сразу нескольких проектов и международных объединений: Петербургский международный экономический форум (с 1997 года), форум Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества (Россия присоединилась в 1998 году), Шанхайская организация сотрудничества (с 2001 года), международное объединение БРИКС (с 2006 года) и др.

В последние годы были подписаны крупные международные контракты, определяющие стратегический план развития двух стран, например, крупнейший в истории договор на поставку нефти сроком на 30 лет между ПАО «Газпром» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC) [7], соглашение о поставках нефти через Казахстан в течение 10 лет между ПАО «Роснефть» и CNPC [2]. Руководство Китая и России также высоко оценивает уровень двухстороннего взаимодействия, отмечая, что «отношения стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой находятся на подъёме» [5].

Международная политика, проводимая руководством обеих стран, не может не оказывать влияние на сотрудничество частных компаний, задействованных в топливно-энергетическом комплексе, в том числе предприятий, выпускающих специализированное оборудование и ведущих работы по строительству нефтяных и газовых скважин. После подписания в 2009 году кредитных соглашений между Экпортно-импортным банком Китая и Газпробанком, возрос объем китайского бурового оборудования, эксплуатируемого на территории Российской Федерации [1]. Ряд экономических причин, в том числе санкции последних десяти лет со стороны США, привели к усилению зависимости российских компаний от китайского оборудования. Сотрудничество в данном направлении осуществляется не только на государственном уровне, но и на уровне частных предприятий. Двухсторонние контакты стали неотъемлемой частью деловой жизни, однако, несмотря на это, исследования в области кросс-культурных отношений по-прежнему доказывают существование разногласий, вызванных непониманием особенностей и мен-

талитета партнеров. Все это обусловливает высокую потребность в практических знаниях о деловой этике, ценностных ориентирах, культурном коде и историческом контексте для успешного ведения бизнеса с китайскими партнерами.

В настоящей статье автор ставит перед собой следующие *задачи:*

- реконструировать подходы китайских ученых к определению корпоративной культуры;
- выявить основные идеологемы и директивы Коммунистической партии Китая, адресованные предприятиям нефтегазового сектора в последние годы;
- проанализировать корпоративные ценности, миссии и кодексы поведения, публично декларируемые ведущими китайскими компаниями нефтегазового сектора;
- установить прямые или опосредованные корреляции между партийными установками и декларируемыми корпоративными ценностями;
- выявить отраслевые особенности корпоративной культуры китайских нефтегазовых компаний;
- проанализировать, какие конфуцианские добродетели воплощаются в корпоративной культуре современных предприятий.

В соответствии с поставленными целями и задачами, в исследовании выдвигаются следующие гипотезы:

- партийные установки КПК интегрированы в корпоративные ценности не только государственных, но и частных компаний нефтегазового сектора;
- корпоративная культура китайских компаний нефтегазового сектора обладает набором устойчивых отраслевых особенностей;
- посредством конфуцианских ценностей происходит легитимация партийных установок для предприятий нефтегазового сектора Китая.

При проведении данного исследования в качестве эмпирического материала выступили уставные документы китайских компаний, находящиеся в открытом доступе, их официальные сайты и пре-

зентации; интервью представителей компаний-производителей бурового оборудования, сайты отраслевых выставок Нефтегаз и China International Petroleum & Petrochemical Technology and Equipment Exhibition (CIPPE), информация на официальных сайтах подразделений Коммунистической партии Китая (КПК), опубликованные в сети Интернет статьи, посвященные деятельности КПК, переводы и толкования древнекитайских текстов. Контент-анализ сайтов компаний, интервью руководителей, анализ уставных документов позволили сформулировать ценностные установки, определяющие профессиональную деятельность их членов. Сравнительно-исторический метод позволил проследить историю трансформации взглядов на трудовой процесс в целом, и взаимодействие индивидов, их мотивации, в частности, описать влияние конфуцианских идей на политические установки и установить их взаимосвязь с корпоративной культурой предприятий нефтегазового сектора.

Понятие корпоративной культуры в китайском научном поле

В Китае концепция корпоративной культуры в ее современном толковании появилась благодаря структурным и политическим преобразованиям в стране. Чтобы понять взгляд китайского научного сообщества по данному вопросу, необходимо обратиться к этимологии понятия и истории развития корпоративной культуры китайских предприятий.

Слово «культура» в китайском языке (文化) состоит из двух иероглифов: 文 (пиньинь wén, вэнь) – узор, 化 (пиньинь huà, хуа) – преобразования. Таким образом, дословно «культура» переводится как «изменение узора». В словаре «Цихай» - аналоге Большого толкового словаря русского языка, под культурой понимается совокупность материальных и духовных ценностей, созданных людьми в процессе социальной практики»[1].

В конце династии Цин, в начале становления КНР возникло движение вестернизации, которое послужило распространению передовых

[1] «Цихай» – китайский справочник, составленный в 1915 году под эгидой Лу Фэйкуя.

западных технологий и менеджмента, эффективно способствовавших развитию национальной промышленности. В то время новое поколение китайских бизнесменов-конфуцианцев, миссией которых было спасение страны и народа, впитывая зарубежную науку, технологии и управленческий опыт, формировало корпоративную культуру с опорой на традиции. Вследствие этого в научных кругах появился термин «корпоративная культура с китайской спецификой», ядром которой стала гуманистическая конфуцианская мысль, основанная на вере, уважении и морали.

Китайские коммунисты в лице Мао Цзэдуна в своей многолетней революционно-строительной практике большое значение придавали роли человеческого духа, выдвигая такие лозунги как «служение народу», «люди превыше всего» и «духовное начало». Как говорил Мао Цзэдун: «Определенная культура (культура как идеологическая форма) является отражением политики и экономики определенного общества, а также оказывает большое влияние и воздействие на политику и экономику этого общества» [26].

После основания Китайской Народной Республики среди рабочего класса пропагандировался идеал передовиков труда. Таким примером стал нефтяник Ван Цзиньси, который за свой героический поступок по предотвращению выброса нефти также был известен как «железный человек». Имя Ван Цзиньси стало нарицательным, так называли людей, которые не бояться трудностей и смерти, идут вперед несмотря на все преграды. После реформ и открытости произошла трансформация подхода к формированию организационной культуры. Крупные китайские предприятия транслировали цели, которые стали своеобразным клише в современном Китае: «служить стране через промышленность» (Changhong), «искренностью во всем» (Haier), «Целеустремленность - основа» (Huawei). По мнению Сюй Ина за последние 40 лет построение корпоративной культуры в китайских предприятиях «прошло путь от теории к практике, от спонтанности к сознательности и от сознательности к уверенности в себе» [24].

Феномен корпоративной культуры в Китае возник в первую очередь как ответ на влияние западной управленческой мысли в

промышленности и торговле. Научный интерес к данной области исследования возник несколько позже. Его можно связать с учреждением Китайской ассоциации исследований корпоративной культуры в 1988 году. Целью данной организации является аккумулирование международного и национального опыта, помощь китайским компаниям в построении организационной культуры, обучение, обмен опытом, просвещение, научная деятельность.

Профессоры университета Цинхуа Чжан Дэ и Пань Вэньцзюнь полагают, что корпоративная культура формируется в процессе развития предприятия и является его высшей целью, базовой концепцией, стандартом ценностей и нормой поведения, которым следуют большинство сотрудников [8]. Профессор Высшей Школы Бизнеса Cheung Kong Лю Цзинь считает, что управление компанией зиждется на регламентах и корпоративной культуре. Если предприятие хочет оставаться конкурентоспособным, оно должно иметь свою собственную культуру, обладающую скрытым влиянием на внутренние процессы в течение длительного периода времени [16]. Председатель Федерации социальных наук Чэнду Ли Хоуцян определил корпоративную культуру как отрасль философии управления, краеугольным камнем которой является традиционная китайская культура. Это национальный геном и уникальный стратегический ресурс великого возрождения Китая, который невозможно скопировать, имитировать, интерполировать или трансплантировать из внешнего мира [15]. По мнению Ли Хоуцяна настал век «культурного менеджмента».

Партийные установки в трудовой деятельности сотрудников китайских предприятий

Мысль об необходимости внедрения корпоративной культуры с китайской спецификой прослеживается в выступлениях генерального секретаря Си Цзиньпина, в которых он регулярно поднимает вопрос о нравственном воспитании, наставляя сотрудников компаний различных отраслей промышленности. По мнению господина Си «культура любой нации имеет свою внутреннюю основу. Отказ от

традиций и отбрасывание основ равносильно перекрытию духовной артерии» [25]. Прежде всего, под традициями подразумеваются конфуцианские идеи, которые получили новый виток развития после избрания Си Цзиньпина на пост председателя КНР. Во время рабочей поездки в Цюйфу[1] он сделал заявление, подтверждающее данное утверждение: «Процветание страны и нации всегда зиждутся на культурном процветании. Великое возрождение китайской нации требует развития и процветания китайской культуры»[2]. Чуть позже, на очередном заседании Политбюро генеральный секретарь выразил надежду на то, что конфуцианство станет источником партийных ценностей [10]. В своей речи он призвал присутствующих придерживаться прошлого ради настоящего, отделить зерна от плевел, отбросить ложное и сохранить истинное [11]. Профессор Академии национальной обороны Янь Сяофэн высказал схожую мысль: коммунистическая партия является непреклонным последователем марксизма, и в то же время Китай является наследником выдающейся традиции [11].

В сентябре 2014 года на церемонии открытия Международного академического симпозиума, посвященного 2565-летию со дня рождения Конфуция, и Пятой Генеральной ассамблеи Международной конфуцианской федерации глава КНР процитировал строку из «Аналектов Конфуция»: «Разве не радостно встретить друга, прибывшего издалека», а во время своей речи Си Цзиньпин подчеркнул, что «конфуцианство…отражает духовные устремления китайской нации, является основой для ее бесконечного роста и развития»[3] [22].

За последние несколько лет Си Цзиньпин посетил многие государственные и частные предприятия нефтяной и газовой промышленности, дав указания о долгосрочных целях, миссиях и корпоративных ценностях. Так, например, 26 сентября 2019 года в поздравительном письме по случаю 60-летия открытия нефтяного месторождения Дацин генеральный секретарь Си Цзиньпин пожe-

[1] Цуйфу – городской уезд, родина Конфуция.
[2] Перевод Лебедевой Н.О.
[3] Перевод Лебедевой Н.О.

лал сотрудникам Daqing Oilfield Engineering Co., Ltd. «не забывать первоначальные намерения, помнить о миссии, энергично продвигать дух Дацина и дух железного человека, продолжать реформы и внедрять инновации, а также способствовать высококачественному развитию, брать на себя ответственность, быть эталоном и строить нефтяное месторождение с вековой историей» [29].

На первом заседании 20-й Центральной финансово-экономической комиссии генеральный секретарь отметил необходимость «ускорить строительство ряда предприятий мирового уровня с продукцией высокого качества, известными брендами, инновациями и современным управлением» [12].

10 октября 2023 года Си Цзиньпин в рамках деловой поездки в филиал Sinopec в Цзюцзяне, дал указания по ускорению создания компании мирового уровня и движению к мировому лидерству [14]. Наконец, на Третьем Пленуме ЦК 20-го созыва, состоявшимся в июле 2024 года, была сформулирована задача об «углублении реформы культурных систем и механизмов» [28], содействии культурному процветанию, обогащении духовной и культурной жизни людей, изучении эффективных механизмов интеграции культуры, науки и технологий.

Результаты **исследования**

В исследовании рассматривались сайты китайских производителей оборудования для нефтегазового сектора, принимающих участие в международных выставках Нефтегаз и China International Petroleum & Petrochemical Technology and Equipment Exhibition (CIPPE). Сто компаний выбирались случайным образом из перечня участников выставок. Стоит отметить тот факт, что многие китайские предприятия имеют англоязычные или русскоязычные версии сайтов, информация на которых разнится с их китайской версией. В данной работе анализировалась информация, приведенная на китайском языке, перевод был выполнен автором. В рамках исследования изучению подлежали следующие элементы корпоративной культуры: слоганы (лозунги), корпоративные ценности, цели, миссии.

Слоганы исследуемых компаний очень разнообразны, было выделено около 60 семантических единиц, которые сложно сгруппировать друг с другом. Наиболее повторяемые из них следующие: «качество», «передовые технологии», «инновации», «прогресс», «будущее», «компания мирового уровня», «бренд», «имидж», «искренность», «честность», «добросовестность», «совершенствование», «развитие», «профессиональность». Важно отметить тот факт, что большинство слоганов написано не в настоящем времени, а обращены к будущему, раскрывая планы, стремления и намерения компании. Также есть примеры слоганов, в которых существует отсылка на корпоративные ценности или использовались устойчивые образные выражения.

72% компаний разместили информацию о ценностях на своих официальных сайтах. Было выделено 82 ценностных ориентира, среди которых наиболее распространенными стали «инновации», «наука», «новые технологии», «взаимная выгода и сотрудничество», «честность», «искренность», «доверие», «развитие и совершенствование», «клиенты и их потребности», «ориентация на людей», «целеустремленность», «стремление к совершенству», «ответственность», «качество», «преданность» и «надежность». Заявленные ценности тождественны конфуцианским добродетелям искренности [кит. 信, пиньинь xìn, синь], гуманности [кит. 仁, пиньинь rén, жэнь], знания [智, пиньинь zhì, чжи], морали [кит. 德, пиньинь dé, дэ], а также вторят наставлениям генерального секретаря Си Цзиньпина в целеустремленности, настойчивости, ответственности, стремлению к инновациям и развитию. Необходимо также обратить внимание на формулировки ценностных ориентаций. Многие компании в официальных текстах прибегают не просто к последовательному перечислению отдельно стоящих семантических единиц, а используют устойчивые выражения, идиомы и крылатые фразы, которые обычно состоят из четырех иероглифов и отражают специфику деловой переписки: 以人为本 («ориентация на людей»), 追求卓越 («стремиться к совершенству»), 精益求精 («не останавливаться на достигнутом»), 客户至上 («клиент превыше всего»), 互利共赢 («взаимная выгода»), 忠诚敬业 («лояльность и преданность работе»).

О смысле существования заявили 68% компаний. В большинстве случаев миссия компаний сформулирована в одном предложении. К основным стратегическим целям китайских компаний относятся следующие: создание бренда, предоставление качественных услуг и продукции, забота о клиентах, удовлетворение потребностей и запросов клиентов, стремление к инновациям, разработке новых технологий, устойчивое развитие, служение отрасли, стране, обществу, создание ценности.

Основные цели компаний можно сформулировать следующим образом: глобализация бренда, создание компании мирового уровня, производство продукции высокого качества, внедрение инноваций, создание ценности для клиентов, удовлетворение их запросов. Цели реже всего сконцентрированы на соблюдении регламентов, специализации, реализации принципов научного менеджмента, ориентации на сотрудников. Наблюдается некоторая подмена понятий, смешение содержания миссии и целей. Ряд компаний, незначительно переформулировав содержание, дублируют центральную мысль в обоих разделах. Китайские компании предпочитают отражать свои долгосрочные намерения миссиях (68%) и целях (55%).

Заключение

Результаты исследования подтвердили выдвинутые автором гипотезы. Принято считать, что партийные установки в обязательном порядке воспроизводятся государственными корпорациями. Однако результаты исследования свидетельствуют о том, что они также усваиваются частными компаниями.

Таким образом, можно говорить о превращении идеологического дискурса в основу общеотраслевого стандарта, что ставит новые вопросы о природе отношений между государством и частным бизнесом в КНР.

Кроме того, прослеживается трансформация партийных директив в корпоративные ценности на уровне конкретных формулировок в уставных документах и публичных выступлениях. Материалы с официальных сайтов предприятий, отраслевых выставок и интер-

вью выступили в качестве индикаторов диффузии идеологического дискурса в смежные секторы.

В ходе исследования были определены наиболее частотные словосочетания и лексические единицы, а также сформулированы ключевые особенности элементов корпоративной культуры. Так, например, в своей операционной деятельности сотрудники китайских компаний ориентируются на запросы клиентов, рассматривают их как партнеров. Ценность партнеров подчеркивается речевыми клише «клиент на первом месте» (客户第一), «клиент превыше всего» (客户至上), «клиенты – основа» или «клиенты - сначала» (客户为本), «клиент важнее всего» (以客户为中心, дословно «клиент в центре, в сердце»). Базовыми принципами ведения бизнеса выступают честность и добропорядочность, сплоченность, стремление к совершенству и развитию, привнесение нового и технологичного, поддержка сотрудников и повышение их квалификации, преданность делу, стране, организации, ориентация на долгосрочную перспективу, построение предприятия с «вековой историей».

Презентации китайских компаний изобилуют устойчивыми выражениями и идиомами, которые позволяют проследить связь деловой коммуникации с традицией. Формулировки исключают конкретику, имеют обобщенный мотивационный характер повествования. Также необходимо отметить отсылки на такие институциональные факторы, свойственные китайским компаниям, как добропорядочность, честность, искренность, ответственность, преданность делу, упорный труд, служение отрасли. Данные ценностные ориентиры пропагандируются руководством Китая посредством официальных обращений, постановлений Пленума ЦК КПК, социальной рекламы, мероприятий, посвященным конфуцианской традиции и т.д. В своих обращениях генеральный секретарь призывает рабочих компаний нефтегазового сектора продвигать «дух нефти», следуя принципам «три честности, четыре строгости» и «упорного тяжелого труда» [18]. Его наставления нашли свое отражение в корпоративной культуре китайских компаний (Таблица 1).

Таблица 1.

Соответствие ценностных установок китайских компаний нефтегазового сектора указаниям председателя КНР Си Цзиньпина

Table 1. Alignment of the core values of Chinese oil and gas companies with the directives of PRC President Xi Jinping

Ориентиры, озвученные Си Цзиньпином в своих официальных обращениях к компаниям нефтегазового сектора	*Ценностные установки, указанные в корпоративной культуре китайских компаний нефтегазового сектора*
«Не забывайте о своем первоначальном намерении и двигайтесь вперед» [30].	«Целеустремленность», «взаимная выгода и сотрудничество», «стремление к совершенству».
«Любите страну и партию, трудитесь ради партии и нефти» [30]	«Ориентация на людей», «любить страну», «любить партию»[1], «служение отрасли», «сделано в Китае».
«Связь преемственности и развития» [9].	«Развитие и совершенствование»
«Строгость, прагматизм, скорость и инновации» [9].	«Прагматизм», «инновации», «наука», «новые технологии».
«Дух железного человека»[2] [29]	«Дух железного человека»[3], «упорный труд», «эффективность».
«Строить компанию с вековой историей». [29]	«Создание бренда», «компания с вековой историей».
«Брать на себя ответственность» [21]	«Ответственность», «социальная ответственность».
«Быть честными» [27]	«Честность», «искренность», «доверие», «добросовестность», «уважение».
«Строительство предприятия мирового уровня» [19]	«Глобализация бренда», «компания мирового уровня», «бренд», «имидж».
Преданность делу [18].	«Преданность делу», «надежность».

Также поддержку наставлений Си Цзиньпина сотрудниками китайских компаний нефтегазового сектора возможно проследить в их интервью:

«В своей речи генеральный секретарь подчеркнул необходимость продвижения духа передовиков труда, трудолюбия, великий харак-

[1] Прямые цитаты, встречаются у нескольких компаний.
[2] Тяжело и усердно трудиться (прим. автора)
[3] Прямая цитата, встречается у нескольких компаний.

тер рабочего класса нашей страны и широких масс трудящихся. Это огромная честь!» [23].

Ма Синьпин, руководитель второй бригады клепальщиков на рабочем участке Цзеи Baoji Oilfield Machinery Co., Ltd.

«Генеральный секретарь Си Цзиньпин говорил об инновациях, уважении к знаниям, уважении к талантам и сочетании личных устремлений и китайской мечты, которые глубоко вдохновили меня» [23].

Цзян Янь, старший инженер Shengu Group Co., Ltd.

«Суть важной речи, произнесенной по видеосвязи (Си Цзиньпином) на производственной платформе «Deep Sea One» 10 апреля 2019 года, заключается в энергичной реализации «трех крупных проектов одного действия» в качестве главного курса. Мы должны смело и ответственно следовать миссии, решительно преодолевать трудности, решать многочисленные проблемы, такие как резкие колебания цен на нефть, и стремиться играть «три роли»: технологические инновации, промышленный контроль и поддержание безопасности» [20].

Партком China National Offshore Oil Corp

«Четыре требования, выдвинутых генеральным секретарем, в последние годы послужили руководством к действию во всех направлениях деятельности в Чунцине, углубляя реформы и содействуя экономическому и социальному развитию» [13].

Сян Сяобо, председатель Chongqing Silian Sensor Technology Co., Ltd.

«Во время инспекции в Ганьсу об этом заявил Си Цзиньпин. Углубляйте реформы, будьте смелы в инновациях, упорно трудитесь, обогащайте людей и процветайте. Стремитесь написать главу модернизации в китайском стиле в Ганьсу» [3].

Официальный сайт CNPC Jichai Power Co., Ltd.

«Предприниматель – это руководитель компании и ее душа. Он является важной силой инноваций и реформ. Генеральный секретарь множество раз обращался к понятию предпринимательского духа, отмечая, что «жизненная сила рынка заключается в людях, особенно в предпринимателях и предпринимательском духе» [4].

Официальный сайт Yantai Jereh Petroleum Equipment & Technologies Co., Ltd.

«Именно опираясь на реформы, Weichai Group превратилась из компании на грани банкротства во всемирно известное моторостроительное предприятие. Мы должны следовать требованиям генерального секретаря, с большей решимостью и уверенностью продолжить продвигать реформы и постоянно стимулировать инновационное развитие предприятия» [17].

Тань Сюйгуан, председатель правления Weichai Group

В интервью работников компаний прослеживаются отсылки на наставления Си Цзиньпина, которые являются логичным продолжением политики партии, возникшей в 50-е годы XX века при Мао Цзэдуне. В нефтегазовой отрасли культивируется образ передовика труда, «железного человека», настойчиво и добросовестно идущего к своей цели ради партии и Родины, следующего принципу «капля нефти – капля крови». Все это – составляющие феномена «духа нефти», выбранного председателем КНР в качестве ценностного ориентира для работников отрасли. Таким образом, через синтез добродетелей Конфуцианства и принципов ведения бизнеса, сформулированных во время становления КНР, проявляется преемственность поколений в процессе строительства социализма с китайской спецификой.

Список литературы

1. Арзумов, И. (2014). Расплата подождёт. *Коммерсантъ Guide*, (22), 10. https://www.kommersant.ru/doc/2474117
2. Жуковская, И. Ю. (2023). Перспективные направления сотрудничества России и Китая в сфере энергетики. *Экономические исследования и разработки*. DOI: https://doi.org/10.54092/25420208_2023_1_64. EDN: https://elibrary.ru/BQNIVA.

3. Официальный сайт CNPC Jichai Power Co., Ltd. (2024). https://www.cnpc.com.cn/cnpc/titleBlue/202409/d54edfba2a844ae4940e546a8df19dd4.shtml
4. Официальный сайт Yantai Jereh Petroleum Equipment & Technologies Co., Ltd. https://www.jereh.com/cn/news/media-detail.jsp?id=6646
5. Российско-Китайский энергетический бизнес-форум. https://rcebf.com
6. Российско-китайские отношения. Двусторонние отношения. Официальный сайт Министерства иностранных дел. http://www.mid.ru/ru/maps/cn?currentpage=main-country
7. Рыбкин, Р. Ю. (2018). Основные направления российско-китайского сотрудничества: история и современность. *Управленческое консультирование*, (3), 140–145. DOI: https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-3-140-145. EDN: https://elibrary.ru/USNFNU.
8. 蔡安庆、姚孟乐. (2024). 化育以文——企业文化的传承与重构. 人文能建.
9. 传承石油精神， 弘扬新时代海油精神. (2016). 中国网. https://t.m.china.com.cn/convert/c_m1q3k52x.html
10. Confucius says, Xi does. (2015, July 25). *The Economist*. https://www.economist.com/china/2015/07/25/confucius-says-xi-does
11. 崔小粟. (2014). 一年内三次亲近儒家 习近平为何如此强调重拾传统文化？ 人民网—中国共产党新闻网. http://cpc.people.com.cn/n/2014/0925/c164113-25731729.html
12. 戴厚良. (2023). 高质量建设世界一流能源企业. 经济日报. http://paper.ce.cn/pc/content/202309/07/content_280518.html
13. 黄凌、刘政宁. (2022). 抓好»四个扎实» 推进重庆高质量发展. 重庆日报网. http://cq.people.com.cn/n2/2022/0310/c367668-35167698.html
14. 牢记嘱托 奋力谱写中国式现代化石化新篇章. (2023). 中国石化官方. https://baijiahao.baidu.com/s?id=1779965553726444384&wfr=spider&for=pc
15. 李后强. (2024). 企业文化是从企业内部生长出来. 人民网—四川频道. http://sc.people.com.cn/n2/2024/0831/c345167-40962311.html
16. 刘劲. (2023). 到底什么是好的企业文化？ 经济观察报. https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_24401030
17. 迈出新步伐 展现新作为. (2024). 人民日报, (2). https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202405/content_6953483.htm
18. 石油精神—文献石油70年出版发行. (2020). 中国石油. https://m.thepaper.cn/baijiahao_7995543
19. 孙梦宇. (2024). 中国石油第二届»感动石油人物»颁奖典礼举行. 中国网. http://union.china.com.cn/jdnews/txt/2024-09/26/content_42925996.html
20. 王馨悦、钟鸣. (2024). 深耕蓝色国土 全力以赴为建设海洋强国贡献海油力量. 旗帜, (1). http://www.qizhiwang.org.cn/n1/2024/0222/c458466-40181548.html
21. 王燕妮. (2024). 大庆油田：奋楫扬帆气象新. 中国石油报. https://baijiahao.baidu.com/s?id=1811133989422908769&wfr=spider&for=pc

22. 习近平的文化足迹丨曲阜»三孔»：儒风千载文脉传. (2023). http://politics.people.com.cn/n1/2023/0626/c1001-40020920.html
23. 习近平总书记在庆祝»五一»国际劳动节暨表彰全国劳动模范和先进工作者大会上的重要讲话引发强烈反响. (2015). 新华网. http://www.xinhuanet.com/politics/2015-04/28/c_1115122476.htm
24. 徐莹. (2024). 中华优秀传统文化是中国特色企业文化建设的根和魂. 中外企业文化, (6). https://www.sohu.com/a/796056773_121140238
25. 一清. (2013). 话说»文化三自»与中国梦. 红网. https://hlj.rednet.cn/c/2013/05/12/3002903.htm
26. 宇文利. (2021). 民族复兴离不开文化复兴. 前线杂志, 43–46.
27. 张云普. (2023). «三老四严»培育形成60周年丨薪火相传 赋能百年油田建设. 中国石油报. https://baijiahao.baidu.com/s?id=1777609779623450804&wfr=spider&for=pc
28. 中国共产党第二十届中央委员会第三次全体会议公报. (2024). www.gov.cn*: Официальный сайт Правительства КНР* [Электронный ресурс]. https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202407/content_6963409.htm
29. 周春林、苏大鹏、吴浩、康琼艳. (2023). 牢记总书记的嘱托•企业调研记. 经济日报. https://baijiahao.baidu.com/s?id=1781401876553508036&wfr=spider&for=pc
30. 钟石平. (2016). 弘扬石油精神•精神的力量. 中国石油报. https://www.china5e.com/news/news-952826-1.html

References

1. Arzumov, I. (2014). The reckoning can wait. *Kommersant Guide*, (22), 10. https://www.kommersant.ru/doc/2474117
2. Zhukovskaya, I. Yu. (2023). Promising areas of cooperation between Russia and China in the energy sector. *Economic Research and Development*. DOI: https://doi.org/10.54092/25420208_2023_1_64. EDN: https://elibrary.ru/BQNIVA.
3. Official website of CNPC Jichai Power Co., Ltd. (2024). https://www.cnpc.com.cn/cnpc/titleBlue/202409/d54edfba2a844ae4940e546a8df19dd4.shtml
4. Official website of Yantai Jereh Petroleum Equipment & Technologies Co., Ltd. https://www.jereh.com/cn/news/media-detail.jsp?id=6646
5. Russian-Chinese Energy Business Forum. https://rcebf.com
6. Russian-Chinese relations. Bilateral relations. Official website of the Ministry of Foreign Affairs. http://www.mid.ru/ru/maps/cn?currentpage=main-country
7. Rybkin, R. Yu. (2018). Main directions of Russian-Chinese cooperation: history and modernity. *Management Consulting*, (3), 140–145. DOI: https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-3-140-145. EDN: https://elibrary.ru/USNFNU.
8. Cai Anqing, & Yao Mengle. (2024). Cultivating through culture: inheritance and reconstruction of corporate culture. *Humanities and Energy Construction*.

9. Carrying forward the petroleum spirit, promoting the new era CNOOC spirit. (2016). *China.com*. https://t.m.china.com.cn/convert/c_m1q3k52x.html
10. Confucius says, Xi does. (2015, July 25). *The Economist*. https://www.economist.com/china/2015/07/25/confucius-says-xi-does
11. Cui Xiaosu. (2014). Why does Xi Jinping emphasize reviving traditional culture so strongly? Three close engagements with Confucianism within one year. *People's Daily Online – CPC News*. http://cpc.people.com.cn/n/2014/0925/c164113-25731729.html
12. Dai Houliang. (2023). Building a world-class energy enterprise of high quality. *Economic Daily*. http://paper.ce.cn/pc/content/202309/07/content_280518.html
13. Huang Ling, & Liu Zhengning. (2022). Focusing on the "four solid foundations" to advance high-quality development in Chongqing. *Chongqing Daily Online*. http://cq.people.com.cn/n2/2022/0310/c367668-35167698.html
14. Remembering the instructions, striving to write a new chapter of petrochemical modernization with Chinese characteristics. (2023). *Sinopec Official*. https://baijiahao.baidu.com/s?id=1779965553726444384&wfr=spider&for=pc
15. Li Houqiang. (2024). Corporate culture grows from within the company. *People's Daily Online — Sichuan Channel*. http://sc.people.com.cn/n2/2024/0831/c345167-40962311.html
16. Liu Jin. (2023). What actually makes a good corporate culture? *Economic Observer*. https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_24401030
17. Taking new steps, demonstrating new achievements. (2024). *People's Daily*, (2). https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202405/content_6953483.htm
18. The petroleum spirit — commemorative publication marking 70 years of the oil industry. (2020). *PetroChina*. https://m.thepaper.cn/baijiahao_7995543
19. Sun Mengyu. (2024). PetroChina holds its second "Moving Petroleum People" awards ceremony. *China.com*. http://union.china.com.cn/jdnews/txt/2024-09/26/content_42925996.html
20. Wang Xinyue, & Zhong Ming. (2024). Deeply engaging with the blue territory: fully contributing CNOOC's strength to building a maritime power. *Qizhi*, (1). http://www.qizhiwang.org.cn/n1/2024/0222/c458466-40181548.html
21. Wang Yanni. (2024). Daqing Oilfield: setting sail with renewed vigor. *Petroleum Industry News*. https://baijiahao.baidu.com/s?id=1811133989422908769&wfr=spider&for=pc
22. Xi Jinping's cultural trail: Qufu's "Three Confucian Sites" — a thousand years of Confucian heritage and cultural continuity. (2023). http://politics.people.com.cn/n1/2023/0626/c1001-40020920.html
23. Strong response triggered by General Secretary Xi Jinping's important speech at the ceremony celebrating International Labour Day and honouring national model workers and advanced workers. (2015). *Xinhua News Agency*. http://www.xinhuanet.com/politics/2015-04/28/c_1115122476.htm

24. Xu Ying. (2024). Excellent traditional Chinese culture is the root and soul of building enterprise culture with Chinese characteristics. *International and Domestic Corporate Culture*, (6). https://www.sohu.com/a/796056773_121140238
25. Yi Qing. (2013). On the "three selfs" in culture and the Chinese Dream. *Rednet*. https://hlj.rednet.cn/c/2013/05/12/3002903.htm
26. Yu Wenli. (2021). National revival cannot be separated from cultural revival. *Frontline Magazine*, 43–46.
27. Zhang Yunpu. (2023). The "three elders, four strictures" cultivation marks 60 years – passing the torch to empower a century-old oilfield development. *Petroleum Industry News*. https://baijiahao.baidu.com/s?id=1776609779623450804&wfr=spider&for=pc
28. Communique of the Third Plenary Session of the 20th Central Committee of the Communist Party of China. (2024). www.gov.cn*: Official website of the Government of the People's Republic of China*. https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202407/content_6963409.htm
29. Zhou Chunlin, Su Dapeng, Wu Hao, & Kang Qiongyan. (2023). Remembering the General Secretary's instructions: a report on corporate research. *Economic Daily*. https://baijiahao.baidu.com/s?id=1781401876553508036&wfr=spider&for=pc
30. Zhong Shiping. (2016). Promoting the petroleum spirit: the power of spirit. *Petroleum Industry News*. https://www.china5e.com/news/news-952826-1.html

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Лебедева Надежда Олеговна, преподаватель-исследователь по специальности «Социология», магистр социологии, преподаватель «Центра китайского языка и культуры»
ИжГТУ имени М. Т. Калашникова
ул. Студенческая, 7, г. Ижевск, Удмуртская Республика, 426069, Российская Федерация
Narusagawa@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda O. Lebedeva, Lecturer-Researcher, Master's Degree in Sociology, Lecturer at the Center for Chinese Language and Culture
Kalashnikov Izhevsk State Technical University
7, Studencheskaya Str., Izhevsk, Udmurt Republic, 426069, Russian Federation
Narusagawa@yandex.ru

Поступила 02.06.2026 Received 02.06.2026
После рецензирования 04.07.2026 Revised 04.07.2026
Принята 07.07.2026 Accepted 07.07.2026

Социология культуры / Sociology of Culture

Научная статья
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-3-334
УДК 316.728:004.8

Original article
EDN: ZZZBJG

Культура обращения с неопределенностью в цифровой повседневности

С.Н. Панкова
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Социокультурная неопределённость выступает устойчивым условием повседневной жизнедеятельности, однако сама по себе не предопределяет характер действия. В цифровой повседневности платформы, алгоритмы и генеративные системы участвуют в отборе информации и организации интерпретаций, поэтому сходные ситуации могут завершаться либо воспроизводством готовых решений, либо поиском новых практик. Недостаточно изучен культурный механизм, связывающий распознавание неопределённости, способ её интерпретации и выбор действия.

Цель. Разработать понятие культуры обращения с неопределённостью и теоретическую модель, объясняющую её роль как механизма проективного самоформирования личности в цифровой повседневности.

Материалы и методы. Исследование носит теоретико-концептуальный характер. Использованы концептуальный и сравнительно-теоретический анализ, категориальный синтез и теоретическое моделирование. Сопоставлены исследования повседневности, будущего, любознательности, серендипности, алгоритмической культуры и генеративного искусственного интеллекта.

Результаты. Предложено понятие культуры обращения с неопределённостью как совокупности норм, значений, интерпретационных образцов, временных режимов и практик, посредством которых неопределённость преобразуется в социальное действие. Выделены режимы преждевременного смыслового закрытия и эпистемической открытости. Показано, что цифровая среда способна поддерживать оба режима. Введено понятие майевтически опосредованной цифровой практики. Разработана модель, связывающая интерпретацию неопределённости, образ будущего, пробное действие и проективное самоформирование личности.

Область применения результатов. Предложенная модель может использоваться при анализе образовательных и организационных практик, а также при разработке условий, поддерживающих интерпретационную автономию.

Ключевые слова: культура обращения с неопределённостью; преждевременное смысловое закрытие; эпистемическая открытость; цифровая повседневность; проективное самоформирование; интерпретационная автономия; образ будущего; майевтически опосредованная цифровая практика

Для цитирования. Панкова, С. Н. (2026). Культура обращения с неопределенностью в цифровой повседневности. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(3), 79-101. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-334

Cultural engagement with uncertainty in digital everyday life

S.N. Pankova
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract

Background. Sociocultural uncertainty is a persistent condition of everyday life, but it does not in itself determine the course of action. In digital everyday life, platforms, algorithms, and generative systems participate in information selection and the organisation of interpretation; consequently, similar situations may result either in the reproduction of ready-made solutions or in the search for new practices. The cultural mechanism linking the recognition of uncertainty, its interpretation, and the choice of action remains insufficiently understood.

Purpose. The study develops the concept of cultural engagement with uncertainty and proposes a theoretical model explaining its role as a mechanism of projective self-formation in digital everyday life.

Materials and methods. This theoretical and conceptual study employs conceptual and comparative theoretical analysis, categorical synthesis, and theoretical modelling. It brings together research on everyday life, the future, curiosity, serendipity, algorithmic culture, and generative artificial intelligence.

Results. Cultural engagement with uncertainty is defined as a system of norms, meanings, interpretive patterns, temporal regimes, and practices through which uncertainty is transformed into social action. Two modes are distinguished: premature interpretive closure and epistemic openness. Digital environments are shown to support either mode. The concept of a digitally mediated maieutic practice is introduced. The proposed model links the interpretation of uncertainty, the image of the future, experimental action, and projective self-formation.

Practical implications. The proposed model can be used to analyse educational and organisational practices and to develop conditions that support interpretive autonomy.

Keywords: cultural engagement with uncertainty; premature interpretive closure; epistemic openness; digital everyday life; projective self-formation; interpretive autonomy; image of the future; digitally mediated maieutic practice

For citation. Pankova, S. N. (2026). Cultural engagement with uncertainty in digital everyday life. *Russian Studies in Culture and Society*, *10*(3), 79-101. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-334

Введение

Современная повседневность характеризуется изменчивостью условий, множественностью жизненных сценариев и необходимостью принимать решения при неполноте знания. Цифровые платформы, рекомендательные алгоритмы и интеллектуальные системы отбирают и интерпретируют информацию, влияя на представления о будущем и организацию жизнедеятельности [2; 7; 8; 24]. Однако неопределённость не объясняет, почему в сходных условиях одни субъекты воспроизводят привычные действия, а другие пересматривают представления и осваивают новые практики. Социологического объяснения требуют культурные способы её распознавания и преобразования в действие.

В социологии культуры личность рассматривается и как результат социализации, и как субъект интерпретации и преобразования значений [1; 5]. Самоформирование понимается как активное измерение социализации, в котором личность изменяет способы жизнедеятельности, соотнося опыт, текущую ситуацию и возможное будущее [4; 6; 9; 20; 23]. Социологические исследования раскрывают институциональные и временные условия этого процесса, а работы о потребности в определённости, любознательности и интеллектуальной скромности – индивидуальные способы обращения с неполнотой знания [13; 14; 17; 22; 25]. Недостаточно изученным остаётся культурный механизм, связывающий изменчивость среды с практикой.

Для его анализа вводится понятие культуры обращения с неопределённостью – совокупности норм, значений, интерпретационных образцов, временных режимов и практик, посредством которых

неопределённость распознаётся, интерпретируется и преобразуется в социальную активность. Понятие переносит акцент со степени неопределённости среды на способы отношения к незнанию, множественности возможного и будущему.

Различаются два режима. Преждевременное смысловое закрытие означает принятие первой доступной или социально легитимной интерпретации до рассмотрения альтернатив. Эпистемическая открытость предполагает признание частичности знания, сохранение вопроса открытым и готовность корректировать понимание и действие [13; 14; 22; 25]. Режимы не являются типами личности: их воспроизводство зависит от образовательных и организационных норм, доверия, ресурсов, времени и права на ошибку [11; 21; 25].

Цифровая повседневность поддерживает оба режима. Алгоритмический отбор и завершённые генеративные ответы сокращают путь от вопроса к решению и могут создавать впечатление завершённости знания [3; 7; 8; 11; 16; 24]. Цифровые системы также используются для поиска контраргументов, выявления предпосылок и моделирования альтернатив [10; 12]. Определяющим становится распределение интерпретационной инициативы и ответственности между человеком и системой. Неравномерность распределения ресурсов интерпретационной самостоятельности ставит вопрос о социально-стратификационных последствиях различий культурных режимов обращения с неопределённостью.

Объект исследования – процессы самоформирования личности в цифровой повседневности. Предмет исследования – культурные нормы, интерпретационные образцы и повседневные практики, посредством которых неопределённость преобразуется в различные траектории действия.

Цель исследования – разработать понятие культуры обращения с неопределённостью и модель её роли как социокультурного механизма проективного самоформирования личности. Для этого уточняются содержание неопределённости как социокультурной ситуации и структура культуры обращения с ней; характеризуются режимы смыслового закрытия и эпистемической открытости; вы-

является амбивалентная роль цифровой среды; определяется место механизма в переходе от образа будущего к адаптивным или созидательным практикам.

Теоретическая гипотеза состоит в том, что воздействие социокультурной неопределённости на формирование личности опосредуется культурными способами её интерпретации и практического освоения. Преждевременное смысловое закрытие фиксирует один сценарий будущего и поддерживает воспроизводство готовых моделей жизнедеятельности; эпистемическая открытость сохраняет альтернативы, позволяет пересматривать образ будущего и переходить к пробным действиям.

Научная новизна состоит во введении понятия культуры обращения с неопределённостью; выделении двух культурных режимов её освоения; трактовке эпистемической открытости как режима и социокультурно формируемой способности; введении понятия майевтически опосредованной цифровой практики; разработке модели перехода от неопределённости через пересмотр образа будущего к адаптивным или созидательным практикам.

Материалы и методы

Исследование носит теоретико-концептуальный характер и выполнено в рамках социологии культуры, личности и повседневности. Методологическую основу составили социокультурный подход, трактующий культуру как систему значений, норм и практик, и социально-конструктивистская перспектива, рассматривающая повседневность как пространство воспроизводства и преобразования смыслов [1; 5].

Теоретический корпус включал исследования повседневности и интерпретации [1; 5]; будущего и агентности [6; 9; 20; 23]; потребности в определённости, любознательности, эпистемической открытости и серендипности [13; 14; 17; 18; 19; 22; 25]; алгоритмической культуры и генеративного искусственного интеллекта [2; 3; 7; 8; 10; 11; 12; 16; 21; 24]. Такой состав источников позволил сопоставить индивидуальный, культурный и технологический уровни обращения с неопределённостью.

Концептуальный анализ использован для разграничения неопределённости, смыслового закрытия, эпистемической открытости, образа будущего и самоформирования; сравнительно-теоретический – для сопоставления объяснительных возможностей подходов; категориальный синтез – для построения понятия культуры обращения с неопределённостью; теоретическое моделирование – для реконструкции перехода от интерпретации ситуации к образу будущего и действию.

Исследование включало четыре шага: уточнение социокультурного содержания неопределённости; выделение интерпретационных режимов; анализ их цифрового опосредования; построение модели проективного самоформирования. Модель имеет теоретико-эвристический статус и предназначена для последующей операционализации и эмпирической проверки.

Результаты и обсуждение

1. Неопределённость как социокультурная ситуация

Неопределённая ситуация не задаёт единственной логики поведения: субъект может обратиться к готовой схеме, отложить решение, передать его внешнему авторитету или пересмотреть понимание. Между неполнотой знания и действием находится интерпретационный уровень, на котором формируется практический ответ [9; 13; 17].

Социологические подходы объясняют неопределённость через институты, нормы, ресурсы и структуру возможностей; психологические – через потребность в определённости, любознательность, интеллектуальную скромность и когнитивную гибкость [13; 14; 17; 22; 25]. Однако они лишь частично раскрывают социальное воспроизводство и культурные различия способов обращения с неизвестным.

В социологии культуры анализируются нормы и образцы, определяющие, что признаётся неизвестным, допустимо ли сохранять вопрос открытым, каким источникам доверяют, насколько быстро требуется решение и как действие соотносится с будущим [1; 5; 6; 23]. Неизвестное не исчерпывается дефицитом информации: оно может оформляться как смысловая структура, сохраняющая напряжение между сокрытием и раскрытием [15]. Неопределённость поэтому рассматривается как культурно организованная ситуация.

В цифровой повседневности этот механизм особенно заметен: платформы и интеллектуальные системы отбирают и структурируют информацию, ускоряют получение ответа, но способны расширять пространство поиска и контринтерпретации [3; 7; 8; 10; 12; 24]. Их влияние определяется поддерживаемым режимом обращения с неопределённостью.

Культура обращения с неопределённостью определяется как совокупность норм, значений, интерпретационных образцов, временных режимов и повседневных практик, посредством которых неопределённость распознаётся, оценивается и преобразуется в социальную активность. Аналитические измерения понятия представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Основные измерения культуры обращения с неопределённостью

Table 1. Main dimensions of cultural engagement with uncertainty

Измерение	Содержание	Основной аналитический вопрос
Распознавание неопределённости	Определение характера ситуации: риск, информационный дефицит, открытая проблема, кризис или возможность	С чем, по представлению субъекта, он столкнулся?
Оценка незнания	Культурное значение незнания: недостаток компетентности, угроза, допустимое состояние поиска или источник нового понимания	Как в данной среде оцениваются сомнение и признание неполноты знания?
Интерпретационный режим	Способ построения объяснения: обращение к готовой схеме, авторитету, множеству версий или контринтерпретации	Допускает ли ситуация несколько обоснованных прочтений?
Временной режим	Социально приемлемая скорость перехода от вопроса к решению, допустимость отсрочки и пересмотра позиции	Насколько долго вопрос может оставаться открытым?
Источники знания и доверия	Экспертные, институциональные, межличностные и цифровые источники, используемые для уменьшения или переосмысления неопределённости	Кому и чему субъект доверяет при принятии решения?
Отношение к аномалии	Способ обращения с фактом, не укладывающимся в привычную схему: исключение как шума либо преобразование в новый вопрос	Становится ли несоответствие поводом для пересмотра понимания?

Измерение	Содержание	Основной аналитический вопрос
Отношение к будущему	Фиксация одного сценария либо сохранение открытого и корректируемого проекта жизнедеятельности	Как неопределённость влияет на образ возможного будущего?
Практический режим	Воспроизводство известного действия, отказ от решения, адаптация или экспериментирование	Во что преобразуется интерпретация неопределённости?
Институциональные условия	Нормы, ресурсы, санкции, доверие, право на ошибку и доступность альтернативных позиций	Какие социальные условия поддерживают выбранный способ действия?
Цифровое опосредование	Влияние платформ, алгоритмов и интеллектуальных систем на структуру релевантности, скорость ответа и интерпретационную автономию	Расширяет ли технология пространство понимания или замещает его готовым ответом?

Источник: составлено автором.

Сочетание измерений образует два аналитических режима: преждевременное смысловое закрытие, ориентированное на быстрое восстановление определённости, и эпистемическую открытость, сохраняющую альтернативную интерпретацию и возможность корректировки действия.

2. Культурные режимы обращения с неопределённостью: смысловое закрытие и эпистемическая открытость

Культура обращения с неопределённостью проявляется в способах организации интерпретации, решения и действия. Аналитически различаются преждевременное смысловое закрытие и эпистемическая открытость. Субъект может переходить между ними в зависимости от ситуации, ресурсов, институциональных требований и цены ошибки.

2.1. Преждевременное смысловое закрытие

Стремление к определённости необходимо для координации и своевременных решений [13]. Закрывающий характер оно приобретает, когда первая доступная, привычная или социально легитимная интерпретация принимается до анализа альтернатив и проверки ос-

нований. Этот способ действия обозначается как преждевременное смысловое закрытие.

Режим близок к психологическому понятию потребности в когнитивном закрытии, но не сводится к индивидуальной мотивации [13]. Его поддерживают требования скорости, образовательная ориентация на единственно правильный ответ, цифровое сокращение пути от вопроса к информации [3; 7; 8] и нормы, связывающие компетентность с отсутствием сомнений. При дефиците времени смысловое закрытие выполняет адаптивную функцию: снижает когнитивные затраты и обеспечивает предсказуемость и координацию.

Ограничения проявляются в открытых ситуациях, требующих сопоставления интерпретаций и новых решений. Быстрое устранение неясности здесь может означать фиксацию значения вместо исследования проблемы [13], сокращая пространство новых вопросов и воспроизводя привычные схемы вопреки изменившимся условиям.

2.2. Эпистемическая открытость

Эпистемическая открытость представляет собой альтернативный режим, в котором неполнота знания сохраняется как основание дальнейшего анализа. Как культурный режим она задаёт нормы допустимого сомнения, пересмотра и сопоставления позиций; как формируемая способность личности – позволяет осознавать ограниченность собственного понимания, удерживать вопрос открытым в течение необходимого времени и корректировать первоначальные представления под воздействием нового опыта [14; 22; 25].

Эпистемическая открытость не означает бесконечного сомнения: решение принимается как достаточное для ситуации, но остаётся проверяемым. Исследования интеллектуальной скромности связывают осознание ограниченности знания с рефлексивным мышлением, любознательностью, открытостью и готовностью учиться [14; 25]. В отличие от любознательности как реакции на информационный разрыв [17; 22], эпистемическая открытость понимается как социально формируемый режим признания незнания, обсуждения альтернатив и пересмотра позиции.

Категориальный синтез исследований любознательности и интеллектуальной скромности [14; 17; 22; 25] позволяет выделить пять компонентов эпистемической открытости: перцептивный – замечать несоответствия между схемой и опытом; когнитивный – удерживать и анализировать несколько интерпретаций; рефлексивный – признавать ограниченность собственных представлений; коммуникативный – обращаться к альтернативным позициям и обсуждению; проективный – переводить новое понимание в пересмотр образа будущего и поиск способов действия. Последний компонент связывает эпистемическую открытость с самоформированием личности.

2.3. Социальные условия воспроизводства культурных режимов

Оба режима социально обусловлены, а возможность сохранять вопрос открытым распределена неравномерно. Она зависит от образования, предметной подготовки, профессиональной автономии, материальной устойчивости, доверия, времени, доступа к источникам знания и права на ошибку. В академической среде особое значение имеют вдумчивая работа с текстами, критическое осмысление и самостоятельная выработка исследовательской позиции [11]; в алгоритмической – сочетание платформенной и алгоритмической грамотности с цифровым капиталом [21]. Поэтому различие режимов нельзя сводить к типам личности: оно отражает культурно и институционально организованные возможности сохранять вопрос открытым, сопоставлять альтернативные версии и пересматривать принятое решение.

Среды, ориентированные на скорость, стандартизацию и демонстрацию безошибочности, поддерживают смысловое закрытие; практики аргументации, исследовательского поиска и пересмотра – открывающий режим. В цифровой повседневности персонализация и генеративные ответы могут сокращать путь к готовой версии [3; 7; 8; 16; 24], но те же системы используются для проверки предположений и контринтерпретаций [12]. Сравнение режимов представлено в таблице 2.

Таблица 2.

Культурные режимы обращения с неопределённостью
Table 2. Cultural modes of engagement with uncertainty

Аналитическое измерение	**Преждевременное смысловое закрытие**	**Эпистемическая открытость**
Основная цель	Быстрое восстановление определённости	Углубление понимания ситуации
Отношение к незнанию	Дефицит, требующий устранения	Возможный источник нового понимания
Интерпретация	Фиксация первой достаточной версии	Сопоставление альтернативных версий
Временной режим	Минимизация времени неопределённости	Допустимость временно открытого вопроса
Источники знания	Авторитет, привычные схемы, готовые решения	Диалог, исследование, различные источники
Отношение к ошибке	Избегание пересмотра решения	Корректировка и обучение
Будущее и действие	Закрепление сценария, воспроизводство практики	Открытый проект, экспериментальное действие
Преобладающая функция	Адаптация и стабилизация	Проективное развитие и созидательное преобразование

Источник: составлено автором.

Различие режимов определяется не наличием неопределённости, а распределением времени, интерпретационной инициативы и ответственности. Цифровая среда способна усиливать любой из них и далее рассматривается как пространство технологического опосредования культурных способов обращения с неизвестным.

3. Цифровая повседневность как пространство воспроизводства культурных режимов

Цифровая повседневность – гибридная среда, где непосредственные взаимодействия соединяются с платформенной коммуникацией, алгоритмическим отбором и интеллектуальными системами. Технологии включены в образование, труд, самообразование, социальные связи и принятие решений; они участвуют в формировании структуры релевантности, делая одни события, позиции и возможности заметнее других. Их влияние амбивалентно: цифровая среда может ускорять смысловое закрытие или расширять интерпретацию. Результат определяется организацией взаимодействия человека с системой.

3.1. Алгоритмическое сокращение неопределённости

Поисковые и рекомендательные алгоритмы сокращают информационную сложность, предлагая пользователю ранжированную выборку содержания [3; 7; 24]. Такой отбор облегчает ориентацию в информационном избытке, но одновременно задаёт рамки видимости: одни интерпретации и варианты действия становятся доступнее, тогда как другие остаются за пределами внимания. Персонализация на основе предыдущего поведения и платформенных критериев способна формировать самоподдерживающийся цикл, в котором сделанный ранее выбор определяет последующий отбор содержания, подтверждающего уже сложившуюся позицию и сужающего горизонт альтернатив [3; 7; 24]. Эффект алгоритмического отбора зависит и от того, как пользователи представляют себе работу алгоритмов и организуемую платформами видимость [8].

Алгоритмическая фильтрация, однако, не означает неизбежной утраты субъектности. Пользователь может обращаться к альтернативным источникам, изменять поисковые практики и проверять противоположные позиции. Здесь важно различать разрешимую неопределённость, требующую факта или инструкции, и открытую социальную ситуацию, допускающую несколько обоснованных прочтений. Во втором случае скорость получения ответа не тождественна глубине понимания: техническое устранение информационного разрыва может завершить поиск до осмысления самой ситуации [17; 22]. Эта тенденция усиливается, когда цифровая система не только отбирает информацию, но и формирует связный ответ.

3.2. Генеративный искусственный интеллект как фактор смыслового закрытия

В отличие от поисковой системы, генеративная модель не только предоставляет доступ к информации, но и формирует связный ответ, в котором фактические сведения, обобщения и предположения представлены в единой речевой форме [10; 16]. В перспективе человеко-машинной коммуникации система выступает участником смыслообразования, поскольку не просто передаёт информацию, а организует возможное понимание ситуации [10]. Это ускоряет

объяснение, обобщение и моделирование решений, но может сокращать этап самостоятельной постановки проблемы. Единообразная форма ответа сглаживает различия между фактом, интерпретацией и допущением, делая менее заметными основания суждения и исключённые альтернативы [16].

В академической среде завершённый результат может отделяться от процесса формирования понимания. А. Джена и У. Раман связывают риск использования генеративного ИИ с ослаблением вдумчивой работы с текстами, критического осмысления и способности выдерживать интеллектуальное затруднение и неопределённость [11]. Опрос специалистов интеллектуального труда выявил связь между доверием к генеративному ИИ и снижением субъективно оцениваемых усилий критического мышления, однако причинный характер этой связи не установлен [16]. В закрывающем режиме связность и завершённость ответа могут восприниматься как достаточность его оснований, вследствие чего интерпретационный поиск прекращается до проверки альтернатив.

Поэтому необходимо различать передачу рутинной операции и передачу интерпретационной ответственности. В первом случае пользователь задаёт критерии, проверяет результат и сохраняет контроль над решением; во втором автоматически сформированное объяснение принимается как достаточное основание действия. Риск смыслового закрытия связан, следовательно, не с самим фактом использования генеративного ИИ, а со способом распределения интерпретационной инициативы и ответственности между человеком и системой.

3.3. Майевтически опосредованная цифровая практика

Термин «майевтический» используется для обозначения взаимодействия, которое не предоставляет готового решения, а посредством вопросов, уточнений и выявления противоречий содействует самостоятельному формированию понимания. Применительно к цифровой среде майевтически опосредованная практика предполагает использование диалоговой системы не для замещения интерпретации, а для её углубления и проверки. Майевтически опосредованная цифровая

практика представляет собой технологическую форму реализации эпистемической открытости.

Диалоговые системы могут выявлять неявные предпосылки, формулировать контраргументы, сопоставлять альтернативные версии и моделировать неучтённые последствия [12]. В таком взаимодействии пользователь обращается к системе не за окончательным решением, а за средствами проверки собственного понимания. Вопросы об основаниях вывода, непредставленных позициях, возможных возражениях и необходимых способах проверки превращают цифровую систему из источника готового ответа в средство контринтерпретации.

Эту логику конкретизирует Serendipity Prompting: исследователь сначала формулирует собственное прочтение, затем получает от модели поддерживающую версию, контрпрочтение и открытый вопрос, после чего возвращается к источникам и проверяет предложенные связи [12]. В такой практике система не замещает смыслообразование, а стимулирует уточнение вопроса, сопоставление альтернатив и самостоятельный выбор действия. Интерпретационная инициатива при этом сохраняется за пользователем, а результат работы системы остаётся предметом проверки.

Такая практика может поддерживать серендипность – неожиданное обнаружение связи или возможности, не предусмотренной исходным запросом [18; 19]. Однако неожиданная находка становится значимой не сама по себе, а тогда, когда включается в дальнейшую интерпретацию, проверяется по источникам и опыту и получает продолжение в новом вопросе или действии. Возможность поддерживать подобное взаимодействие зависит от предметной подготовки, времени, доступа к альтернативным источникам и институциональных норм, что выводит анализ к проблеме цифровой автономии и социального неравенства.

3.4. Интерпретационная автономия как измерение цифрового неравенства

В цифровой среде обозначенные социальные условия конкретизируются в предметных знаниях, доступе к альтернативным источникам, времени, языковых ресурсах и опыте постановки вопросов

[16; 21]. Агентность в алгоритмической среде определяется не одним техническим доступом, а сочетанием платформенной грамотности, алгоритмической осведомлённости и цифрового капитала [21]. Это позволяет рассматривать интерпретационную автономию как особое измерение цифрового неравенства. Она выражается в способности отделять факт от интерпретации, выявлять ограничения ответа, сопоставлять источники, запрашивать контраргументы, сохранять самостоятельность суждения и отвечать за последствия.

Ресурсы интерпретационной автономии распределены неравномерно. Пользователь, располагающий предметной подготовкой и критериями проверки, может встраивать ИИ в собственную практику, сохраняя контроль над оценкой результата; при отсутствии этих ресурсов возрастает зависимость от автоматически сформированного ответа. Поэтому равный технический доступ к цифровым системам не обеспечивает равенства познавательных возможностей [21].

Интерпретационная автономия зависит и от институциональной среды, в которой ценятся аргументация и самостоятельное формирование понимания, допускаются признание незнания, проверка, ошибка и пересмотр позиции [11; 14; 21; 25]. В цифровом обществе социальное неравенство проявляется не только в доступе к информации и технологиям, но и в возможности сохранять самостоятельность интерпретации при обращении с ними. Такое неравенство означает различия в возможностях пересматривать образ будущего, осуществлять пробные действия и корректировать собственную траекторию жизнедеятельности. Тем самым культурные режимы обращения с неопределённостью связываются с социально распределёнными возможностями проективного самоформирования личности.

4. Культура обращения с неопределённостью как механизм проективного самоформирования личности

Культура обращения с неопределённостью связывает распознавание неполноты знания со способом интерпретации ситуации и последующей траекторией действия. Проективное самоформирование понимается как интерпретационно-временное измерение самоформирования, в котором оценка ситуации соотносится с образом будущего

и практической апробацией возможного действия [4; 9; 20; 23]. В обобщённом виде механизм включает следующие взаимосвязанные этапы: распознавание неопределённости → интерпретация ситуации в режиме смыслового закрытия или эпистемической открытости → формирование или пересмотр образа будущего → пробное действие → оценка последствий → корректировка жизненного проекта.

При преждевременном смысловом закрытии первая приемлемая интерпретация фиксирует известный сценарий будущего и поддерживает адаптационно-репродуктивную траекторию [13]. Такой способ действия функционален в стандартных ситуациях, требующих своевременного решения и координации, но ограничивает пространство возможного, когда изменившиеся условия требуют пересмотра оснований действия.

При эпистемической открытости неопределённость сохраняется как вопрос, допускающий несколько проверяемых интерпретаций. Образ будущего связывает новое понимание с практикой, направляет действие и корректируется по его результатам [6; 9; 20; 23]. Проективно-созидательная траектория становится возможной, когда альтернативная интерпретация переводится в ограниченное и по возможности обратимое пробное действие. Полученный опыт, включая серендипные обнаружения, включается в дальнейшую интерпретацию и изменяет жизненный проект, если признаётся значимым и получает практическое продолжение [18; 19].

Различие траекторий определяется не устойчивыми свойствами личности, а тем, какой культурный режим поддерживается в конкретной ситуации и какими ресурсами располагает субъект. Возможность сохранять вопрос открытым, проверять альтернативы и переходить к пробному действию зависит от времени, доступа к знаниям, доверия, материальной и профессиональной автономии, права на ошибку и институциональной поддержки [11; 13; 21; 25]. Поэтому культура обращения с неопределённостью объясняет не формирование особого типа личности, а социально обусловленные различия в возможностях пересматривать образ будущего, проверять новые способы действия и корректировать жизненную траекторию.

Заключение

1. Неопределённость представляет собой социокультурную ситуацию, влияние которой на выбор действия опосредуется нормами, значениями, источниками доверия, временными режимами и интерпретационными практиками. Для анализа этого уровня предложено понятие культуры обращения с неопределённостью.

2. Выделены два аналитических режима. Преждевременное смысловое закрытие ускоряет восстановление определённости и поддерживает адаптацию, но в открытых ситуациях может закреплять готовые схемы. Эпистемическая открытость сохраняет возможность сопоставления альтернатив и корректировки решения по результатам практической проверки. Эти режимы не являются типами личности: субъект может переходить между ними в зависимости от ситуации, доступных ресурсов и институциональных условий.

3. Цифровая повседневность способна поддерживать оба режима. Алгоритмический отбор и завершённые генеративные ответы могут сокращать интерпретационное пространство. Майевтически опосредованная цифровая практика, напротив, предполагает использование интеллектуальной системы для выявления предпосылок, контринтерпретаций и новых вопросов при сохранении интерпретационной инициативы и ответственности пользователя.

4. Культура обращения с неопределённостью включается в проективное самоформирование через интерпретацию ситуации, образ будущего и пробное действие. Преждевременное смысловое закрытие поддерживает адаптационно-репродуктивную траекторию, тогда как при эпистемической открытости становится возможной проективно-созидательная траектория, предполагающая проверку новых способов действия и корректировку жизненного проекта.

5. Различия культурных режимов обращения с неопределённостью приобретают социально-стратификационное значение, поскольку возможность сохранять вопрос открытым, проверять альтернативы и самостоятельно оценивать цифровой ответ распределена неравномерно. Интерпретационная автономия выступает поэтому особым измерением цифрового неравенства, выражающим различия в воз-

можностях самостоятельно проектировать будущее и проверять новые способы действия. Предлагаемая модель имеет теоретико-эвристический характер; её дальнейшая проверка предполагает изучение способов распознавания неопределённости, практик использования генеративного ИИ и социальных условий перехода от альтернативной интерпретации к действию.

Описание применения генеративной модели. При подготовке рукописи использовалась языковая модель ChatGPT, GPT-5.6 Thinking (OpenAI, август 2026 г.) для структурирования теоретического материала, подготовки черновых формулировок отдельных фрагментов, языкового редактирования, выявления содержательных повторов, сопоставления текста с требованиями журнала и поиска дополнительных источников. Запросы были направлены на уточнение логики аргументации, сокращение текста без изменения его концептуального содержания и проверку полноты библиографического аппарата. Концепция исследования, отбор и проверка литературы, интерпретация теоретических положений, формулирование научной новизны и окончательная редакция выполнены автором. Генеративная модель не использовалась для сбора или анализа эмпирических данных. Автор проверила библиографические сведения и несёт ответственность за содержание рукописи.

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело финансовой или спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Бергер, П., & Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания*. Москва: Медиум. 323 с.
2. Лешкевич, Т. Г. (2025). Цифровое «расщепление» повседневности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*, *29*(2), 446–459. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-446-459. EDN: https://elibrary.ru/SYDEJI.

3. Тихонюк, А. А. (2024). Искусственный интеллект и масс-медиа: негативные аспекты алгоритмов персонализации контента. *Коммуникология*, *12*(3), 43–60. DOI: https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-3-43-60. EDN: https://elibrary.ru/GVETBQ.
4. Чечулина, С. Н. (1999). *Самоформирование личности как конструирование повседневной жизнедеятельности* (дис. … канд. социол. наук). Екатеринбург. 156 с. EDN: https://elibrary.ru/QCYQUV.
5. Шюц, А. (1988). Структура повседневного мышления. *Социологические исследования*, (2), 129–137.
6. Beckert, J. (2016). *Imagined Futures: Fictional Expectations and Capitalist Dynamics*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
7. Beer, D. (2017). The social power of algorithms. *Information, Communication & Society*, *20*(1), 1–13. DOI: https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147.
8. Bucher, T. (2017). The algorithmic imaginary: Exploring the ordinary affects of Facebook algorithms. *Information, Communication & Society*, *20*(1), 30–44. DOI: https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1154086.
9. Emirbayer, M., & Mische, A. (1998). What is agency? *American Journal of Sociology*, *103*(4), 962–1023. DOI: https://doi.org/10.1086/231294. EDN: https://elibrary.ru/CTMCCH.
10. Guzman, A. L., & Lewis, S. C. (2020). Artificial intelligence and communication: A human-machine communication research agenda. *New Media & Society*, *22*(1), 70–86. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444819858691.
11. Jena, A., & Raman, U. (2026). Shortcuts and scholarship: A cross-generational reflection on AI and academic formation. *Media, Culture & Society*. DOI: https://doi.org/10.1177/01634437261472373. EDN: https://elibrary.ru/DCOTNU.
12. Krähnke, U., Dresing, T., & Pehl, T. (2027). Serendipity Prompting und methodisierte Neugier: Manifest für eine mäeutische Nutzung generativer KI in der qualitativen Forschung. В кн.: R. Spiller, G. Mehling, & B. Michel (Ред.), *Digitale Verfahren und KI in der qualitativen Sozialforschung: Anwendungen, Herausforderungen, Reflektionen* [Preprint]. https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-111563-8
13. Kruglanski, A. W., & Webster, D. M. (1996). Motivated closing of the mind: "Seizing" and "freezing." *Psychological Review*, *103*(2), 263–283. DOI: https://doi.org/10.1037/0033-295X.103.2.263. EDN: https://elibrary.ru/HKBRJP.
14. Krumrei-Mancuso, E. J., Haggard, M. C., LaBouff, J. P., & Rowatt, W. C. (2020). Links between intellectual humility and acquiring knowledge. *The Journal of Positive Psychology*, *15*(2), 155–170. DOI: https://doi.org/10.1080/17439760.2019.1579359.
15. Kurakin, D. (2026). The mysterious stranger and modern enchantment. *The British Journal of Sociology*. DOI: https://doi.org/10.1111/1468-4446.70158. EDN: https://elibrary.ru/KFIOBD.

16. Lee, H.-P., Sarkar, A., Tankelevitch, L., Drosos, I., Rintel, S., Banks, R., & Wilson, N. (2025). The impact of generative AI on critical thinking: Self-reported reductions in cognitive effort and confidence effects from a survey of knowledge workers. В кн.: *Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems* (pp. 1–22). New York: Association for Computing Machinery. DOI: https://doi.org/10.1145/3706598.3713778.
17. Loewenstein, G. (1994). The psychology of curiosity: A review and reinterpretation. *Psychological Bulletin*, *116*(1), 75–98. DOI: https://doi.org/10.1037/0033-2909.116.1.75. EDN: https://elibrary.ru/HKCJPB.
18. Makri, S., & Blandford, A. (2012). Coming across information serendipitously. Part 1: A process model. *Journal of Documentation*, *68*(5), 684–705. DOI: https://doi.org/10.1108/00220411211256030.
19. Merton, R. K., & Barber, E. (2004). *The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 313 p.
20. Mische, A. (2009). Projects and possibilities: Researching futures in action. *Sociological Forum*, *24*(3), 694–704. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2009.01127.x.
21. Punziano, G., & Trezza, D. (2026). Agency in social media platforms: The role of capitals and literacies under algorithmic environments. *Information, Communication & Society*. DOI: https://doi.org/10.1080/1369118X.2026.2665249. EDN: https://elibrary.ru/IREZIG.
22. Singh, A., & Manjaly, J. A. (2021). The effect of information gap and uncertainty on curiosity and its resolution. *Journal of Cognitive Psychology*, *33*(4), 403–423. DOI: https://doi.org/10.1080/20445911.2021.1908311. EDN: https://elibrary.ru/EMMOHB.
23. Tavory, I., & Eliasoph, N. (2013). Coordinating futures: Toward a theory of anticipation. *American Journal of Sociology*, *118*(4), 908–942. DOI: https://doi.org/10.1086/668646.
24. van Dijck, J. (2013). *The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media*. Oxford: Oxford University Press. DOI: https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199970773.001.0001.
25. Whitcomb, D., Battaly, H., Baehr, J., & Howard-Snyder, D. (2017). Intellectual humility: Owning our limitations. *Philosophy and Phenomenological Research*, *94*(3), 509–539. DOI: https://doi.org/10.1111/phpr.12228.

References

1. Berger, P., & Luckmann, T. (1995). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. 323 p.
2. Leshkevich, T. G. (2025). Digital “splitting” of everyday life. *RUDN Journal of Philosophy*, *29*(2), 446–459. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-446-459. EDN: https://elibrary.ru/SYDEJI.

3. Tikhonyuk, A. A. (2024). Artificial intelligence and mass media: Negative aspects of content personalization algorithms. *Communicology*, *12*(3), 43–60. DOI: https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-3-43-60. EDN: https://elibrary.ru/GVETBQ.
4. Chechulina, S. N. (1999). *Self-formation of Personality as the Construction of Everyday Life Activities* (Doctoral dissertation). Yekaterinburg. 156 p. EDN: https://elibrary.ru/QCYQUV.
5. Schütz, A. (1988). The structure of everyday thinking. *Sociological Studies*, (2), 129–137.
6. Beckert, J. (2016). *Imagined Futures: Fictional Expectations and Capitalist Dynamics*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
7. Beer, D. (2017). The social power of algorithms. *Information, Communication & Society*, *20*(1), 1–13. DOI: https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147.
8. Bucher, T. (2017). The algorithmic imaginary: Exploring the ordinary affects of Facebook algorithms. *Information, Communication & Society*, *20*(1), 30–44. DOI: https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1154086.
9. Emirbayer, M., & Mische, A. (1998). What is agency? *American Journal of Sociology*, *103*(4), 962–1023. DOI: https://doi.org/10.1086/231294. EDN: https://elibrary.ru/CTMCCH.
10. Guzman, A. L., & Lewis, S. C. (2020). Artificial intelligence and communication: A human-machine communication research agenda. *New Media & Society*, *22*(1), 70–86. DOI: https://doi.org/10.1177/1461444819858691.
11. Jena, A., & Raman, U. (2026). Shortcuts and scholarship: A cross-generational reflection on AI and academic formation. *Media, Culture & Society*. DOI: https://doi.org/10.1177/01634437261472373. EDN: https://elibrary.ru/DCOTNU.
12. Krähnke, U., Dresing, T., & Pehl, T. (2027). Serendipity Prompting and Methodized Curiosity: A Manifesto for a Maieutic Use of Generative AI in Qualitative Research. In R. Spiller, G. Mehling, & B. Michel (Eds.), *Digital Methods and AI in Qualitative Social Research: Applications, Challenges, Reflections* [Preprint]. https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-111563-8
13. Kruglanski, A. W., & Webster, D. M. (1996). Motivated closing of the mind: "Seizing" and "freezing." *Psychological Review*, *103*(2), 263–283. DOI: https://doi.org/10.1037/0033-295X.103.2.263. EDN: https://elibrary.ru/HKBRJP.
14. Krumrei-Mancuso, E. J., Haggard, M. C., LaBouff, J. P., & Rowatt, W. C. (2020). Links between intellectual humility and acquiring knowledge. *The Journal of Positive Psychology*, *15*(2), 155–170. DOI: https://doi.org/10.1080/17439760.2019.1579359.
15. Kurakin, D. (2026). The mysterious stranger and modern enchantment. *The British Journal of Sociology*. DOI: https://doi.org/10.1111/1468-4446.70158. EDN: https://elibrary.ru/KFIOBD.

16. Lee, H.-P., Sarkar, A., Tankelevitch, L., Drosos, I., Rintel, S., Banks, R., & Wilson, N. (2025). The impact of generative AI on critical thinking: Self-reported reductions in cognitive effort and confidence effects from a survey of knowledge workers. In *Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems* (pp. 1–22). New York: Association for Computing Machinery. DOI: https://doi.org/10.1145/3706598.3713778.
17. Loewenstein, G. (1994). The psychology of curiosity: A review and reinterpretation. *Psychological Bulletin*, *116*(1), 75–98. DOI: https://doi.org/10.1037/0033-2909.116.1.75. EDN: https://elibrary.ru/HKCJPB.
18. Makri, S., & Blandford, A. (2012). Coming across information serendipitously. Part 1: A process model. *Journal of Documentation*, *68*(5), 684–705. DOI: https://doi.org/10.1108/00220411211256030.
19. Merton, R. K., & Barber, E. (2004). *The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 313 p.
20. Mische, A. (2009). Projects and possibilities: Researching futures in action. *Sociological Forum*, *24*(3), 694–704. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2009.01127.x.
21. Punziano, G., & Trezza, D. (2026). Agency in social media platforms: The role of capitals and literacies under algorithmic environments. *Information, Communication & Society*. DOI: https://doi.org/10.1080/1369118X.2026.2665249. EDN: https://elibrary.ru/IREZIG.
22. Singh, A., & Manjaly, J. A. (2021). The effect of information gap and uncertainty on curiosity and its resolution. *Journal of Cognitive Psychology*, *33*(4), 403–423. DOI: https://doi.org/10.1080/20445911.2021.1908311. EDN: https://elibrary.ru/EMMOHB.
23. Tavory, I., & Eliasoph, N. (2013). Coordinating futures: Toward a theory of anticipation. *American Journal of Sociology*, *118*(4), 908–942. DOI: https://doi.org/10.1086/668646.
24. van Dijck, J. (2013). *The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media*. Oxford: Oxford University Press. DOI: https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199970773.001.0001.
25. Whitcomb, D., Battaly, H., Baehr, J., & Howard-Snyder, D. (2017). Intellectual humility: Owning our limitations. *Philosophy and Phenomenological Research*, *94*(3), 509–539. DOI: https://doi.org/10.1111/phpr.12228.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Панкова Светлана Николаевна, доцент кафедры социальной работы и управления персоналом, доцент, кандидат социологических наук
Уральский федеральный университет
ул. Мира, 19, г. Екатеринбург, 620062, Российская Федерация
s.n.pankova@urfu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Svetlana N. Pankova, Associate Professor, Department of Social Work and Human Resources Management
Ural Federal University
19, Mira Str., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation
s.n.pankova@urfu.ru
SPIN-code: 3786-3163
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3210-5486

Поступила 02.08.2026
После рецензирования 27.08.2026
Принята 07.09.2026

Received 02.08.2026
Revised 27.08.2026
Accepted 07.09.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-3-324
УДК 316.7:711.4(571.62)

Original article
EDN: EFZNSN

Образ города и паблик-арт: визуальное ядро и периферия восприятия (на примере Хабаровска)

М.Э. Кулян-Козионова, Е.Г. Щекина
Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В условиях демографического спада на Дальнем Востоке и конкуренции за человеческий капитал формирование привлекательного образа города становится значимым ресурсом развития территории. Паблик-арт рассматривается как потенциальный инструмент укрепления городской идентичности. В статье например Хабаровска анализируется, насколько существующие объекты паблик-арта включены в структуру устойчивых визуальных ассоциаций жителей.

Цель исследования – выявить роль паблик-арта в репрезентации и визуальном закреплении образа Хабаровска в восприятии жителей города.

Методология проведения работы. Методология опирается на семиотическую концепцию Ю.М. Лотмана и теорию образа города К. Линча. В феврале-марте 2026 года проведен опрос 428 респондентов.

Результаты. Установлено, что визуальное ядро города формируют природные и инфраструктурные объекты (Амур, Амурский мост). Объекты паблик-арта слабо интегрированы в устойчивые ассоциации, за исключением памятников Н.Н. Муравьеву-Амурскому и Е.П. Хабарову, что свидетельствует о нереализованном потенциале расширения символического пространства.

Область применения результатов. Новизна заключается в выявлении роли паблик-арта в условиях демографических вызовов и систематизации объектов по их включенности в образ города. Результаты применимы в культурной политике, благоустройстве и территориальном брендинге.

Ключевые слова: образ города; визуальное ядро; периферия восприятия; паблик-арт; символическое пространство города; Хабаровск

Для цитирования. Кулян-Козионова, М. Э., & Щекина, Е. Г. (2026). Образ города и паблик-арт: визуальное ядро и периферия восприятия (на примере Хаба-

ровска). *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(3), 102-128. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-324

City image and public art: The visual core and the periphery of perception (the case of Khabarovsk)

M.E. Kulyan-Kozionova, E.G. Shchekina
Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russian Federation

Abstract

Background. Amidst demographic decline in the Far East and competition for human capital, the formation of an attractive city image is becoming a significant resource for regional development. Public art is considered a potential tool for strengthening urban identity. Using Khabarovsk as an example, this article analyzes the extent to which existing public art objects are integrated into the structure of residents' stable visual associations.

The **purpose** of the study is to identify the role of public art in representing and visually reinforcing the image of Khabarovsk in the perceptions of city residents.

Methodology. The methodology is based on Yury Lotman's semiotic concept and K. Lynch's theory of the city image. A survey of 428 respondents was conducted in February-March 2026.

Results. It was established that the visual core of the city is formed by natural and infrastructural features (the Amur River, the Amur Bridge). Public art objects are poorly integrated into stable associations, with the exception of monuments to N.N. Muravyov-Amursky and E.P. Khabarov, indicating unrealized potential for expanding symbolic space.

Practical implications. The novelty lies in identifying the role of public art in the face of demographic challenges and systematizing objects based on their inclusion in the city's image. The results are applicable to cultural policy, urban development, and territorial branding.

Keywords: city image; visual core; perceptual periphery; public art; symbolic space of the city; Khabarovsk

For citation. Kulyan-Kozionova, M. E., & Shchekina, E. G. (2026). City image and public art: The visual core and the periphery of perception (the case of Khabarovsk). *Russian Studies in Culture and Society*, *10*(3), 102-128. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-324

Введение

В условиях демографического спада на Дальнем Востоке РФ, в целом, и в городе Хабаровске, в частности, и конкурентной борьбы территорий за человеческий капитал особое значение приобретает

формирование привязанности жителей к месту проживания как ресурса развития городской среды. Привязанность к месту рассматривается как форма территориальной идентичности, основанная на эмоциональной связи с городом, осознании собственной принадлежности к городскому сообществу и готовности участвовать в его развитии. В данном контексте особую роль приобретает создание позитивного образа города как комфортной и привлекательной территории для проживания. Одним из инструментов формирования городской идентичности и повышения визуальной и символической привлекательности городской среды выступает паблик-арт.

Цель исследования – выявить роль паблик-арта в репрезентации и визуальном закреплении образа Хабаровска в восприятии жителей города.

Задачи исследования:

1) проанализировать теоретические подходы к изучению образа города, городской идентичности и паблик-арта как элемента символического пространства городской среды;

2) выявить основные тематические направления паблик-арта, представленные в городской среде Хабаровска;

3) определить значимость объектов паблик-арта в системе городских ориентиров;

4) раскрыть потенциал паблик-арта как фактора укрепления городской идентичности и повышения привлекательности городской среды.

Объектом исследования является образ и городская идентичность города, предметом – практики паблик-арта в городской среде Хабаровска как инструмент репрезентации и визуального закрепления городской идентичности.

Методология

Методология исследования основана на интегративном подходе с опорой на семиотическую концепцию анализа города Ю.М. Лотмана и теорию образа города К. Линча, позволяющая выявить структуру символического пространства города и его ключевые элементы. В период с февраля по март 2026 года проведен опрос в форме анкетирования методом случайной выборки, в котором приняли участие

428 респондентов, с целью изучения отношения жителей города Хабаровска к феномену паблик-арта как форме современного городского искусства и элементу городской среды, выявления структуры ассоциаций, связанных с образом города, а также определения тематических предпочтений жителей в отношении объектов паблик-арта.

Под репрезентацией в данном исследовании понимается наличие объектов паблик-арта в публичном пространстве города, а под визуальным закреплением – частота и устойчивость их упоминания респондентами в качестве ассоциаций с городом, что интерпретируется как показатель включенности в когнитивную карту и образ города.

Область применения результатов исследования

Результаты исследования могут быть использованы органами государственной и муниципальной власти, специалистами в сфере градостроительства, урбанистики, культуры и территориального маркетинга при разработке стратегий формирования позитивного образа города и повышения привлекательности городской среды. Полученные данные могут применяться при проектировании общественных пространств, разработке концепций паблик-арта, создания туристских маршрутов и культурных инициатив, направленных на укрепление городской идентичности.

Научная новизна заключается в выявлении роли паблик-арта как инструмента формирования образа города и городской идентичности. В работе впервые проведена систематизация объектов паблик-арта Хабаровска по тематическим направлениям и выявлена степень их включенности в структуру устойчивых представлений жителей о городе. На основе интеграции семиотической модели города Ю.М. Лотмана и теории образа города К. Линча определено соотношение символического ядра и периферии городского пространства Хабаровска, а также установлено, что существующие практики паблик-арта обладают значительным потенциалом расширения символического пространства города.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования результатов при разработке культурной политики, концепций благоустройства и стратегий территориального брендинга.

Результаты

Современные демографические тенденции, характерные для Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО), обуславливают необходимость поиска дополнительных инструментов повышения привлекательности городской среды и формирования территориальной идентичности. Несмотря на реализацию Стратегии демографической политики Дальнего Востока до 2030 года и на перспективу до 2036 года [1] в регионе сохраняется устойчивая динамика депопуляции. По сравнению с 2018 годом численность населения (далее – ЧН) ДФО снизилась на 3,4% при условии среднего снижения по стране 1,1% и на 1 января 2025 года составила 5,4 % от общей ЧН РФ (7860,3 тыс. человек) [12]. Хабаровский край, в свою очередь, демонстрирует аналогичную динамику: в период с 2023 по 2025 гг. ЧН сократилась на 0,8% и составила 1273,5 тыс. человек. Сокращение ЧН по Хабаровскому краю отражает региональные демографические тенденции. В этом контексте анализ демографической ситуации в Хабаровске как административном, экономическом и культурном центре края позволяет проследить, как региональные процессы отражаются на городском уровне. Показательно, что за указанный период ЧН города снизилась на 0,12% и достигла 616,4 тыс. человек, что при его функции регионального центра указывает на недостаточную эффективность существующих механизмов удержания населения. В этой связи развитие паблик-арта «как совокупности художественных практик, реализуемых в публичном пространстве и рассчитанных на широкий круг аудитории [8]» (М.Э. Кулян-Козионова, Е.Г. Щекина, 2025) может рассматриваться как потенциальный инструмент символической ценности городского пространства.

В условиях отрицательной динамики роста населения и конкуренции территорий за человеческий капитал особую значимость приобретает создание у жителей эмоциональной привязанности к месту проживания. Данное чувство выступает формой городской идентичности, которая основана на «специфике культуры конкретного города [14]» (Л.М. Пантелеева, 2024), осознании горожанами своей причастности к городской среде и их готовности принимать активное участие в ее

развитии. Существенную роль в формировании эмоциональной привязанности играет связь человека с местом проживания, складывающаяся в процессе взаимодействия с городским пространством. Исследования демонстрируют (О.Р. Тучина, И.А. Аполлонов, 2024) [18], что степень интеграции жителей в социальную и культурную жизнь города, длительность проживания и возможности самореализации на территории напрямую влияют на уровень их эмоциональной связи с местом проживания и готовности участвовать в его развитии. Труды зарубежных авторов также подтверждают, что характеристики городской среды и общественных пространств формируют целостный образ города, который играет ключевую роль в становлении привязанности горожан к месту проживания, повышении их удовлетворенности и вовлеченности в социальную жизнь (Timo von Wirth и др.[19], 2016; Ying Xu и др., 2021 [20]).

Совокупность исторических, визуальных и художественных практик создает «целостную картину, позволяющую глубже понять образ города не только как физическое пространство, но и как продукт взаимодействия культурных, социальных и индивидуальных факторов» (М.Э. Кулян-Козионова, Е.Г. Щекина, 2025) [8]. В связи с этим важно отметить, что «образ города складывается из повседневного опыта жителей, медийных нарративов и коллективной памяти», а при условии высокой значимости формирования городской идентичности способствует развитию имиджа территории как «управленчески и коммуникативно оформленного «портрета», адресованного внешним аудиториям». В данном контексте особую роль приобретает становление и развитие позитивного образа города Хабаровска как привлекательной территории. Одним из потенциальных инструментов формирования городской идентичности и повышения визуальной и символической привлекательности городской среды выступает паблик-арт, который способен как транслировать уже существующие локальные символы и культурные коды, так и участвовать в формировании образа города.

Опираясь на интегративный подход, город может рассматриваться как сложная система символических и визуальных кодов,

формирующих коллективное восприятие. В рамках семиотической концепции Ю.М. Лотмана [10] город представляет собой семиосферу – пространство, в котором ключевое значение обретают только те элементы, которые включены в систему внутренних смысловых связей. Ю.М. Лотман подчеркивает, что ядро семиосферы образуют наиболее устойчивые и воспроизводимые культурные коды, тогда как периферия представляет собой зону семиотической неопределенности, где новые элементы (в том числе объекты паблик-арта) могут либо пройти процесс семиотизации и интегрироваться в ядро, либо остаться чуждыми, не получив интерпретации со стороны носителей городской культуры. Применительно к задачам данного исследования это означает, что паблик-арт подлежит анализу с точки зрения его места в семиосфере Хабаровска: выступает ли он транслятором устоявшихся кодов ядра или же сохраняет статус семиотически неосвоенного элемента, который не включен в систему коллективных смыслов горожан. Дополнительно семиотический анализ опирается на подход Р. Барта [3], рассматривающего визуальные объекты как знаки, обладающие уровнем денотации и коннотации, что позволяет интерпретировать объекты паблик-арта как носители не только прямого изображения, но и культурно обусловленных смыслов. Согласно теории образа города К. Линча [9], ядро образуют наиболее значимые и узнаваемые элементы пространства города, закрепленные в коллективной памяти жителей и регулярно воспроизводимые в визуальных и культурных практиках. Периферия, напротив, состоит из менее устойчивых элементов, связанных с повседневным опытом, локальными событиями и современными трансформациями городской среды. В развитие подхода К. Линча, акцентировавшего визуально-пространственную структуру города, концепция Р. Парка обращает внимание на субъективное переживание городской среды жителями [15]. С этой точки зрения город предстает не как совокупность зданий и улиц, а как пространство, наделяемое людьми смыслами. Это позволяет рассматривать паблик-арт не просто как элемент дизайна, а как фактор, формирующий эмоциональную связь человека с местом проживания.

Изложенные теоретические подходы фиксируют структурную неоднородность символического пространства города, выделяя устойчивое ядро и подвижную периферию, а также определяющую роль субъективного восприятия жителей в формировании их привязанности к месту проживания. Для изучения образа города Хабаровска как социально-культурной единицы и роли паблик-арта в формировании идентичности и имиджа был проведён опрос 428 жителей Хабаровска в период с февраля по март 2026 года методом простой случайной выборки. При объеме генеральной совокупности 616,4 тыс. человек и выборке 428 респондентов предельная ошибка составляет около 4,7 % при доверительной вероятности 95%. Распределение по возрасту: 18-44 года 64% респондентов, младше 18 лет – 8%, 45-60 лет – 23% , 60 лет и старше – 5 %. Опрос был направлен на выявление ассоциаций с городом, отношения к паблик-арту (является ли искусством, может ли быть визитной карточкой города) и тематических предпочтений респондентов.

Рис. 1. «С каким мнением о паблик-арте (инсталляциях, скульптурах, муралах) Вы в большей степени согласны?»

Fig. 1. "Which of the following opinions about public art (installations, sculptures, murals) do you most agree with?"

Согласно результатам опроса, 81% респондентов считают объекты паблик-арта «искусством» (см.рис.1), а 87% отмечают их потенциал как визитной карточки города и инструмента привлечения туристов, что свидетельствует об устойчивом культурном запросе на общественное искусство и признании его как эстетической, так и практической роли в городской среде.

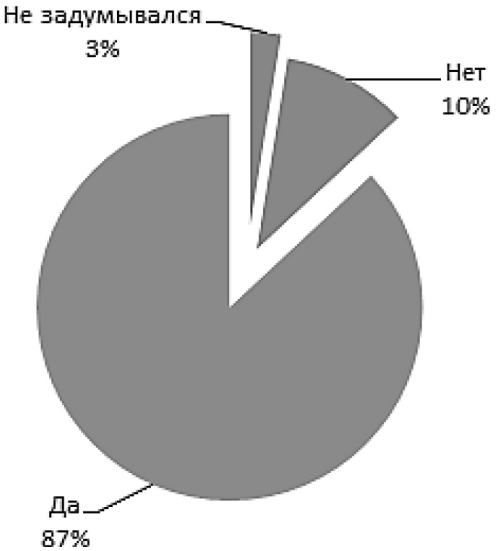

Рис. 2. «Считаете ли Вы, что городские пространства с паблик-артом могут стать визитной карточкой города и привлекать туристов?»
Fig. 2. "Do you believe that urban spaces featuring public art can become a city's calling card and attract tourists?"

На вопрос «Какие ассоциации у Вас возникают при упоминании города Хабаровска (пожалуйста, укажите минимум три ассоциации)» (см. табл.1) жители чаще всего называли ключевые природные и инфраструктурные объекты – реку Амур, Амурский мост, которые формируют «визуальное ядро» городской среды. Полученные данные согласуются с выводами исследования реновации площади Серышева, где авторы отмечают, что устойчивость городских символов напрямую зависит от их включенности в повседневные маршруты и коллективную память горожан [11]. Проведенный в семиотиче-

ской логике Ю.М. Лотмана анализ спонтанных ассоциаций жителей (N=428) позволяет выделить структуру символического пространства Хабаровска. Ядро семиосферы выделялось на основе двух критериев: 1) частота упоминаний превышает 10 % (порог обозначен авторами как статистически значимый для открытого вопроса на основе частотного анализа и качественной интерпретации); 2) наличие естественного разрыва в распределении частот после пятого ранга (с 11,5% до 9,8%). Исходя из этих критериев, ядро семиосферы составляют: река Амур (50,8%), амурский мост (26,2 %), пятитысенчная купюра (21,3%), а также памятники Е.П. Хабарову (13,1%) и Н.Н. Муравьеву-Амурскому (11,5 %). Околоядерную зону (частота 5-10%) занимают набережная (9,8%) и Утес (9,8%). Периферия (менее 5% или ноль упоминаний) включает все иные объекты, в том числе современные муралы, декоративные арт-объекты и фестивальные практики, которые не закрепились в коллективной памяти горожан.

Среди историко-культурных и архитектурных ориентиров выделяются памятники Н.Н. Муравьёву-Амурскому и Е.П. Хабарову, площадь Ленина, Комсомольская площадь, Спасо-Преображенский кафедральный собор, ледовая арена «Ерофей», вокзальная площадь и исторические улицы. Кроме того, жители отмечают современные инфраструктурные объекты, включая мосты, жилые комплексы и торгово-развлекательный центр «Броско Молл».

Таблица 1.

Ассоциации жителей с образом Хабаровска
Table 1. Residents' associations with the image of Khabarovsk

Категория	Примеры ассоциаций	Интерпретация
Природно-ландшафтное ядро	Амур, набережная, Утёс, сопки	Формируют устойчивое визуальное ядро образа города
Инфраструктурные ориентиры	Амурский мост, площади, вокзал	Закрепляют пространственную узнаваемость города
Историко-культурные символы	Муравьёв-Амурский, Ерофей Хабаров, соборы	Отражают историческую идентичность
Современные объекты	Броско Молл, новостройки	Показывают трансформацию городской среды
Повседневный опыт	климат, дороги, транспорт	Формируют телесно-бытовое восприятие города

Региональная специфика	Дальний Восток, тигр, Китай	Подчеркивают пограничный статус города
Военно-историческая символика	город воинской славы	Представлена минимально
Символический образ	купюра 5000 рублей	Отражает массово-культурное визуальное представление города, в том числе как внешний символ узнаваемости. Медиасимвол.

Источник: составлено автором на основе данных опроса
Source: compiled by the author based on survey data

Визуальные образы, которые жители хотели бы видеть на картине с названием «город Хабаровск» («Представьте, что Вы художник. Что бы Вы изобразили на картине с названием «город Хабаровск»?) (см.табл.2), отражают сочетание природных, культурных и повседневных ориентиров. Среди них выделяются река Амур, набережная, Утёс, Амурский мост, закаты, парки, архитектурные памятники, памятники известным личностям, спортивные и культурные объекты. Кроме того, жители включают в образ города сцены повседневной жизни – транспорт, улицы, людей, зелёные насаждения, праздничные события.

Таблица 2.

Визуальный образ города в представлениях жителей
Table 2. The visual image of the city as perceived by its residents

Категория	Примеры	Интерпретация
Природный каркас	Амур, набережная, сопки, закаты	Основной визуальный сценарий образа города
Исторические ориентиры	Н.Н. Муравьёв-Амурский, Е.П. Хабаров, соборы	Закрепляют символическую преемственность
Центральные пространства	площадь Ленина, Комсомольская площадь	Воспринимаются как общественные центры города
Архитектура и панорамы	улица Муравьёва-Амурского, виды с реки	Формируют «визуальное лицо» города
Современная идентичность	спорт, жилые районы, транспорт	Отражают актуальный городской опыт

Источник: составлено автором на основе данных опроса
Source: compiled by the author based on survey data

Результаты опроса показывают, что жители Хабаровска активно воспринимают паблик-арт как культурный и визуальный ресурс города, признавая его как форму искусства и инструмент формирования позитивного образа, способного привлекать туристов. При этом устойчивые ассоциации жителей формируются вокруг природных, инфраструктурных и историко-культурных ориентиров, которые составляют «визуальное ядро» городской среды.

Визуальные образы, которые жители хотели бы видеть на картине города, демонстрируют многослойность и интеграцию различных типов ориентиров: сочетание природы, памятников, архитектуры и повседневной жизни. Таким образом, результаты исследования подчеркивают, что паблик-арт обладает потенциалом расширения символического пространства города, позволяя интегрировать культурное наследие, природные объекты и повседневные практики в единый, узнаваемый образ Хабаровска. При стратегическом подходе к размещению и тематике объектов паблик-арта это может стать инструментом повышения привлекательности города для туристов, инвесторов, предпринимателей и укрепления эмоциональной привязанности жителей.

Выявленная ориентация жителей на природно-ландшафтные, историко-культурные и повседневные визуальные образы города закономерно проявляется и в их представлениях о направлениях развития паблик-арта как инструмента формирования позитивного образа Хабаровска. В этой связи были проанализированы ответы респондентов на вопрос: «Какие концепции паблик-арт-пространств, по Вашему мнению, могут способствовать формированию положительного образа города?».

Согласно результатам опроса (N = 428), наибольшую поддержку получили историко-культурная (68,2%) и памятная/мемориальная (66,8%) тематики. Высокий уровень предпочтений также зафиксирован для образовательного/познавательного направления (58,4%) и тематики, посвящённой известным личностям (53,7%). Также значимую поддержку получили общественная/городская тематика (47,2%) и городские события и фестивали (43,9%), отражающие

интерес жителей к репрезентации современной городской жизни. Природная тематика (39,3%) подтверждает устойчивую роль природного каркаса города в структуре его символического образа.

Таблица 3.

Предпочтительные тематические направления развития паблик-арта в Хабаровске (опрос 2026 г., N = 428, 3 варианта ответа на 1 респондента)

Table 3. Preferred thematic areas for the development of public art in Khabarovsk (2026 survey, N = 428, 3 response options per respondent)

Тематическая категория	Доля респондентов
Историко-культурная, посвященная истории города и его культурному наследию	68,2%
Памятная и/или мемориальная, отражающая историческую память города и его значимые события	66,8%
Образовательная и/или познавательная, в рамках которой объекты паблик-арта обучают или раскрывают культурные, исторические, научные аспекты.	58,4%
Посвящённая известным личностям (художники, поэты, музыканты, политики и др.)	53,7%
Общественная и/или городская, отражающая повседневную жизнь, социальные инициативы и вовлечение сообщества	47,2%
Мероприятия, культурные фестивали и городские праздники	43,9%
Посвященная природе, экологии и окружающей среде	39,3%
Декоративные и абстрактные формы, создающие эстетическое впечатление	24,5%
Отражающая популярную культуру и медиа	23,1%
Посвященная технологиям, науке и современным разработкам	17,3%
Военная	16,8%
Религиозная	6,5%
Политическая	3,3%

Источник: составлено автором на основе данных опроса
Source: compiled by the author based on survey data

Распределение ответов респондентов свидетельствует о том, что позитивный образ жители города Хабаровска связывают с историко-культурной, памятной и образовательной тематиками паблик-арта, а также с визуализацией образов известных персоналий региона.

В соответствии с Р.Бартом, визуальные образы в публичном пространстве могут рассматриваться как вторичные знаковые системы,

в которых первичное значение (изображаемый объект – мурал, скульптурная композиция, скульптура и др.) дополняется культурными коннотациями, формирующими символический уровень восприятия. В городской среде Хабаровска присутствуют объекты, которые относятся к паблик-арту – от мемориальных скульптур до муралов и арт-объектов, – создающие историко-мемориальные, литературно-культурные, семейно-детские, природные, абстрактные и межкультурные смыслы.

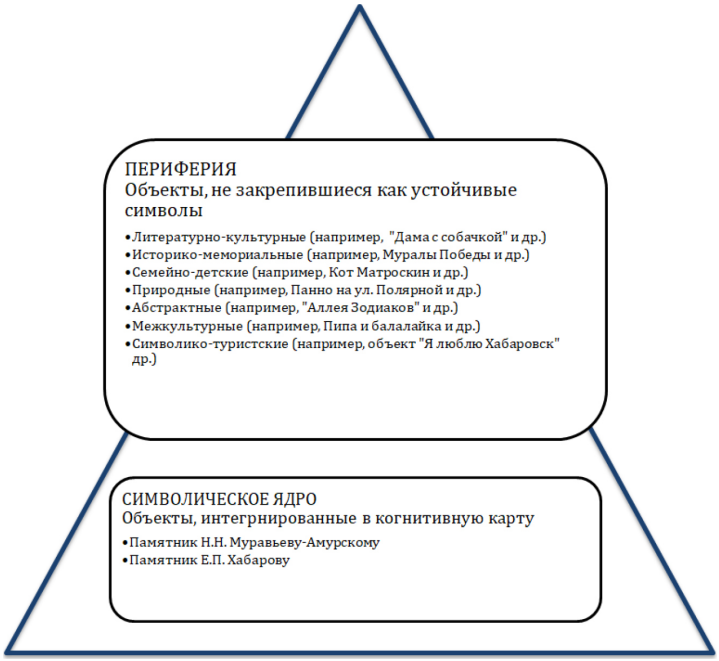

Рис. 4. Структура паблик-арта Хабаровска в логике «ЯДРО-ПЕРИФЕРИЯ» (составлено автором)
Fig. 4. Structure of public art in Khabarovsk based on a “CORE-PERIPHERY” logic (compiled by the author)

В семиотической логике городского пространства объекты паблик-арта могут рассматриваться как знаки, включенные в систему городской семиосферы и участвующие в процессах формирования и трансляции смыслов. На основе предварительного обзора городской среды могут

быть выделены следующие тематические группы (см. рисунок 4), структурированные в логике «ядро-периферия»: форма пирамиды отражает потенциал перехода объектов из периферии в ядро при стратегическом подходе к их размещению и тематическому содержанию.

Историко-мемориальная тематика отражает память о Великой Отечественной войне, событиях Гражданской войны и военных конфликтах второй половины XX века, героях-земляках. К числу таких объектов относятся муралы проекта «Муралы Победы», включающие крупные портреты военачальников и героев войны, например портрет маршала А. Василевского (см. рис. 5) на улице Муравьёва-Амурского, а также работы, посвящённые Г. Жукову, Е. Дикопольцеву и другим. Данная категория также включает мемориальный комплекс на Площади славы с Вечным огнём, памятник героям Гражданской войны на Комсомольской площади, памятник жертвам белогвардейского террора в «Овраге смерти» и мемориал воинам-интернационалистам «Чёрный тюльпан» и др.

Рис. 5. Портрет маршала А. Василевского [13]
Fig. 5. Portrait of Marshal A. Vasilevsky [13]

Литературно-культурные образы представлены памятниками историческим деятелям и культурным героям: монумент Н.Н. Мура-

вьёву-Амурскому на одноимённой улице, скульптура землепроходца Е.П. Хабарова на привокзальной площади, памятник А.С. Пушкину, а также фигура из произведения А.П. Чехова «Дама с собачкой», оживляющая литературную традицию в городской среде. К этой группе также относятся скульптуры спортсменов на стадионе имени Ленина, скульптурные композиции «Учитель и ученица» и «Врач и пациентка», скульптуры Театрального сквера, портретная галерея «На одной улице» на остановке Павленко, мурал «Мальчик ждёт ветра» (см. рис. 6), а также аллея советской парковой скульптуры у музея имени Гродекова и др.

Рис. 6. Мурал «Мальчик ждет ветра» [7]
Fig. 6. Mural “A Boy Waits for the Wind” [7]

Семейно-детское направление паблик-арта объединяет скульптурные фигуры мультипликационных персонажей: кот Матроскин, пёс Шарик, герои «Ну, погоди!», Чебурашка и крокодил Гена, которые появились в 2008–2009 годах и стали частью детской городской среды. К этой группе также относятся скульптуры супругов Петра и Февронии Муромских, деревянная скульптурная композиция «Сон гаишника» (см. рис. 7) и др.

Рис. 7. Сон гаишника. Деревянная скульптура [17]
Fig. 7. A traffic cop's dream. Wooden sculpture [17]

Природная тематика отражается в общественном искусстве, посвящённом дальневосточной флоре и фауне, например муралы на остановке Павленко и на улице Запарина, а также в арт-объектах, интегрированных в парковые пространства, включая тематические тропы со световыми элементами в парке Динамо. Отдельного упоминания заслуживает кирпичное мозаичное панно на улице Полярной (см. рис. 8), выполненное в технике советского монументального искусства и изображающее природу Дальнего Востока и др.

Рис. 8. Панно на ул. Полярной, 4
Fig. 8. Mural at 4 Polyarnaya St.

Абстрактная и художественная символика представлена муралом «Душевный полёт» (см. рис. 9) на Матвеевском шоссе – масштабной уличной росписью, выполненной в стиле современного стрит-арта, работами местных художников, такими как произведения Дмитрия Комолова (Sly) на улице Волочаевской. К этой группе также относится «Аллея Зодиаков» – металлические фигуры знаков зодиака, сочетающие абстрактные формы и астрологическую символику на Амурском бульваре и др.

Рис. 9. Мурал «Душевный полет» [16]
Fig. 9. Mural “Flight of the Soul” [16]

Межкультурные мотивы выражены в скульптурной композиции «Пипа и Балалайка» (см. рис. 10) на Амурском бульваре – монументе, символизирующем дружбу между Хабаровском и китайским городом Харбин, в конструкции которого переплетены формы традиционного русского и китайского музыкальных инструментов. К этой группе также относятся арка дружбы России и Китая на набережной, 12 муралов фестиваля «Муралы-на-Амуре» (2025 год) [2], отражающие межкультурный диалог, а также изображение «Панда и мишка» на Уссурийском бульваре и др.

Рис. 10. Пипа и Балалайка [16]
Fig. 10. Pipa and Balalaika [16]

Символико-туристская категория объединяет арт-объекты, выполняющие преимущественно имиджевую функцию и работающие на узнаваемость города. К их числу относятся объект «Я люблю Хабаровск», буквы «ХАБАРОВСК» и арт-объект «Я люблю Хабаровский край» на набережной Невельского. Эти объекты используются для фотосессий и представляют собой точки притяжения для туристов и горожан, однако их тиражируемость (аналоги встречаются во многих городах России) снижает уникальность и семиотическую глубину.

Однако, как показывают результаты опроса, эти объекты остаются на периферии восприятия горожан, не становясь значимыми элементами образа города. Исключение составляют памятники Н.Н. Муравьеву-Амурскому и Е.П. Хабарову, которые интегрированы в повседневные маршруты горожан и воспринимаются как значимый символический ориентир.

Результаты проведенного исследования демонстрируют, что символическое ядро Хабаровска формируется преимущественно природно-ландшафтными и инфраструктурными объектами – рекой Амур, Амурским мостом, а также рядом историко-культурных ориентиров, включая памятники Н.Н. Муравьеву-Амурскому и Е.П. Ха-

барову. Именно эти объекты обладают наибольшей устойчивостью в коллективных представлениях жителей и выступают ключевыми элементами визуальной идентичности города. Как отмечал Р. Парк, пространственная структура города отражает социальные практики его жителей, а устойчивость городских символов определяется их включенностью в повседневные маршруты и взаимодействия.

Перифирийную часть символического пространства составляют современные общественные пространства, спортивные и торгово-развлекательные объекты, элементы повседневной городской среды и отдельные объекты паблик-арта, которые пока не закрепились в коллективном восприятии жителей как устойчивые символы города. К их числу могут быть отнесены современные муралы, декоративные арт-объекты (например, «Аллея Зодиаков»), фестивальные художественные практики (например, фестиваль «Муралы-на-Амуре») и др. Как отмечает А.Н. Демьяненко, исследуя историческую эволюцию Хабаровска, жители заводских слободок, будучи формально горожанами, воспринимали свои поездки в центр как «поездку в город», что фиксировало их самоощущение как периферийных жителей [6]. Аналогичным образом современные объекты паблик-арта, неинтегрированные в повседневные маршруты, рискуют оставаться в периферийном положении – формально присутствуя в городской среде, но не входя в когнитивную карту горожан. Вместе с тем Л.Е. Бляхер и М.А. Устиненко обращают внимание на то, что «репутация территорий» (образ) оказывается существенно более консервативной, нежели ее застройка, а городская мифология пространства может долгое время «заслонять от жителя реальные изменения» [4]. Вместе с тем данные элементы формируют современный визуальный слой города и обладают потенциалом дальнейшей интеграции в структуру его символического образа.

Важно различать две функции паблик-арта в отношении образа города. С одной стороны, он отражает и усиливает уже сложившиеся в коллективном сознании символы – закрепляет их визуально, повышает плотность присутствия в городской среде. С другой – создает новые смыслы и ориентиры, предлагая горожанам иные точки идентификации.

Анализ состава символического ядра и периферии позволяет уточнить механизм перехода объекта из одной категории в другую. Природно-ландшафтные доминанты (Амур, Амурский мост) и неразрывно связанные с ними исторические монументы (памятники Н.Н. Муравьеву-Амурскому и Е.П. Хабарову) функционируют как прямые символы города: они не отсылают к образу, а сами являются его физическим воплощением. Напротив, объекты, изображающие или метафорически представляющие символы «ядра» – как, например, мурал «Душевный полет», визуализирующий водную стихию и корабли, но не являющийся рекой Амур, – остаются на периферии восприятия. Для их интеграции в когнитивную карту города требуется дополнительное интерпретационное усилие, которое в повседневном опыте горожан, как правило, не совершается. С точки зрения Р. Барта, устойчивость городских символов определяется степенью закрепленности их коннотативных значений в массовом сознании, что объясняет различие между объектами, воспринимаемыми как «сам город» (Амур, Амурский мост и др.), и объектами, требующими дополнительной интерпретации. Соответственно, тематическая релевантность объекта не гарантирует его включения в символическое ядро: ключевым фактором выступает не тема сама по себе, а прямой, непосредственный характер связи между объектом и территориальной идентичностью.

Так, памятник Н.Н. Муравьеву-Амурскому относится к первому типу: он материализует укорененный в исторической памяти и повседневной навигации образ. Современные муралы и скульптурные композиции претендуют на второй тип, поскольку в данный момент не достигли необходимой степени интеграции в когнитивную карту города. Таким образом, говорить о формировании образа города посредством паблик-арта целесообразно лишь при условии, что объект не просто размещен в публичном пространстве, но со временем включается в устойчивые ассоциативные ряды и повседневные практики горожан.

Исследование устойчивых визуальных ассоциаций показало, что образ города сегодня формируют преимущественно природные и

инфраструктурные объекты: река Амур, Амурский мост, а также историко-культурные памятники Н.Н. Муравьеву-Амурскому и Е.П. Хабарову. При этом жители демонстрируют выраженный запрос на паблик-арт тех же тематик – исторической, мемориальной, образовательной. Это указывает на потенциал общественного искусства как инструмента расширения символического пространства города в направлениях, значимых для горожан.

Однако анализ включенности существующих объектов в структуру ассоциаций демонстрирует следующее: из всего массива паблик-арта Хабаровска устойчивым ориентиром когнитивной карты стали памятники Н.Н. Муравьеву-Амурскому и Е.П. Хабарову. Муралы, скульптурные формы и современные арт-объекты не закрепились в коллективных представлениях как значимые элементы образа города. Текущие практики паблик-арта, за исключением классических монументов, не формируют новый образ и не расширяют символическое ядро, а остаются на периферии восприятия. При этом запрос жителей на тематически релевантные объекты остается не реализованным.

Заключение

В Хабаровске паблик-арт выполняет преимущественно репрезентативную функцию, а не смыслообразующую. Он отражает и визуально закрепляет уже сложившиеся в коллективном сознании символы, но не создает новых устойчивых ориентиров.

Результаты опроса фиксируют высокую поддержку историко-культурной (68,2%), памятной (66,8%) и образовательной (58,4%) тематик, а также интереса к образам известных персоналий региона (53,7%). Жители хотят видеть в публичном пространстве локальную историю и узнаваемых земляков, чья биография и деятельность напрямую связаны с Хабаровском и регионом. При отсутствии этой связи или необходимости специальных знаний объект не становится элементом территориальной идентичности.

Это означает, что паблик-арт в городе Хабаровске не следует оценивать по критерию «создал ли он новый образ города». Его задача визуализировать и усилить то, что уже значимо для горожан, но по

разным причинам не имеет плотного присутствия в публичном пространстве. Стратегический эффект может быть достигнут не через поиск новых форм, а посредством точного попадания в сложившееся символическое ядро: природные доминанты, локальные исторические фигуры, события и нарративы, узнаваемые без дополнительных пояснений. В этом качестве паблик-арт становится не декорацией, а инструментом укрепления территориальной идентичности. Для Хабаровска, как и для других городов Дальнего Востока в условиях демографического оттока, это может рассматриваться как перспективный ресурс повышения привлекательности городской среды. Однако для подтверждения его влияния на удержание населения требуются дополнительные исследования.

Список литературы

1. Об утверждении Стратегии демографической политики Дальнего Востока на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2026 г. № 170-р. (2026). Текст: электронный. ООО «НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС»: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/413605768/ (дата обращения: 27.05.2026).
2. О проведении международного фестиваля «Муралы-на-Амуре»: Постановление Администрации города Хабаровска от 14.03.2025 № 1076. (2025). Текст: электронный. ООО «НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС»: [сайт]. URL: https://base.garant.ru/411667705/#block_1031 (дата обращения: 27.05.2026).
3. Барт, Р. (2008). *Мифологии*. Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. Москва: Академический Проект. 351 с.
4. Бляхер, Л. Е., Устиненко, М. А. (2024). «Чужие» пространства дальневосточных городов: от маргинальности к «этничности» (на примере города Хабаровска). *Журнал СФУ. Гуманитарные науки*, *17*(10), 1816–1833. EDN: https://elibrary.ru/ESZAOR
5. В чём тайна мурала в Хабаровске? Душевный полёт преобразил городской пейзаж. (б. г.). Текст: электронный. Аргументы и Факты: [сайт]. URL: https://hab.aif.ru/society/v-chyom-tayna-murala-v-habarovske-dushevnyy-polyot-preobrazil-gorodskoy-peyzazh (дата обращения: 27.05.2026).
6. Демьяненко, А. Н. (2019). Хабаровская агломерация: опыт декомпозиции городского пространства. *Регионалистика*, *6*(4), 5–13.
7. Картина «Мальчик ждет ветра» высотой пять метров появилось на одном из зданий Хабаровска. (2016, 10 июля). Текст: электронный. DVHAB.RU: [сайт]. URL: https://www.dvnovosti.ru/khab/2016/07/10/52810/ (дата обращения: 27.05.2026).

8. Кулян-Козионова, М. Э., Щекина, Е. Г. (2025). Паблик-арт и формирование образа и имиджа города. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *9*(3), 4–24. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2025-9-3-293 EDN: https://elibrary.ru/VVJNTE
9. Линч, К. (1982). *Образ города*. Пер. с англ. В. Л. Глазычева. Москва: Стройиздат. 328 с.
10. Лотман, Ю. М. (2000). *Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПб. 197 с.
11. Савкова, Н. В., Слепцова, О. А., Нищимных, Ю. А. и др. (2025). Методы проектирования городской среды в контексте формирования патриотического сознания общества на примере реновации площади Серышева в г. Хабаровске. *Урбанистика*, (2), 20–36. https://doi.org/10.7256/2310-8673.2025.2.74588 EDN: https://elibrary.ru/PDMLNB
12. Население. Статистика. Хабаровскстат Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу: [сайт]. URL: https://27.rosstat.gov.ru/folder/25028 (дата обращения: 27.05.2026).
13. Новый арт-объект по проекту «Муралы Победы» открыли в Хабаровске. (2025, 10 сентября). Текст: электронный. Вести. Хабаровск: [сайт]. URL: https://vestidv.ru/news/2025/09/10/107111 (дата обращения: 27.05.2026).
14. Пантелеева, Л. М. (2024). Городская идентичность. Ч. 1: объем понятия. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*, (56), 77–91. https://doi.org/10.17223/22220836/56/7 EDN: https://elibrary.ru/PMQMKS
15. Парк, Р. (2002). Город как социальная лаборатория. *Социологическое обозрение*, *2*(3), 3–12.
16. Скульптура «Пипа и Балалайка». (б. г.). Текст: электронный. GoRu: [сайт]. URL: https://goru.travel/place/skulptura-pipa-i-balalayka (дата обращения: 27.05.2026).
17. Сон гаишника. Скульптура на прудах. (б. г.). Текст: электронный. UsenkoMaxim. Блог о современной скульптуре, живописи, графике: [сайт]. URL: https://usenkomaxim.ru/o-bloge/ (дата обращения: 27.05.2026).
18. Тучина, О. Р., Аполлонов, И. А. (2024). Исследование ценностных оснований идентичности с местом проживания: субъектный подход. *Общая психология, философия и психология*, *21*(3), 92–111. https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.6 EDN: https://elibrary.ru/ZWVUZX
19. von Wirth, T., Grêt-Regamey, A., Moser, C., & Stauffacher, M. (2016). Exploring the influence of perceived urban change on residents' place attachment. *Journal of Environmental Psychology*, *46*, 67–82. https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2016.03.001
20. Xu, Y., Matarrita-Cascante, D., & Lee, J. H. (2022). Profiling attached residents in an urban community in the U.S.: An empirical study of social-landscape interactions

within a park. *Social Sciences*, *11*(1), Article 5. https://doi.org/10.3390/socsci11010005 EDN: https://elibrary.ru/LZCCRO

References

1. On Approving the Demographic Policy Strategy for the Far East for the Period up to 2030 and with an Outlook to 2036: Decree of the Government of the Russian Federation No. 170-r of February 2, 2026. (2026). Garant: [website]. URL: https://base.garant.ru/413605768/ (accessed May 27, 2026).
2. On Holding the International Festival "Murals on the Amur": Resolution of the Administration of the City of Khabarovsk No. 1076 of March 14, 2025. (2025). Garant: [website]. URL: https://base.garant.ru/411667705/#block_1031 (accessed May 27, 2026).
3. Barthes, R. (2008). *Mythologies*. Translated from French, with an introduction and commentary by S. Zenkin. Moscow: Academic Project. 351 p.
4. Blyakher, L. E., Ustinenko, M. A. (2024). "Alien" spaces of Far Eastern cities: From marginality to "ethnicity" (the case of the city of Khabarovsk). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, *17*(10), 1816–1833. EDN: https://elibrary.ru/ESZAOR
5. What is the secret of the mural in Khabarovsk? A soulful flight transforms the cityscape. (n.d.). *Arguments and Facts*: [website]. URL: https://hab.aif.ru/society/v-chyom-tayna-murala-v-habarovske-dushevnyy-polyot-preobrazil-gorodskoy-peyzazh (accessed May 27, 2026).
6. Demyanenko, A. N. (2019). Khabarovsk agglomeration: The experience of urban space decomposition. *Regionalistika*, *6*(4), 5–13.
7. The painting "A Boy Is Waiting for the Wind," five meters high, appeared on one of the buildings in Khabarovsk. (2016, July 10). *DVHAB.RU*: [website]. URL: https://www.dvnovosti.ru/khab/2016/07/10/52810/ (accessed May 27, 2026).
8. Kulyan-Kozionova, M. E., Shchekina, E. G. (2025). Public art and the formation of the image of the city. *Russian Studies in Culture and Society*, *9*(3), 4–24. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2025-9-3-293 EDN: https://elibrary.ru/VVJNTE
9. Lynch, K. (1982). *The Image of the City*. Translated from English by V. L. Glazychev. Moscow: Stroyizdat. 328 p.
10. Lotman, Yu. M. (2000). *The Semiosphere*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. 197 p.
11. Savkova, N. V., Sleptsova, O. A., Nishchimnykh, Yu. A., et al. (2025). Methods of designing the urban environment in the context of shaping the patriotic consciousness of society: The case of the renovation of Seryshev Square in Khabarovsk. *Urban Studies*, (2), 20–36. https://doi.org/10.7256/2310-8673.2025.2.74588 EDN: https://elibrary.ru/PDMLNB
12. Population. Statistics. *Khabarovskstat, Territorial Body of the Federal State Statistics Service for Khabarovsk Krai, Magadan Oblast, the Jewish Autonomous Oblast*

and the Chukotka Autonomous Okrug: [website]. URL: https://27.rosstat.gov.ru/folder/25028 (accessed May 27, 2026).
13. A new art object under the "Murals of Victory" project opened in Khabarovsk. (2025, September 10). *Vesti. Khabarovsk*: [website]. URL: https://vestidv.ru/news/2025/09/10/107111 (accessed May 27, 2026).
14. Panteleeva, L. M. (2024). Urban identity. Part 1: The scope of the concept. *Tomsk State University Journal. Cultural Studies and Art History*, (56), 77–91. https://doi.org/10.17223/22220836/56/7 EDN: https://elibrary.ru/PMQMKS
15. Park, R. (2002). The city as a social laboratory. *Sotsiologicheskoe Obozrenie*, *2*(3), 3–12.
16. The sculpture "Pipa and Balalaika". (n.d.). *GoRu*: [website]. URL: https://goru.travel/place/skulptura-pipa-i-balalayka (accessed May 27, 2026).
17. A Traffic Policeman's Dream. The sculpture at the Ponds. (n.d.). *UsenkoMaxim. A blog about contemporary sculpture, painting, and graphics*: [website]. URL: https://usenkomaxim.ru/o-bloge/ (accessed May 27, 2026).
18. Tuchina, O. R., Apollonov, I. A. (2024). A study of the value-based foundations of place identity: A subject-based approach. *General Psychology, Philosophy and Psychology*, *21*(3), 92–111. https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.6 EDN: https://elibrary.ru/ZWVUZX
19. von Wirth, T., Grêt-Regamey, A., Moser, C., & Stauffacher, M. (2016). Exploring the influence of perceived urban change on residents' place attachment. *Journal of Environmental Psychology*, *46*, 67–82. https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2016.03.001
20. Xu, Y., Matarrita-Cascante, D., & Lee, J. H. (2022). Profiling attached residents in an urban community in the U.S.: An empirical study of social-landscape interactions within a park. *Social Sciences*, *11*(1), Article 5. https://doi.org/10.3390/socsci11010005 EDN: https://elibrary.ru/LZCCRO

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кулян-Козионова Мария Эдуардовна, старший преподаватель кафедры «Лингвистические образовательные технологии, туризм и сервис»
Дальневосточный государственный университет путей сообщения
ул. Серышева, 47, г. Хабаровск, Хабаровский край, 680021, Российская Федерация
kulyan.mari@mail.ru

Щекина Елена Гербовна, доцент кафедры «Лингвистические образовательные технологии, туризм и сервис», кандидат культурологи, доцент
Дальневосточный государственный университет путей сообщения

ул. Серышева, 47, г. Хабаровск, Хабаровский край, 680021, Российская Федерация
egerbovna@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Maria E. Kulyan-Kozionova, Senior Lecturer, Department of Educational Linguistics Technologies, Tourism, and Service
Far Eastern State Transport University
47, Serysheva Str., Khabarovsk, Khabarovsk Krai, 680021, Russian Federation
kulyan.mari@mail.ru

Elena G. Shchekina, Associate Professor Department of Educational Linguistics Technologies, Tourism, and Service, PhD in Cultural Studies, Associate Professor
Far Eastern State Transport University
47, Serysheva Str., Khabarovsk, Khabarovsk Krai, 680021, Russian Federation
egerbovna@mail.ru

Поступила 27.05.2026
После рецензирования 10.06.2026
Принята 30.07.2026

Received 27.05.2026
Revised 10.06.2026
Accepted 30.07.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-3-343
УДК 791.43:130.2

Original article
EDN: LFEUOU

Конструирование образа журналиста в советском кинематографе по мифологическим лекалам

В.В. Витвинчук
Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Создание образа журналиста в советском кинематографе по мифологическим лекалам предполагает его конструирование с использованием культурных архетипов, универсальных сюжетов и символов, установление значимых для профессии идей и концептов деонтологического характера, что соответствует процессу профессионального самосознания и аксиологической самоидентификации журналистов. Ключевой теоретический тезис данной работы заключается в том, за внешней сюжетной канвой фильмов о перипетиях сотрудников СМИ стоит объемный мифо-сказочный контекст, сквозь призму которого может быть интерпретирован образа журналиста, механизм его создания и значение для культуры и современной журналистской профессии.

Целью исследования является определение механизмов конструирования значимых журналистских образов в советском кинематографе, а также характеристика деонтологического потенциала данных образов. Объектом изучения стали знаки киноязыка и сценарные механизмы, конструирующие образ журналиста, а предметом – деонтологические смыслы этих элементов.

Материалы и методы. Методология данного исследования строится на концепции «пути героя» Дж. Кемпбелла [13] в интерпретации К. Воглера [7], который адаптировал мономиф к нарративному анализу фильмов; семиотическом анализе Р. Барта [3] применительно к изучению социальных мифологий; структурно-функциональном методе В.Я. Проппа [18], который позволяет нам выделять функции персонажей и повторяющиеся нарративные структуры.

Для анализа значимых компонентов образа журналиста советской эпохи были выбраны фильмы Сергея Герасимова «Журналист» (1967) и Владимира Венгерова «Порожний рейс» (1962), которые укладываются в жанр производственной драмы. Критерии выборки: протагонистом выступает профессиональный журналист; жанр

картины укладывается в канон производственной драмы, отражающей специфику профессии; сценарная механика может быть прочитана сквозь призму концепции пути героя; киноленты были популярны и значимы для аудитории (узнаваемый актерский состав, победы на международных кинофестивалях, более 20 миллионов зрителей у каждой картины). Кроме того, эти картины являются яркими представителями творчества период «оттепели», как времени трансформации советской мифологии. Исследование также строится с опорой на анализ фильмов «Черт с портфелем» (1966), «Двадцать дней без войны» (1976), «Москва слезам не верит» (1979), «Мой друг Иван Лапшин» (1984).

Проблематика исследования образа журналиста в советском кинематографе этого периода заключается в постепенном переходе от репрезентации журналиста-труженника и коллективиста к нарративам экзистенциального характера. Идеологическая подоплека сохраняется, но сюжетная драматургия создает конфликт между миссией социального служения и внутренним миром персонажа. Это рождает более сложные и актуальные для современности образы.

Результаты. Анализ сюжетной и образной структуры фильмов позволяет делать вывод о том, что образ и профессиональный путь изображенных журналистов прочитывается в рамках концепции пути героя и сквозь призму архетипа героя мифо-сказочных нарративов. Мифологические лекала (модели) позволяют создавать образ журналиста искреннего и отважного, искателя и исследователя, готового к дальним странствиям и борьбе со злом. Такой ментальный конструкт прочно закрепился в пантеоне героев отечественной культуры и является актуальным и востребованным в условиях информационных процессов гиперсовременности. Типические и архетипические образы профессиональной идентификации журналиста, во многом были сконструированы экранной культурой кинематографа. Эти образные конструкты до сих пор оказывают значимое воздействие на профессиональную культуру журналистов и восприятие журналистики обществом. Советские фильмы функционируют как медиакритические произведения, дающие положения деонтологии журналистской деятельности.

Новизна. Комплексное применение мифологических методов (мономиф, функции персонажа, архетипы, социальные мифологии, нарративы) в исследовании образа журналиста на материале советского кино позволяет выявить новый героический тип советской мифологии, журналиста-героя, который демонстрирует стадии профессионального роста по модели сказочной инициации. Итогом такой инициации становится экзистенциальное преображение журналиста и нахождение правды-истины. Семиотический анализ репрезентаций журналисткой деятельности приводит к выводу о сакральности концепта «правда», который обретает такой статус через механизмы мифологизации журналистского странствия и поиска.

Ключевые слова: кинематограф; образ журналиста; мифологические лекала; знак; путь героя; значимый образ; конструкт; конструирование реальности

Для цитирования. Витвинчук, В. В. (2026). Конструирование образа журналиста в советском кинематографе по мифологическим лекалам. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(3), 129-151. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-343

The construction of the image of a journalist in Soviet cinema according to mythological patterns

V.V. Vitvinchuk
Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract

Background. The creation of the journalist image in Soviet cinema based on mythological templates involves constructing it using cultural archetypes, universal narratives, and symbols, as well as establishing deontological ideas and concepts that are significant for the profession. This corresponds to the process of professional self-awareness and axiological self-identification of journalists. The key theoretical thesis of this work is that behind the external plot of films about the ups and downs of media workers lies a comprehensive mythological and fairytale context, through the prism of which the image of the journalist, the mechanisms of its creation, and its significance for culture and the modern journalistic profession can be interpreted.

The **purpose** of this study is to identify the mechanisms for constructing significant journalistic images in Soviet cinema and to characterize the deontological potential of these images. The object of study is the signs of cinematic language and script mechanisms that construct the image of the journalist, and the subject is the deontological meanings of these elements.

Materials and methods. The methodology of this study is based on the concept of the "hero's journey" by J. Campbell [13] as interpreted by K. Vogler [7], who adapted the monomyth to the narrative analysis of films; the semiotic analysis of R. Barthes [3] as applied to the study of social mythologies; the structural-functional method of V.Ya. Propp [18], which allows us to identify the functions of characters and recurring narrative structures.

To analyze the significant components of the image of a Soviet-era journalist, the films Journalist (1967) by Sergei Gerasimov and Empty Flight (1962) by Vladimir Vengerov, which fit into the genre of industrial drama, were selected. Selection criteria: the protagonist is a professional journalist; the genre of the film fits into the canon of industrial drama, reflecting the specifics of the profession; the screenplay mechanics can be read through the prism of the concept of the hero's journey; These films were popular and significant for audiences (with recognizable casts, victories at international film

festivals, and over 20 million viewers per film). Furthermore, these films are prominent representatives of the "Thaw" period, a time of transformation in Soviet mythology. The study also draws on the analysis of the films "The Devil with a Briefcase" (1966), "Twenty Days Without War" (1976), "Moscow Does Not Believe in Tears" (1979), and "My Friend Ivan Lapshin" (1984).

The **problematic** of studying the image of the journalist in Soviet cinema of this period lies in the gradual transition from the representation of the hard-working and collectivist journalist to existential narratives. The ideological underpinning remains, but the plot dramaturgy creates a conflict between the mission of social service and the character's inner world. This gives rise to more complex images that are relevant to contemporary times.

Results. An analysis of the films' plot and imagery allows us to conclude that the image and professional path of the journalists depicted are understood within the framework of the hero's journey and through the prism of the hero archetype found in mythological and fairytale narratives. Mythological templates (models) help create the image of a sincere and courageous journalist, a seeker and explorer, ready for long journeys and the fight against evil. This mental construct has become firmly entrenched in the pantheon of heroes in Russian culture and is relevant and in demand in the context of hypermodern information processes. Typical and archetypal images of journalistic professional identity were largely constructed by the screen culture of cinema. These imagery constructs continue to exert a significant influence on the professional culture of journalists and the public's perception of journalism. Soviet films function as works of media criticism, providing principles for the deontology of journalistic activity.

Novelty. The comprehensive application of mythological methods (monomyth, character functions, archetypes, social mythologies, and narratives) to the study of the journalist's image in Soviet cinema reveals a new heroic type of Soviet mythology: the journalist-hero, who demonstrates stages of professional growth based on the model of a fairytale initiation. The culmination of this initiation is the journalist's existential transformation and the discovery of the truth. A semiotic analysis of representations of journalistic activity leads to the conclusion that the concept of "truth" is sacred, acquiring this status through the mechanisms of mythologization of the journalistic journey and quest.

Keywords: cinema; journalist image; mythological templates; sign; hero's journey; significant image; construct; construction of reality

For citation. Vitvinchuk, V. V. (2026). The construction of the image of a journalist in Soviet cinema according to mythological patterns. *Russian Studies in Culture and Society*, *10*(3), 129-151. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-343

Введение

Обращение к образам журналистов, реализованных в киноязыке советских фильмов периода «оттепели», обосновано современным

кризисом доверия общества по отношению к СМИ, размытием массовых представлений о профессии журналиста (неопределенностью границ между социальными ролями блогера, медиакоммуникатора и журналиста) и сложностями профессиональной идентификации журналистов.

С распадом СССР и атомизацией общества культурный ареал нашей страны подвергся энтропийному мультиплицированию идеологем, которые, с одной стороны, дали полную свободу в трактовке идеологической подоплеки любых общественных событий, но, с другой стороны, отменили возможность культивации и трансляции образов, идей и ценностей на все общество в целом. Отмена идеологии сломала механизмы воспитания общества, следовательно, нашему обществу приходится оперировать теми образами и концептами, которые были сформированы еще в советскую эпоху культурного генезиса ценностей.

Однако современный мир изменился и стремительно продолжает меняться. Возникает резонный вопрос о релевантности устоявшихся значимых образов и концептов советской мифологии в отношении современной культуры, в частности журналисткой профессиональной культуры. Как могут культурные практики и традиционные методы журналистской деятельности существовать в цифровой гиперреальности. Возможно, ситуация систематического перепроизводства знаков делает избыточным само понятие деонтологических стандартов журналистики, и журналисты лишены агентности в репродуцировании информационных процессов. Либо, напротив, информационная гиперреальность становится настолько доминирующей и более реальной, чем сама реальность, что только журналисты становятся навигаторами в системе массовой коммуникации.

Чтобы понять значение журналистских образов советского кино для современного общества, необходимо проанализировать мифические смыслы этих образов, понять насколько они встроены в современную культуру и социальные мифологии. Решить эту задачу позволяет комплексное применение мифологических методов.

Теоретико-методологические основания исследования

Одним из ключевых понятий данной работы является «значимый образ», который мы рассматриваем как визуальный конструкт, отражающий деонтологические характеристики журналисткой профессии. Это подразумевает не просто экспликацию социального конструкта, а выявление архетипов профессиональной журналистской мифологии.

Ряд отечественных и зарубежных исследователей обращались к вопросу о первичности медиаобраза, детерминирующего реальность. Такая реальность рассматривается в академических трудах как перманентная трансформация материи, ведь только непрерывная изменчивость может быть результатом и продуктом информации, которая сама по себе есть изменение. В трудах Т. М. Дридзе, Е. П. Прохорова, С. Г. Корконосенко, Л. Г. Свитич, Т. И. Фроловой, Е. В. Петровой, Е. Л. Головлевой, Н. Р. Балынской, Э. А. Сулейманова, – мы находим трактовку и обоснование терминов «информационное пространство» и «информационное общество» не как философских абстракций и ареалов бытия знаков, а как маркеров реальности, пронизанной каналами коммуникации и буквально состоящей из этих каналов. Продолжая мысль М. Маклюэна [16], мы можем сказать, что канал коммуникации – это и есть сообщение, а сообщение есть реальность. Семиосоциопсихологическая теория рассматривает коммуникацию как фактор формирования общественной психологии и культуры, а Е. П. Прохоров [19] и С. Г. Корконосенко [21] делают следующий шаг, характеризуя уже само общественное бытие как продукт коммуникативной деятельности. Ключевым актором в этом процессе становится журналистика в ее институциональном воплощении. Предметом изучения ученых стало не содержание информационного сообщения, а мера его воздействия на социум и бытие, локализованные в медиатизированной реальности. Даже смещение парадигмы исследования в сторону политики и определение индивида как «существа политического» неизменно приводит к первичности массмедиа, как драйверу всего политического. Таким образом, можно утверждать первичность логоса и образа в модели построение современной реальности.

Значение логоса и образа в каналах коммуникации как истоков бытия реальности можно проследить в трудах зарубежных авторов: У. Липпман, П. Бергер, Т. Лукман, М. Э. Маккомбс, Ш. Дональд, Г. Такман, чьи труды давно стали классическими и дали нам концепции «общественного мнения», «социального конструирования реальности», «установления повестки дня», «социологии производства новостей» и др. Социологические, критические и гендерные подходы данных авторов позволили утверждать, что социальная реальность конструируется через коммуникацию, медиа создают среду, а институциональный характер новостей задает рамки реальности. Проблема новостных рамок, акцентирующих определенные аспекты реальности, или концепция фрейминга в журналистике рассматривалась в трудах: Т. Гитлина, Р. Энтмана, Э. Гофмана, которые позволили увидеть в массовой коммуникации матрицы социальных событий и схемы распознавания этих событий, что дало исследователям инструмент для препарирования информационной плоти реальности. Наибольшее значения для нашего исследования представляет критическое наследие таких авторов как Н. Хомский, Э. Херман, М. Кастельс, З. Бауман, Ж. Бодрийяр и Н. Луман, которые изучали деструктивные практики массмедиа в насаждении идей и смыслов, выгодных для капиталистической элиты и политических демиургов. С учетом того, что информация в современном мире неизбежно сращивается с дезинформацией и фейками, необходимо упомянуть труды современного автора Й. Бенклера, рассматривающего процессы конструирования альтернативной реальности посредством прямой лжи и маргинальной социальной мифологии.

«Современная цифровая культура, виртуализирующая практически все сферы человеческого бытия, приводит к тому, что многие культурные формы претерпевают существенные и даже сущностные изменения» [12]. Вопрос сущностной трансформации стоит на повестке дня еще с тех лет, когда об этом впервые заговорил М. Маклюэн [16]. До этого не менее значимые теоретики и аналитики, например Й. Хейзинга [24], предпочитали попросту игнорировать или отрицать возможность влияния медиа на сущность явлений и

практик. В современной науке существует почти доминирующий консенсус о медиа как демиурге образов и представлений, но научное сообщество все еще не решается признать степень и скорость изменений реальности под воздействием виртуализации нашего бытия.

Анализ фильмов и исследование журналистских образов базируется на концепциях Дж. Кемпбелла, К. Воглера, Р. Барта, В. Я. Проппа.

Ключевые теоретические установки

Изучение теоретических источников дает две важные для нашего исследования предпосылки. 1. Отстраняясь от этических оценок, нужно констатировать тот факт, что ложность или правдивость информации, несущей через массмедиа ключевые образы и концепты, не влияет на эффективность воздействия на массовое сознание. Тотальное транслирование и инкорпорирование значимой информации в сознание аудитории порождает виртуальную реальность, которая некритично воспринимается как более реальная, чем сама реальность. 2. Виртуальная реальность конструирует социальную реальность, а значит определяет значительную область поведения и бытия индивида.

В кинематографе исследователи видят инструмент культуры, который может рассматриваться как мироздание второго порядка, то есть модель жизни человека и общества (бытия), не претендующая на истинность, в отличие от мироздания первого порядка, формируемого научной парадигмой знания. Впрочем, истинность мироздания от науки столько же условна, как и «правдоподобность» образов кино: наука тоже формирует субъективные истины, а не истину в единственном числе. «Мироздание (как модель) обязано быть сжатым образом бытия… мы не «открываем» законы мироздания, мы «изобретаем» их как удобный способ сжатия данных о бытии» [9]. Кино конструирует образ реальности внутри образа реальности (научного), парадоксальным образом являясь более реальным и аутентичным для широкой аудитории в силу демократичности своего языка общения с этой аудиторией. Несмотря на столетия процессов популяризации научного знания парадигма науки все еще сильно

уступает парадигме массовой информации. Недоступное прямому восприятию бытие становится репрезентированным в массовом сознании средствами кино, а не науки, что приводит нас к мысли о «действенности» вторичного мироздания. Оно лишь отчасти является продуктом познания и в гораздо большей степени становится инструментом влияния. Другими словами, нам (широкой аудитории) доступно лишь бытие в образах вторичного мироздания.

Образы журналистов и журналистики, созданные в советском кино, значительно отличаются от наличной исторической реальности, в силу действия неформальной цензуры, вертикальной подчиненности газет и авторитаризма в советском государстве. Нет надобности повторять риторику многочисленных разоблачительных публикаций конца XX века о вопросах пропаганды и идеологии на страницах советских газет. Наше исследование нацелено на выявление значимых образов журналистики в советском кино вне привязки к категориям ложности и правдивости. Важно понять конструкцию этих образов и влияние на массовое сознание, испытываемое аудиторией до сих пор. Значимость и влиятельность этих образов мы обосновываем сменой парадигмы отечественного кинематографа, который после распада СССР утратил возможность эффективно и массово внедрять образы в сознание аудитории. Так, по сообщению издания Газета.ru, «в 2025 году лишь 5 из 41 российских фильмов, снятых при государственной поддержке, смогли окупиться в прокате, тогда как 36 проектов не достигли точки безубыточности. Таким образом, 88% таких картин оказались коммерчески неуспешными…» (В 2025 году не окупились 88% фильмов с государственной поддержкой // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2026/03/17/28071157.shtml).

Советский кинематограф тоже не сразу стал функционировать как всеобъемлющая машина идеологии. Для отечественных СМИ 1917 год был временем «часа ноль», что подразумевает отказ от прежних профессиональных традиций и переход к новой парадигме массовых коммуникаций. Конечно, В.И. Ленин, издавая указы и программные статьи о новом «характере газет», хотел добиться быстрых и фундаментальных преобразований массовой коммуни-

кационной системы, но сложные социально-политические реалии тормозили эти процессы. Это привело к принципиальной неспособности кинематографа произвести значимую репрезентацию института прессы в первые десятилетия своего существования. Эпоха сталинского кино предполагала лишь производство музыкальных комедий и картин, лакирующих действительность, но не вскрывающих внутриинституциональные проблемы журналистики. Поэтому первые высокохудожественные фильмы о журналистах появляются в советской киноиндустрии в период «оттепели» политического режима и возможности транслировать проблемные вопросы профессиональной сферы.

Мифологическая атрибутика и символический путь странствий героя-журналиста

Сценарий фильма «Журналист» уверенно встраивается в рамки жанра производственной драмы. Молодой столичный журналист уверенно идет по карьерной лестнице, редактор планирует перевести его в международный отдел, а это предполагало возможность заграничных командировок. Для интеллектуальной элиты СССР существовало совсем немного способов побывать за границей, поэтому данное повышения по службе для молодого журналиста Алябьева нужно воспринимать как головокружительный взлет карьеры: уже в начале своей профессиональной деятельности он получает служебные бенефиты, о которых большинство журналистов могли только мечтать. Сценарное искусство предлагает рассматривать перипетию «головокружительный успех» как один из ключевых драйверов развития персонажа в начале его пути. Кроме того, западные страны воспринимались в сознании советского человека как иное пространство, чужеродная земля, соответственно, мы можем говорить о том, что Алябьеву предстояло пересечь фронтир и совершить трансгрессию. В терминах мифо-сказочного дискурса Алябъева отправил начальник (царь, отец) в «далекое-далеко» или «тридевятое царство». Структура героического повествования, на которую мы опираемся при анализе кинокартин, предполагает, что

герой не может проникнуть через границу миров, не совершив обращения, возмужания, соответственно, перед отправкой в путешествие он должен пройти некоторые испытания, подвергнуться процедуре инициации. В мотиве инициации строится сюжет всей первой серии.

Прежде всего, Алябьев, хоть и не намеренно, символически уничтожает другого претендента на должность, что рождает противостояние двух образов журналистов. Антагониста в эпизодической роли играет В.М. Шукшин, который воплощает персону циничного, прожженного и постоянно пьяного журналиста. В этом образе режиссер предлагает нам характеристики журналиста-антигероя, концентрирует в нем «демонические» качества представителей профессии. Алябьев, наоборот, в некотором роде наивен, честен, трудолюбив и не употребляет алкоголь. Алкоголь в данном случае является знаком, маркирующим всех отрицательных персонажей в журналистике. В структурном психоанализе кино алкоголь как знак часто декодируется как мифическая амброзия, которую пили боги, чтобы стать бессмертными: некоторые журналисты хотят приблизиться к богам и пьют амброзию (алкоголь), хотя человеческие души не приспособлены к ее магическому влиянию, как следствие, пьющие журналисты хоть и получают временный рост творческих способностей, в последующем все равно превращаются в трикстеров и тени.

В рамках данного исследования мы прочитываем знак алкоголя в творческой интерпретации Дэвида Линча, который создал аналог амброзии – гармонбозию в сериале «Твин Пикс» (1991), где обитатели «черного вигвама» (аналог ада) пили гармонбозию, представляющую собой концентрированную боль и печаль. Именно как гармонбозия прочитывается знак алкоголя в большинстве фильмов о журналистах советского периода. Напиток, дающий власть над людьми, в том числе над массовой аудиторией, но разрушающий носителя власти. Примечательно, что актер Юрий Васильев через двадцать лет вновь вернется к образу журналиста в фильме «Москва слезам не верит», где он сыграет телеоператора Родиона Рачкова. Хотя его персонаж не страдает алкоголизмом, все сцены,

строящиеся на рамке этого действующего лица, маркированы присутствие алкоголя в кадре, причем алкоголь представлен не просто как элемент натуры, он действует по принципу гармонбозии и определённым образом двигает сюжетную линию. Так, в первой серии Родион Рачков подпаивает героиню Екатерину Тихомирову и вступает с ней в интимную связь, это вызывает рождение нежеланного ребенка и дальнейшее движение сюжета. Второе травматическое появление Родиона в жизни Екатерины происходит двадцать лет спустя, когда он неожиданно приходит в гости, и «Гоша» (персонаж Алексея Баталова) предлагает выпить «коньячку», после чего Родион проговаривается, что Екатерина является директором завода, и это рождает новую сюжетную перипетию. Нужно отметить, что в фильме «Москва слезам не верит» герой Юрия Васильева представляет собой полную противоположность образа из фильма «Журналист»: герой выродился в приспособленца и карьериста, человека с выжженной душой, как у персонажа Василия Шукшина, которого Юрий когда-то одолел. По аналогии этот метасюжет прочитывается через легенду о Ланселоте, которой победил дракона, но сам при этом стал драконом. Возможно, режиссер Юрий Меньшов именно поэтому взял на роль Рачкова опытного Юрия Васильева, чтобы завершить этот драматический сюжет трансформации и старения журналиста. С другой стороны, само историческое время, в которое снимался фильм «Москва слезам не верит» диктовало отход от романтического изображения журналистов к реалистическому (или соцреалистическому), ведь романтизм в искусстве всегда сменяется реализмом, что и происходило в советском кинематографе на рубеже 1970-х годов XX века.

Необходимо вернуться к деконструкции пути героя Юры Алябьева в романтическом ключе. Итак, он преодолевает первую преграду – пьющего алкоголь соперника, но перед назначением на должность редактор отправляет его в последнюю командировку в ранге его старой должности сотрудника отдела писем, которая в иерархии советских журналистов была самым презираемым уровнем журналистской работы. Это становится двойным испытанием, поскольку

молодой журналист уже видел себя престижным международником, и вот его вновь отправляют в провинциальный Горноуральск, чтобы разобраться в графоманских жалобах гражданки Аникиной. Необходимо пояснить, что по советскому законодательству о СМИ, все газеты были обязаны официально реагировать на любые письма граждан, проводить проверки и писать соответствующие материалы в жанре обзора писем или ответа на обращения граждан. Конечно, этим пользовались разного рода профессиональные жалобщики и доносчики. Для Юры Алябьева это очень травматичное задание, он понимает его бессмысленность, но и осознает, что таким образом начальство (царь, отец, бог) испытывает его. Для отправки в «тридевятое царство» западной прессы он прежде должен совершить серию подвигов.

Дальнейшее повествование развивается весьма неспешно, порой зрителю даже кажется, что фильм перегружен диалогами, панорамами, лишними сценами. Алябьев приезжает в Горноуральск, знакомится с главным редактором местной газеты, с начальниками разных уровней, ведет длительные беседы, ловит рыбу, по совету редактора снимает комнату у гражданки Аникиной, рядом с домом которой во флигеле живет одинокая девушка Шура Окаемова, в которую Юра, конечно же влюбляется.

Все эти действия нисколько не приближают журналиста к цели командировки, расследование буксует, и зритель может потерять нить повествования, ведь драматургические элементы исчезают из фильма на два часа, а цель происходящих на экране действий не ясна. В действительности, мы видим осмысленное противостояние Юры и гражданки Аникиной, которое скрыто за внешней канвой сюжета, но прочитывается в механике семиотического и структурного анализа.

Ключевым для понимания всей первой серии является эпизод, в котором Юрий возвращается с работы в дом Аникиной и на несколько минут засыпает. Хозяйка при этом энергично чистит овощи на кухне и как обычно что-то ворчит. Реальность частично переносится в сон Юрия, и он видит, как в довольно жутком ракурсе

субъективной камеры, Аникина крепко держит его руку и скрежет ее овощерезкой.

Режиссер Герасимов, наверняка, был в курсе содержания психоаналитических концепций, хоть и отвергал их как советский автор. Тем не менее, именно в русле структурного психоанализа эта сцена прочитывается как ключ к пониманию всего путешествия Юрия Алябьева. Кошмарный сон тут же пробуждает героя, но зритель понимает, что все бесцельные скитания Юрия по Горноуральску приобретают смысл по поэтике мифо-сказочного странствия героя. В образе Аникиной, несомненно прочитывается Баба-яга, которая в пространстве сказки всегда проживает в избушке на границе поля и леса, то есть между царством живых и мертвых.

Чтобы проникнуть в инобытие (в «тридевятое царство»), герой должен победить колдунью, преодолеть ее ловушки и получить в итоге прекрасную принцессу. Аникина живет в частном доме, где и сдает комнату Юре. В первую их встречу Аникина, хоть и с ворчанием («разносолов не держу»), но предлагает журналисту бесплатный обед. В большинстве сказок Баба-яга тоже предлагает герою покушать, это один из ритуалов инициации, поскольку предполагается мертвая еда для мертвых. Герой съедает предложенное угощение и проходит первый этап проверки. Далее мы видим, что девушка Шура Окаемова живет во флигеле на участке Аникиной, то есть структурно соответствует прекрасной принцессе, заточенной в высокой башне. Главная задача героя – спасти девушку из заточения и жениться на ней. Характерно, что у Юры Алябьева в столице уже есть невеста, что соответствует ложной принцессе из сказок. Разговоры с разными чиновниками провинциального городка тоже обретают смысл как ритуальные беседы, когда слова не имеют значения, важен лишь факт нахождения собеседников в одном пространстве. Пространство провинциального города тягучее и сновиденческое не поддается усилиям молодого журналиста и в первой серии он терпит неудачу: проблема не решается, Аникина остается не разоблаченной, а девушка пребывает в заточении провинциального хронотопа.

Вернувшись в Москву Юра Алябьев с удивлением обнаруживает, что для редактора он выполнил задание, и его переводят в международный отдел. Это подводит к мысли, что суть испытания заключалась в самой поездке и трансгрессии в провинциальное пространство, а не в выполнении каких-то задач. Во второй серии Юрий уже находится в командировке в Европе и опять ведет бесконечные непонятные беседы с зарубежными журналистами, актерами и просто светскими сплетниками. Реальность западной журналистими опять оказывается тягучей и сновиденческой, Юрий Васильев хорошо отыгрывает замешательство и непонимание цели своей деятельности, хотя зритель уже понимает, что все события внутри хронотопа западной журналистики это тоже ритуал, который сам по себе является испытанием. Герой стремился в пространство заграничного быта, но оказывается в помутненном инобытии, которое, конечно же, не является его целью. Путь героя ведет его обратно в провинцию к прекрасной девушке. Вернувшись, герой узнает, что зло в лице Аникиной, победило, Шура попала в еще худшее заточение и подвергнута остракизму, поскольку Аникина распустила сплетни про ее любовную связь с Юрой. Герой отвергает пространство столичной жизни, инобытие заграницы и принимает пространство провинциального городка с его проблемами и социальными задачами, в результате чего спасает Шуру из заточения.

Другой образ журналиста-героя мы находим в фильме «Порожний рейс» (1963), хотя облик главного персонажа, реализованный Александром Демьяненко, визуально не содержит в себе героико-патетических знаков. Как всегда, Демьяненко играет молодого, наивного интеллигента в очках и щеголеватом столичном костюме. В русле производственной драмы разворачивается типичный сюжет – молодой столичный журналист едет в командировку на север в леспромхоз, чтобы написать очерк о водителе-передовике. Молодой и неопытный столичный журналист, одетый не по погоде, оказывается в окружении суровых сибиряков, которые явно дают понять о своей неготовности даже говорить с корреспондентом. Это отсылает нас к героическому эпосу, где антагонисты часто не

желают даже разговаривать с героем, не то чтобы вступать с ним в противоборство. Даже имя молодого журналиста Павел Сироткин говорит о типичном героическом атрибуте: герой часто не имеет семьи, родителей, он сирота, либо его происхождение не известно. В такой структуре повествования герою требуется найти своего символического отца либо самому стать отцом.

Встречаясь с антагонистом, объектом для очерка Николаем Хромовым, журналист видит сурового, немного злого, но притягательного персонажа. Фамилия антагониста тоже важна для конструирования истории, она отсылает либо черту (хромому Мефистофелю), либо к человеку, который в своей профессиональной деятельности делает что-то неправильно. Далее выясняется, что Хромов выдает высокие показатели в работа за счет махинаций с бензином, директор его покрывает, создавая широкую коррупционную схему заработка, которая детерминирована бюрократическими сложностями выплаты заработной платы. Эта внешняя сюжетная канва не важна для нашего анализа так, как важна структура взаимодействия двух персонажей: журналиста-героя и шофера-чародея. Уже во время первой встречи Хромов небрежно просит Сироткина помочь завести двигатель: «Заводную ручку можешь вращать?», что указывает иронично на орудие производства журналиста – шариковую ручку и на проверку способности владения инструментом (оружием), – вспомним фразу водяного из мультипликационного фильма «Летучий корабль»: «Удержишь инструмент – построишь корабль». Это распространенный сказочный мотив: помощники или враги проверяют способность героя владеть волшебными инструментами или амулетами. Далее Хромов шуточно диктует Сироткину текст портретного очерка, состоящий из штампов и канцеляризмов, что, конечно же, является проверкой возможности повторить заклинание, Хромов заговаривает Сироткина в магическом смысле.

Образ Николая Хромова раскрывается через реплики персонажей, которые неоднократно в разных контекстах называют его «колдуном», кроме того мы узнаем, что суровый сибиряк читал произведе-

ние Гете «Фауст» и, очевидно, ассоциирует себя с Мефистофелем. Также у Хромова есть своя магическая дорога в лесу: опасный для движения путь, которым Хромов возит грузы, коллеги называют «верхней дорогой Хромова» и даже совершают шуточный ритуал вноса покойника, в роли которого выступает молодой водитель, впервые проехавшей дорогой Хромова. Это говорит о том, что лес и дорога, хозяином которых является Хромов (не случайно заблудившийся в лесу Сироткин выходит к машине Хромова), становится пространством мертвых и только мертвые (прошедшие инициацию) могут там находиться.

В фильме мы видим даже ритуал выспрашивания (он к ключевым мотивам в морфологии сказки), когда Сироткин задает вопросы возлюбленной Хромова: «Каким образом Николай добивается таких высоких показателей? Как он добыл такой сервиз». По канону сказки персонаж не может ответить ложью при ритуале выспрашивания, поэтому девушка, отказываясь отвечать, всем своим видом говорит о «магических» силах Хромова.

Финальное противостояние происходит на льду озера, где глохнет машина Хромова, везущего Сироткина в аэропорт. Ситуация гарантирует смерть от холода главным персонажам трагедии, и чародей Хромов не боится смерти, поскольку находится внутри своего пространства снега и холода. Однако, честь и отвага молодого журналиста побеждают цинизм Хромова, ведь Сироткин сел в его грузовик, зная, что Хромов хочет его убить. Такое поведение Сироткина, характерное именно для героического нарратива, ломает злобное намерение чародея Хромова, который изо всех сил начинает стараться спасти журналиста. Что и происходит, Хромов разжигает огонь в своем пространстве холода, буквально сжигая свой автомобиль, который, конечно, символизирует его магическую силу и его жизнь.

Таким образом, мы видим очередной героический образ журналиста, который не отличается внешними богатырскими данными, но имеет чистоту намерения, честь и бескорыстие, а также безграничную веру в правду на газетном листе.

Образ журналиста как тип героя-странника в поисках правды

Анализ кинематографических образов журналиста в советских фильмах времен «оттепели» в рамке мифологических паттернов позволил выявить новый героический тип в пантеоне героев советской мифологии. Журналист-герой является персонажем эпохи трансформации советской идеологии, что рождает сценарный конфликт между коллективистскими установками и внутренними интенциями личности. Экзистенциальные проблемы персонажа решаются через преодоление внешних преград, что прочитывается как прохождение инициации. Такой журналист-герой вписывается в архетип Искателя или Странника (что ближе русской сказочной традиции). В ходе своих странствий журналист проходит инициацию, которая предполагает финальный этап профессионального становления, и находит правду как сакральную награду за свои подвиги. Таким образом, мы видим сакрализацию категории правды через мифологические нарративы.

В персонажах Юрия Алябьева и Павла Сироткина проявляется типичный героический образ журналиста, искреннего и отважного, готового к дальним странствиям и борьбе с мелким и большим злом. Он верит в торжество справедливости и отвергает прелести столичной жизни и карьерного роста. Социальная реальность изображена в фильме далеко не гармоничной и пронизанной бюрократическими проблемами, а также проблемами межличностных взаимоотношений. Журналист принимает эту реальность, принимает даже ее неготовность трансформироваться и находит себя на пути журналистской работы и борьбы, даже если эта борьба имеет весьма сомнительные перспективы. Такой образ журналиста имеет родство с ранними персонажами американских фильмов о журналистах, тоже погруженных в агрессивную социальную среду и косность бюрократических систем, даже сам институт журналистики здесь представляется как некая враждебная индивиду машинерия, которая может сломать психику и волю слабых людей.

Фильмы «Журналист» и «Порожний рейс», а также другие знаковые киноленты о журналистах советской эпохи как культурные артефакты породили типичный образ журналиста-героя, прочно

нашедшего свое место в пантеоне ментальных стереотипов. Такой конструкт может претендовать на роль архетипа профессиональной мифологии, и мы находим в нем черты архетипов Героя и Искателя. Допущение возможности существования универсальных архетипов дает представление о том, что коллективное сознание предполагает наличие неких ментальных «каркасов» (представлений о журналисте в данном случае), которые заполняет массовая культура средствами кинематографа. В рамках данного исследования мы называем их «значимыми образами», которые дают обществу представление о профессии журналиста. Так, образ журналиста-героя, воплощенный в персонажах Юры Алябьева и Павла Сироткина, стал примером для всех журналистов русской культуры даже в условиях сложных информационных процессов гиперсовременности. И он не утратит своего значения, поскольку создан на основе универсальных структурных механизмов героического повествования.

Список литературы

1. Балынская, Н. Р. (2008). *Журналистика в политическом процессе*. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького. 165 с. ISBN: 978-5-7525-1855-5. EDN: https://elibrary.ru/QWRLTT
2. Барт, Р. (1994). *Избранные работы: семиотика, поэтика*. Москва: Прогресс. 103 с.
3. Барт, Р. (2023). *Мифологии*. Москва: Академический проект. 351 с.
4. Бауман, З. (2002). *Индивидуализированное общество*. Москва: Логос. 390 с.
5. Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Москва: Медиум. 323 с.
6. Бодрийяр, Ж. (2006). *Общество потребления. Его мифы и структуры* / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. Москва: Республика, Культурная революция. 268 с.
7. Воглер, К. (2021). *Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино*. М.: Альпина Паблишер. 608 с.
8. Головлева, Е. Л. (2009). *Массовые коммуникации и медиапланирование*. Москва: Академический Проект; Деловая книга. 352 с. ISBN: 978-5-88687-200-2. EDN: https://elibrary.ru/QWXVJD
9. Грибков, А. А., Зеленский, А. А. (2026). Понимание и осмысление – ключевые концепции методологии построения системы знаний. *Философия и культура*, № 3, С. 33–43. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=78468.

DOI: https://doi.org/10.7256/2454-0757.2026.3.78468. EDN: https://elibrary.ru/MNBGWC

10. Дридзе, Т. М. (2009). *Язык и социальная психология: Учебное пособие*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 240 с.
11. Кастельс, М. (2000). *Информационная эпоха: экономика, общество, культура*. Москва: ГУ ВШЭ. 608 с.
12. Качай, И. С., Петров, М. А. (2026). Посттворчество в эпоху постправды: философский анализ. *Философия и культура*, № 1, С. 182–205. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77086. DOI: https://doi.org/10.7256/2454-0757.2026.1.77086. EDN: https://elibrary.ru/CTLCDG
13. Кэмпбелл, Дж. (2018). *Тысячеликий герой*. СПб.: Питер. 480 с.
14. Липпман, У. (2004). *Общественное мнение*. Москва: Ин-т Фонда «Обществ. мнение». 382 с. ISBN: 5-93947-016-5. EDN: https://elibrary.ru/OXCHMG
15. Луман, Н. (2005). *Реальность массмедиа*. Москва: Праксис. 256 с. EDN: https://elibrary.ru/PWYQPR
16. Маклюэн, Г. М. (2003). *Понимание Медиа: Внешние расширения человека*. Москва: КАНОН-пресс-Ц. 464 с.
17. Петрова, Е. В. (2016). Взаимовлияние медиаконтента и культуры повседневности сельского поселения Юга России: проблема нового времени и пространства. *Обсерватория культуры*, № 1, С. 36–43. EDN: https://elibrary.ru/VWPOWZ
18. Пропп, В. Я. (2023). *Морфология волшебной сказки*. Москва: Издательство АСТ. 256 с.
19. Прохоров, Е. П. (2009). Идеи синергетики и методология журналистики. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, № 2, С. 13–30. EDN: https://elibrary.ru/KXLQHR
20. Свитич, Л. Г. (2000). *Феномен журнализма*. Москва: Изд-во фак-та журн. МГУ. 252 с.
21. Социология журналистики: Учебное пособие для студентов вузов (2004). Под ред. С. Г. Корконосенко. Москва: Аспект Пресс. 318 с.
22. Сулейманов, Э. А. (2017). Отражение политической реальности в СМИ. *Коммуникология: электронный научный журнал*, *Т. 2*, № 3, С. 51–59. EDN: https://elibrary.ru/YKZHWI
23. Фролова, Т. И. (2017). *Социальная журналистика: профессия и позиция*. Москва: АСИ. 100 с.
24. Хейзинга, Й. (2011). *Homo ludens. Человек играющий*. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха. 416 с. ISBN: 978-5-89059-168-5. EDN: https://elibrary.ru/QPUPXF
25. Хомский, Н., Херман, Э. С. (2002). *Производство согласия. Политическая экономия массмедиа*. Москва: Издательство «Праксис». 406 с.

26. Benkler, Y., Faris, R., Roberts, H. (2018). *Network Propaganda: Manipulation, Disinformation, and Radicalization in American Politics*. New York: Oxford University Press. 462 p. DOI: https://doi.org/10.1093/oso/9780190923624.001.0001
27. Graham, G., Greenhill, A., Shaw, D., Vargo, C. J. (2016). *Content is King: News Media Management in the Digital Age*. London: Bloomsbury Publishing. 288 p.
28. Goffman, E. (1959). *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Anchor Books. 272 p.
29. Tuchman, G. (1978). *Making News: A Study in the Construction of Reality*. New York: Free Press. 244 p.
30. McCombs, M. (2004). *Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion*. Cambridge, UK: Polity Press. 184 p.
31. Entman, R. M. (2024). *Projections of Power: Framing News, Public Opinion, and U.S. Foreign Policy*. Chicago: University of Chicago Press. 229 p.
32. Gitlin, T. (2002). *Media Unlimited: How the Torrent of Images and Sounds Overwhelms Our Lives*. New York: Metropolitan Books. 264 p.

References

1. Балынская, Н. Р. (2008). *Journalism in the Political Process*. Yekaterinburg: Ural State University named after A. M. Gorky. 165 p. ISBN: 978-5-7525-1855-5. EDN: https://elibrary.ru/QWRLTT
2. Барт, Р. (1994). *Selected Works: Semiotics, Poetics*. Moscow: Progress. 103 p.
3. Барт, Р. (2023). *Mythologies*. Moscow: Akademichesky Proyekt. 351 p.
4. Бауман, З. (2002). *Individualized Society*. Moscow: Logos. 390 p.
5. Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. 323 p.
6. Бодрийяр, Ж. (2006). *The Consumer Society: Myths and Structures* / trans. from French by E. A. Samarskaya. Moscow: Respublika, Kulturnaya Revolyutsiya. 268 p.
7. Воглер, К. (2021). *The Writer's Journey: Mythic Structure for Writers and Screenwriters*. Moscow: Alpina Publisher. 608 p.
8. Головлева, Е. Л. (2009). *Mass Communications and Media Planning*. Moscow: Akademichesky Proyekt; Delovaya Kniga. 352 p. ISBN: 978-5-88687-200-2. EDN: https://elibrary.ru/QWXVJD
9. Грибков, А. А., Зеленский, А. А. (2026). Understanding and Comprehension as Key Concepts in the Methodology of Building a System of Knowledge. *Philosophy and Culture*, No. 3, pp. 33–43. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=78468. DOI: https://doi.org/10.7256/2454-0757.2026.3.78468. EDN: https://elibrary.ru/MNBGWC
10. Дридзе, Т. М. (2009). *Language and Social Psychology: A Study Guide*. Moscow: Knizhny Dom «LIBROKOM». 240 p.

11. Кастельс, М. (2000). *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow: HSE. 608 p.
12. Качай, И. С., Петров, М. А. (2026). Post-Creativity in the Post-Truth Era: A Philosophical Analysis. *Philosophy and Culture*, No. 1, pp. 182–205. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77086. DOI: https://doi.org/10.7256/2454-0757.2026.1.77086. EDN: https://elibrary.ru/CTLCDG
13. Кэмпбелл, Дж. (2018). *The Hero with a Thousand Faces*. St. Petersburg: Piter. 480 p.
14. Липпман, У. (2004). *Public Opinion*. Moscow: Institute of the FOM Public Opinion Foundation. 382 p. ISBN: 5-93947-016-5. EDN: https://elibrary.ru/OXCHMG
15. Луман, Н. (2005). *The Reality of the Mass Media*. Moscow: Praksis. 256 p. EDN: https://elibrary.ru/PWYQPR
16. Маклюэн, Г. М. (2003). *Understanding Media: The Extensions of Man*. Moscow: KANON-press-Ts. 464 p.
17. Петрова, Е. В. (2016). Interrelation between Media Content and the Culture of Everyday Life in a Rural Settlement in Southern Russia: The Problem of New Time and Space. *Observatory of Culture*, No. 1, pp. 36–43. EDN: https://elibrary.ru/VWPOWZ
18. Пропп, В. Я. (2023). *Morphology of the Folktale*. Moscow: AST Publishing. 256 p.
19. Прохоров, Е. П. (2009). Ideas of Synergetics and the Methodology of Journalism. *Vestnik of Moscow University. Series 10. Journalism*, No. 2, pp. 13–30. EDN: https://elibrary.ru/KXLQHR
20. Свитич, Л. Г. (2000). *The Phenomenon of Journalism*. Moscow: Faculty of Journalism of Moscow State University. 252 p.
21. Социология журналистики: Учебное пособие для студентов вузов (2004). Ed. by С. Г. Корконосенко. Moscow: Aspekt Press. 318 p.
22. Сулейманов, Э. А. (2017). Reflection of Political Reality in the Media. *Communicology: Electronic Scientific Journal*, Vol. 2, No. 3, pp. 51–59. EDN: https://elibrary.ru/YKZHWI
23. Фролова, Т. И. (2017). *Social Journalism: Profession and Position*. Moscow: ASI. 100 p.
24. Хейзинга, Й. (2011). *Homo Ludens: A Study of the Play-Element in Culture*. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing. 416 p. ISBN: 978-5-89059-168-5. EDN: https://elibrary.ru/QPUPXF
25. Хомский, Н., Херман, Э. С. (2002). *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. Moscow: Praksis Publishing. 406 p.
26. Benkler, Y., Faris, R., Roberts, H. (2018). *Network Propaganda: Manipulation, Disinformation, and Radicalization in American Politics*. New York: Oxford University Press. 462 p. DOI: https://doi.org/10.1093/oso/9780190923624.001.0001

27. Graham, G., Greenhill, A., Shaw, D., Vargo, C. J. (2016). *Content is King: News Media Management in the Digital Age*. London: Bloomsbury Publishing. 288 p.
28. Goffman, E. (1959). *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Anchor Books. 272 p.
29. Tuchman, G. (1978). *Making News: A Study in the Construction of Reality*. New York: Free Press. 244 p.
30. McCombs, M. (2004). *Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion*. Cambridge, UK: Polity Press. 184 p.
31. Entman, R. M. (2024). *Projections of Power: Framing News, Public Opinion, and U.S. Foreign Policy*. Chicago: University of Chicago Press. 229 p.
32. Gitlin, T. (2002). *Media Unlimited: How the Torrent of Images and Sounds Overwhelms Our Lives*. New York: Metropolitan Books. 264 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Витвинчук Владимир Валерьевич, доцент кафедры журналистики, медиа и рекламы, кандидат филологических наук, доцент
Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, г. Барнаул, Алтайский край, 656049, Российская Федерация
amon-ra17@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Vitvinchuk, Associate Professor at the Department of Journalism, Media and Advertising, Candidate of Philological Sciences, Docent
Altai State University
61, Lenin Ave., Barnaul, Altai Krai, 656049, Russian Federation
amon-ra17@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9485-8512

Поступила 04.08.2026
После рецензирования 06.09.2026
Принята 11.09.2026

Received 04.08.2026
Revised 06.09.2026
Accepted 11.09.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-3-365
УДК 78.05 (7.067)

Original article
EDN: MTNKJM

Сочинения красноярских композиторов для детей и юношества в учебной практике образовательных учреждений региона

В.Л. Бойко, С.Г. Чайкин
Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация

Музыка для детей и юношества является частью мировой и отечественной культурных традиций, формирование которых началось в XVIII веке и продолжается в настоящее время. Значительный вклад в развитие этих традиций вносят красноярские композиторы. Однако, учебно-педагогическая практика свидетельствует о недостаточном внимании к современному репертуару и, в частности, к творчеству красноярских композиторов. Сложившаяся ситуация позволила обозначить **проблему** исследования. В связи с этим определена **цель исследования** – представить панораму сочинений красноярских композиторов, написанных для детей и юношества и раскрыть их художественный и учебно-методический потенциал. Намеченная цель обусловила постановку **задач,** направленных на выявление общекультурного контекста современного музыкального образования, на раскрытие художественных достоинств сочинений композиторов региона и на необходимость расширения репертуара обучающихся.

Настоящая статья продолжает серию работ, в которых затрагивается проблематика, связанная с особенностями современного этапа музыкального образования, с интерпретацией творчества региональных авторов, с анализом композиций и их ролью в учебном процессе. В связи с этим **предметом** исследования стало творчество региональных композиторов, обращенное к детско-юношеской аудитории, а его **объектом** – система музыкального образования в Красноярском крае.

Авторы статьи руководствуются **методами,** основанными на принципах единства теории и практики, на использовании целостного и сравнительного анализа музыкальных произведений, на необходимости всестороннего рассмотрения изучаемого объекта. **Актуальность и новизна** исследования заключаются в демонстрации и

осмыслении современных образовательных процессов, связанных с красноярской композиторской и исполнительской школами.

Результаты исследования подтверждают эффективность творческого сотрудничества композиторов и специалистов, работающих в системе музыкального образования. Итог их совместной деятельности – организация и проведение фестивалей, конкурсов, концертов, программы которых посвящены творчеству красноярских композиторов.

Подобные мероприятия стимулируют творчество композиторов и профессиональный рост исполнителей, способствуют повышению интереса публики к современной музыке, а в целом – поддержанию и развитию музыкальной культуры региона.

Ключевые слова: музыка; дети; юношество; красноярские композиторы; музыкальное воспитание; музыкальное образование

Для цитирования. Бойко, В. Л., & Чайкин, С. Г. (2026). Сочинения красноярских композиторов для детей и юношества в учебной практике образовательных учреждений региона. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(3), 152-171. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-365

Compositions by Krasnoyarsk composers for children and youth in the learning practice of regional educational institutions

V.L. Boiko, S.G. Chaykin
Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

Music for children and young adults is part of the global and national cultural traditions, which began to take shape in the 18th century and continue to develop today. Krasnoyarsk composers have made significant contributions to these traditions. However, educational and pedagogical practices indicate a lack of attention to contemporary repertoire, particularly the works of Krasnoyarsk composers, which has led to the need for research. The **purpose** of this article is to show a panorama of the works of Krasnoyarsk composers for children and young adults, their artistic and educational potential. The goals outlined led to the formulation of **tasks** aimed at identifying the general cultural context of modern music education, revealing the artistic merits of the compositions of the region's composers and the need to expand the repertoire of students.

This article continues a series of works that address the issues related to the modern stage of music education, the interpretation of the works of regional authors, and the analysis of compositions and their role in the educational process.

In this regard, the **subject** of the study was the work of regional composers aimed at a children's and youth audience, and its **object** was the music education system in the Krasnoyarsk Territory.

The authors of the article are guided by **methods** based on the principles of the unity of theory and practice, the use of holistic and comparative analysis of musical works, and the need for a comprehensive study of the researching subject. The **relevance** and **novelty** of the study are the demonstration and interpretation of educational processes related to the Krasnoyarsk composer and performer schools.

The **results** of the research confirm the effectiveness of creative cooperation between composers and specialists working in the field of music education. The result of their joint efforts is the organization and holding of festivals, competitions and concerts, dedicated to the pieces of Krasnoyarsk's composers.

Such events help to increase public interest to contemporary music, promote the professional growth of performers, encourage composers to write works for children and young adults, and generally support and develop musical culture in the Krasnoyarsk Region.

Keywords: music; children; youth; Krasnoyarsk composers; musical upbringing; musical education

For citation. Boiko, V. L., & Chaykin, S. G. (2026). Compositions by Krasnoyarsk composers for children and youth in the learning practice of regional educational institutions. *Russian Studies in Culture and Society*, *10*(3), 152-171. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-365

Ситуация, сложившаяся в сфере образования в академическом музыкальном искусстве неоднозначна, она диктует необходимость широкого обсуждения вопросов о целях образования и его ценностях. Музыкальное образование, как составная часть культуры, призвано, с одной стороны – сохранить базовые, исторически сложившиеся и проверенные временем духовные ценности, а с другой - подготовить молодое поколение к восприятию новых идей. Важнейшим принципом государственной культурной политики провозглашено «создание условий для воспитания и развития детей на основе традиционных духовно-нравственных ценностей» (Указ Президента Российской Федерации от 25.01.23 №35).

Духовные потребности современного социума многообразны. Каждая культурная общность имеет свои приоритеты. В сфере музыкального искусства важнейшими являются вопросы: что мы слушаем и что исполняем? Анализ ситуации в этой области по-

казывает, что зачастую выбор делается не в пользу академической музыки. Такие неотъемлемые функции музыкального искусства, как ценностная, гносеологическая, эстетическая, коммуникативная уступили место функции, которую можно обозначить как фоновая, которая нивелирует все предыдущие.

Состояние современного академического музыкального образования свидетельствует об обесценивании эстетической и воспитательной роли музыкального искусства [2]. Сегодня главным критерием успешной педагогической работы становится пресловутое «здесь и сейчас»: выступления как собственные, так и учеников на многочисленных конкурсах, обязательное участие в том или ином очередном «проекте», написание и оформление нескончаемых отчетов и планов. Заформализованность учебного процесса приводит зачастую к замене качества работы ее количественными показателями. А между тем, главной целью системы обучения являются «культурные ценности, к которым в процессе образования и должен быть приобщен человек» [3, с. 37].

Обозначенная ситуация высвечивает проблему современного образования в широком смысле слова. Она связана со *смещением направленности образовательных векторов.* Отметим наиболее очевидные среди них.

Информационная перегруженность участников образовательного процесса, с одной стороны, и легкая доступность к информации благодаря использованию гаджетов, с другой, привели к феномену «короткой памяти», вследствие чего полученное знание исчезает также быстро, как и приобретается.

Вынужденная «конкурсомания» (участие в конкурсах поощряется бонусно-балльной системой и материальной заинтересованностью) обусловила определенное сужение репертуара, поскольку программы составляются в расчете на унифицированные требования.

Вследствие сказанного, авторы исследования поставили *цель* - представить творческие достижения красноярских композиторов в области музыки для детей и юношества, обосновать необходимость включения сочинений красноярских композиторов в программы музыкально-образовательных учреждений региона, а также раскрыть

индивидуальный творческий облик композиторов посредством анализа их произведений.

В связи с этим, внимание авторов исследования фокусируется на более целенаправленном, специализированном понимании проблематики, и оно направлено на решение следующих *задач:*

1) осмыслить положение региональной музыки в локальной ситуации музыкального образования;

2) обосновать необходимость усиления роли детско-юношеского репертуара красноярских композиторов в региональных образовательных учреждениях культуры и искусства;

3) провести методико-исполнительский анализ показательных в художественном отношении сочинений;

4) дать краткую характеристику творчеству композиторов, активно работающих в области детско-юношеского репертуара.

Решение поставленных задач опирается на систему базовых *методологических принципов* научного познания, основными из которых применительно к проблематике нашего исследования являются *принцип единства теории и практики*, *методы целостного и сравнительного анализа* произведений, а также *метод всестороннего рассмотрения* изучаемого объекта.

Творчеству красноярских композиторов посвящено немало материалов в виде монографических очерков, научно-методических и аналитических статей, публикаций в СМИ. Среди их авторов назовем такие имена, как И.В. Белоносова [1], В.В. Пономарев [14], а также Н.В. Перепич и Д.В. Соколовский [13]. Однако тематика исследований не затрагивает образовательного аспекта сочинений красноярских композиторов для детей и юношества.

Необходимость обратиться к содержательным образцам академического музыкального искусства для детско-юношеской аудитории, найти общий язык с современным поколением исполнителей и слушателей обусловили *актуальность* данной работы.

Новизна исследования заключается в демонстрации музыкального материала, не имеющего исполнительских и учебно-педагогических традиций, а также в предлагаемых методах работы с этим материалом.

Профессиональный интерес красноярских авторов к детско-юношеской тематике не случаен, он имеет свою предысторию. Так, в 1987 году в Красноярске был проведен Фестиваль музыки для детей и юношества (по инициативе Красноярской региональной организации Всероссийской общественной организации «Союз композиторов России»); на протяжении ряда лет организуются конкурсы на лучшее исполнение сочинений композиторов Красноярья среди учащихся ДМШ и ДШИ; детская тематика присутствует в ежегодных концертных программах «Красноярских премьер», где авторы представляют свои новые работы. В настоящее время Красноярским региональным отделением ВОО «Союз композиторов России» готовится к изданию сборник «Фортепианные сочинения Сибирских композиторов для детей и юношества». В него вошли ранее не публиковавшиеся пьесы: Ф. Веселков – Колыбельная. Наигрыш. Остинато; О. Меремкулов – Пять фортепианных зарисовок: «А вот и весна», «Воздушный танец бабочки», «Веселые обезьянки тоже танцуют», «Колыбельная», «Догони, попробуй!»; В. Лапицкий – Прелюдия. Basso-ostinato; В. Осин – Детская сюита для фортепиано: «Утро», «Обидели», «Игры во дворе», «Вальс в домашних тапочках», «Поставили в угол», «Марш игрушек»; В. Бешевли – 4 пьесы: «Шальные нотки», «Ленивка», «Изобретатель», «Сонатина-мультипликато»; О. Проститов – Саянский экзерсис; В. Пономарев – 4 салонных вальса; Э. Маркаич– Два ноктюрна; Е. Чихачев 4 детские пьесы;С. Пучинин – Маленькая прелюдия;О. Дюжина – Нет, не Скарлатти; А. Михель – Аврора (Утреннее солнце).

Кроме оригинальных авторских сочинений, репертуар пополняется переложениями и транскрипциями, созданными преподавателями профильных учебных заведений. Появляются нотные сборники, учебно-методические труды, проводятся творческие встречи, мастер-классы и т.п. Таким образом, расширяются рамки педагогической работы и образовательный процесс становится более творческим, что положительно сказывается на его результатах.

Создавая музыку для молодых исполнителей и слушателей, композиторы, при всем различии их индивидуального языка, руковод-

ствуются определенными критериями, общими для авторов разных эпох и культур. Это - яркая образность, лаконичность высказывания, опора на песенные или танцевальные ритмоинтонации. Важным качеством музыки для детей являются программность, тесная связь с той или иной жизненной ситуацией. Из отечественной классики ярчайшими примерами здесь могут служить в области вокальной музыки – цикл «Детская» М. Мусоргского, где показан детский мир глазами ребенка, «Три детские песни» С. Прокофьева, «Три истории для детей» и «Пять русских народных песен» И. Стравинского, из фортепианного репертуара назовем «Детский альбом» П. Чайковского, Детскую музыку С. Прокофьева соч.65, Фортепианные пьесы для детей и юношества Д. Кабалевского, «Альбом пьес для детей» Г. Свиридова, «Тетрадь для юношества» Р. Щедрина; фортепианные циклы для детей С. Слонимского, детская музыка С. Баневича, среди крупных сценических форм – симфоническую сказку «Петя и Волк» С. Прокофьева.

Красноярские авторы, опираясь на лучшие образцы мастеров прошлого, продолжают традиции своих предшественников. Именно *художественные достоинства* детской музыки красноярских композиторов позволяют включать современные композиции в программы учебных заведений.

Так, заслуживает внимания «Детский альбом скрипача» И. Флейшера, специально созданный для начинающих музыкантов. В названиях коротких пьес – «Муравейник», «Кузнечик и гусеница», «Гонки на велосипедах» – содержатся не только доступный ребенку художественный образ, но и «скрываются» упражнения на разные виды техники [11].

Не менее наглядно представлены образы в небольшом вокальном сочинении О. Проститова «Баллада о злой змее, воробье и доброй лягушке» (Пример 1).

Необычная подборка «действующих лиц», незамысловатый сюжет песни, использование простых, но выразительных музыкальных средств говорят о понимании композитором детской психологии и детского восприятия.

Пример 1. О. Проститов, «Баллада о злой змее, воробье и доброй лягушке»
Example 1. O. Prostitov, "Ballad of the Wicked Snake, the Sparrow, and the Kind Frog"

В репертуаре детских музыкальных школ пользуется популярностью «Полька» из «Детской сюиты» для фортепиано в 4 руки И. Юдина [19]. Композитор очень точно и лаконично передает характерные черты периода, «...когда "новый житель света" полностью открыт для восприятия окружающего мира» [12, с. 61]: мелодия игривого характера воспроизводит образ кувыркающегося или скачущего по лестнице вниз через ступеньку ребенка. Веселому характеру пьесы способствует также ансамблевое изложение, предполагающее живой «диалог» между партиями, «игру» между участниками действия.

Сложившаяся в России единая система музыкального образования – ДМШ(ДШИ) – ССУЗ – ВУЗ – ориентируется на *непрерывность и последовательность* обучения. И здесь трудно переоценить значение начального звена, в котором «огромную роль … играют первые преподаватели, они закладывают … фундамент, поэтому так важно, чтобы этот педагог был высокопрофессиональным» [17, с. 68]. Именно в этот период вырабатываются основы как общего музыкального развития, так и совершенствуются навыки профессиональных занятий

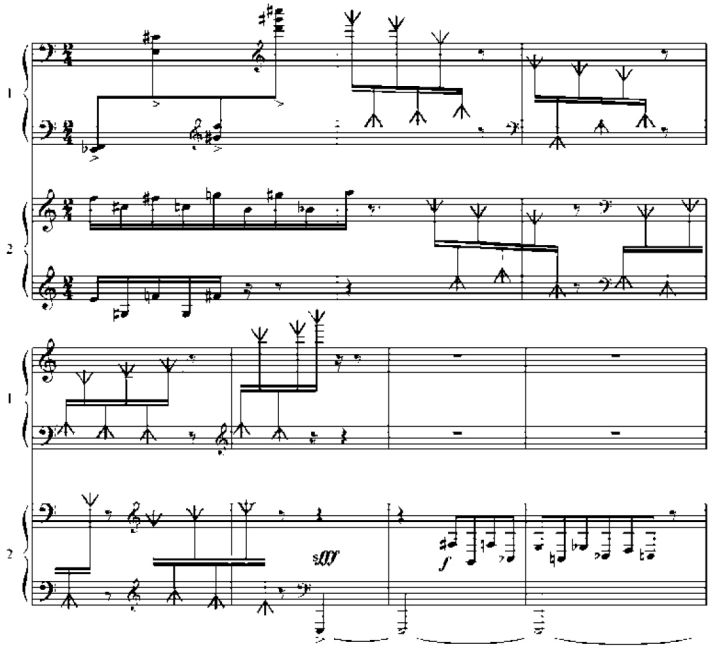
музыкой, создается база для дальнейшего обучения в профессиональных учебных заведениях культуры и искусства. На этом этапе важно приобщить обучающихся к классическим образцам музыкального искусства, ставших хрестоматийными, а также найти путь к пониманию музыки современных авторов, в частности, красноярских.

Как правило, учащиеся неплохо подготовлены к восприятию традиционной фиксации нотных знаков, однако современный музыкальный язык зачастую использует непривычную текстовую графику: «в нотных текстах современных композиторов исполнитель может не обнаружить никаких нотных и метроритмических символов. Вместо текста может быть картина звездного неба или чистый лист бумаги с типографскими помарками» [15, с. 32]. Знакомство с современным музыкальным языком, понимание стиля автора основывается на тесном профессиональном общении исполнителей с композиторами. Результатом подобного общения становится нередко корректировка первоначального замысла, учитывающая пожелания исполнителей. Примером исполнительского «редактирования» является Полифоническая сюита для двух фортепиано «Crazy canons» В. Пономарева.

Сочинениям В. Пономарева свойственны черты *неопрограммности* – в частности, визуализация нотного текста с использованием характерных волнообразных или ломаных линий, геометрических знаков, кластерных «пятен» и т.п. Исследователь и специалист по региональной музыке И.В. Белоносова пишет: «Прием введения специальных символов, раскрывающих смысл программного содержания, основан на особой записи нот на нотоносце» [1, с. 70]. Насыщенность хроматизмами придает этой пьесе невероятную экспрессию, а «… усиление визуальной составляющей нотного текста приближает его к разновидности рисунка» [там же]. Как правило, подобная запись нотного текста является следствием интереса автора к фонической, сонористической стороне общей звуковой картины (Пример 2).

Исполнителями сюиты был предложен вариант с обогащением темброво-колористической палитры посредством пальцевого струнно-щипкового способа звукоизвлечения и педальных эффектов, «расширяющих» акустическое пространство зала. Подобное

решение органично дополнило звуковую концепцию пьесы и было одобрено автором. Исполнители приобрели «…полномочия воссоздавать авторский замысел в новом контексте» [7, с. 170].

Пример 2. В. Пономарев, Полифоническая сюита
для 2-х фортепиано «Crazy canons»
Example 2. V. Ponomarev, Polyphonic Suite for Two Pianos, “Crazy Canons”

Данный пример – далеко не единственный, характеризующий процесс создания *интерпретации* произведения в момент творческого сотрудничества исполнителей с авторами музыки. Назовем среди них В. Примака, Скерцо которого в оригинале являлось частью Струнного квартета. Впоследствии композитор сделал авторскую редакцию для фортепианного ансамбля в четыре руки. Впоследствии в интерпретации красноярских исполнителей состав расширяется благодаря включению в него шумовых и звуковысотных ударных, которые удачно и оригинально вписались в партитуру пьесы.

Активно сотрудничает с исполнителями В. Лапицкий – автор целого ряда инструментальных миниатюр. В концертных программах звучали его избранные мазурки, пьесы для флейты и фортепиано, яркая концертная пьеса для фортепиано «Basso-ostinato» (Пример 3).

Пример 3. В. Лапицкий, Basso-ostinato
Example 3. V. Lapitsky, Basso-ostinato

Приведенные примеры показывают, что в зависимости от подготовленности, от способности воспринимать новое, каждый из исполнителей создает свою интерпретацию, которая понимается как «…страница жизни произведения, в связи с чем практически любая интерпретация получает право на существование» [16, с. 30].

Исполнительский и слушательский интерес вызывает творчество молодого композитора Е. Филатовой. Показателен ее фортепианный цикл «Пять посвящений русским композиторам. Пьесы для фортепиано». По словам Е. Филатовой, в своем опусе она ориентировалась на музыку Лядова, Метнера, Глазунова, Ребикова и Ляпунова [8,

с. 73]. Автор была вдохновлена «образами фортепианной миниатюры, широко представленной в творчестве русских композиторов» [там же]. В заключительной пьесе цикла, имеющей подзаголовок «Коляда» и посвященной С. Ляпунову *(С.М. Ляпунов – композитор, фольклорист, дирижер, педагог, пианист, которого М.А. Балакирев называл «царем фортепиано»* [9, с. 420]), передана картина нарастания колокольного перезвона от простой попевки до грандиозного звучания и вновь до звенящей тишины, здесь нашла отражение собственная практика Е. Филатовой в качестве звонаря (Примеры 4, 5).

Пример 4. Е. Филатова. «Коляда»
Example 4. E. Filatova. «Kolyada»

Пример 5. Е. Филатова. «Коляда»
Example 5. E. Filatova. «Kolyada»

Привлекают внимание также имена начинающих авторов Д. Кулаковой, А. Россининой, М. Дубовцева, чьи фортепианные, вокальные и хоровые сочинения все чаще звучат на концертной эстраде.

Нельзя оставить без внимания и тот факт, что Красноярский край – это не только обширная географическая территория Российской Федерации, но и место, где проживают многие национальности и народности, населяющие Россию. Поэтому закономерно, что мелодика и ритмы фольклора коренных народностей севера Красноярского края нашли отражение в творчестве большинства

красноярских композиторов: в пьесах для скрипки и фортепиано А. Михалева («Эвенкийский наигрыш», «Лирическая песнь»), В. Примака («Песнь Хотарэ», «Три пьесы для скрипки и фортепиано»); национальные мотивы народов Хакасии и Тувы звучат в фортепианных пьесах Т. Шалгиновой, О. Проститова(«Саянский экзерсис»), У. Хомушку, интерес к национальной тематике проявляли Ф. Веселков, В. Клепинин, И. Флейшер, В. Бешевли, В. Сенегин. Их сочинения присутствуют в программах концертов, посвященных творчеству композиторов Красноярья.

Ниже приводится список сочинений красноярских авторов, прозвучавших в концертных программах современной музыки для детей (посвященных Году семьи и 90-летию со дня образования Красноярского края - 2024).

16 октября 2024 г., г. Ачинск, зал ДМШ №1.
Ведущая концерта В.Л. Бойко.

1	О. Проститов Баллада о воробье, злой змее и доброй лягушке	Голос и фортепиано
2	Ф. Веселков Менуэт и прелюдия	фортепиано
3	Ф. Веселков Вальс	Скрипка и фортепиано
4	Ф. Веселков Жила была девчонка...	Голос и фортепиано
5	В. Лапицкий Деревенская мазурка	фортепиано
6	В. Лапицкий Бассо остинато	фортепиано
7	А.Михалев Лирическая песнь	Скрипка и фортепиано
8	М. Дубовцев Предчувствие весны	фортепиано
9	В. Примак Преамбула	Скрипка и фортепиано
10	Е. Филатова Коляда	фортепиано
11	В. Бешевли Память	фортепиано

21 октября 2024 г., г. Красноярск, СГИИ имени Дмитрия Хворостовского, Малый академический концертный зал. Ведущая концерта М. Кошелева

1	В. Лапицкий Ностальгия	Флейта и фортепиано
2	В. Лапицкий Бассо остинато	фортепиано
3	В. Пономарев 4 пьесы для скрипки и фортепиано	Скрипка и фортепиано
4	В. Пономарев Фуга из «Полифонической сюиты для 2-х фортепиано»	2 фортепиано
5	И. Флейшер Скерцо	Скрипка и фортепиано

6	Е. Филатова 3 пьесы из цикла «5 пьес посвящений русским композиторам»	фортепиано
7	О. Самарская Концертная миниатюра для домры и фортепиано	Домра и фортепиано
8	В. Примак Скерцо-шутка	В 4 руки Фортепиано (+свистульки и треугольник)

11 ноября 2024 г., г.Красноярск, СГИИ имени Дмитрия Хворостовского, Малый академический концертный зал. Ведущая концерта Н. Перепич

	В. Пороцкий Романс (переложение для скрипки и фортепиано)	Скрипка и фортепиано

18 ноября 2024 г., г. Красноярск, СГИИ имени Дмитрия Хворостовского, Малый академический концертный зал. Ведущая концерта М. Кошелева

1	О. Проститов Искусства спасительный свет	Вокальный ансамбль Bellissimo Красноярского колледжа искусств имени Иванова-Радкевича
2	О. Проститов 4 пьесы из цикла «Пасторали»	Флейта и фортепиано
3	О.Проститов Петрушка	фортепиано
4	Ф. Веселков Сказ	фортепиано
5	В. Пономарев 2 прелюдии	фортепиано
6	С. Федоров Лисий шаг	Скрипка и фортепиано
7	С. Пучинин Прелюдия	фортепиано
8	В. Бешевли Память	фортепиано
9	Д. Попова «Девушка пела в церковном хоре»	Вокальный ансамбль
10	А. Михалев Эвенкийский наигрыш	Скрипка и фортепиано
11	И. Флейшер Колобок. Хитрый лис. Золотая рыбка	Скрипка и фортепиано
12	Э. Маркаич Ноктюрн	фортепиано
13	И. Юдин Полька из « Детской сюиты»	Ансамбль в 4 руки фортепиано
14	В. Примак Скерцо	В 4 руки. Фортепиано (+свистульки и треугольник)

20 ноября 2024 г., г. Красноярск, зал ДШИ № 10, концерт «Музыкальные прогулки по Енисею». Ведущая концерта М. Кошелева

1	В. Пономарев 2 прелюдии	фортепиано
2	Ф. Веселков Менуэт и прелюдия	фортепиано
3	В. Лапицкий Бассо остинато	фортепиано

4	С. Федоров Лисий шаг	Скрипка и фортепиано
5	М. Дубовцев Предчувствие весны	фортепиано
6	А. Михалев Эвенкийский наигрыш	Скрипка и фортепиано
7	И. Флейшер Колобок. Хитрый лис.	Скрипка и фортепиано
8	В. Лапицкий Мазурка	фортепиано
9	И. Юдин Полька из « Детской сюиты»	Ансамбль в 4 руки, фортепиано

9 декабря 2024 г., г. Красноярск, СГИИ имени Дмитрия Хворостовского, Малый академический концертный зал. Ведущая концерта Н. Перепич

1	В. Пономарев 4 вальса	фортепиано
2	Ф.Веселков Жила-была девчонка	Голос и фортепиано
3	В. Лапицкий Трио	Скрипка, виолончель, фортепиано
4	Е.Чихачев Прелюдия ре бемоль мажор	фортепиано
5	Г. Фоминых 3 пьесы	фортепиано
6	Д. Кулакова По Сибири, по богатой... Летний вечер	Голос и фортепиано
7	Д. Кулакова Остинато	фортепиано
8	А.Россинина 2 песни	Вокальный ансамбль ДМШ № 5 «Созвучие»

Результаты исследования

1. Творчество красноярских композиторов открывает возможность приобщить юных музыкантов к современному искусству, а также расширить репертуар обучающихся [6]. Оно представляет собой, во-первых, художественную ценность, а во-вторых, прекрасный методический материал. Кроме того, это предмет для обсуждения на педагогических семинарах и «круглых столах». В пьесах красноярских авторов выявляется их индивидуальный творческий почерк, раскрывается богатый образный мир.

2. Анализ индивидуального стиля каждого композитора показывает, что, к примеру, характерной особенностью композиторского творчества *И. Флейшера* является ярко выраженная программность его сочинений. Она раскрывается посредством живой и естественной интонации, а также благодаряналичию заголовка к каждой пьесе: «Чайки над морем», «Игра воды», «Мерцающие звезды», «На велосипеде» и т.д. В произведениях для детей и юношества, вышедших из-под пера красноярского композитора *И. Юдина*, при-

сутствует легкий юмор, а чередование тональных эпизодов наряду с политональными придает музыке оригинальность. В названиях пьес присутствует авторский уточняющий контекст: «песня» - не просто песня, а «Ночная песня», менуэт назван «Менуэтом-шуткой», марш – «Маршем-гротеском». Творческий почерк *О. Простотова* отмечен романтическими чертами: это обращение к традиционным контрастным образам («добро-зло»), наличие повествовательно-иллюстративного элемента, богатая темброво-колористическая палитра фортепиано. В пьесах для скрипки и фортепиано «Лирический напев», «Эвенкийский наигрыш» *А. Михалева* используются интонации музыкальной культуры народов, проживающих на севере Красноярского края. Сочинения для детей и юношества занимают значительное место в композиторской практике *В. Примака*. Музыка к детским спектаклям, инструментальные пьесы отличаютсялаконичностью формы и, вместе с тем, емкостью музыкально-образного содержания, аиспользование мелодических напевов северных народностей придает его произведениям неповторимое своеобразие. В композиторских опусах *Э. Маркаича* ощущается преобладание импровизации над сочинением. Нотный текст лишен авторских указаний, относящихся к темпу или динамике, что предполагает определенную исполнительскую свободу.

3. Основой будущего музыкального искусства и инструментального исполнительства является «способность педагогов и музыкантов-исполнителей воспринимать …и проводить в жизнь идеи нового и новейшего времени …, осознавать себя проводниками нового, но не теряющими связи с музыкально-историческими традициями...» [1, с. 75].

Выводы

Авторы исследования:

1) указали на причины «сужения» репертуара в современной учебной практике региональных образовательных учреждений культуры и искусства;

2) подчеркнули актуальность изучения произведений красноярских композиторов, написанных для детей и юношества;

3) отметили, что представленная в статье панорама сочинений сибирских авторов позволяет раскрыть значительный образовательный потенциал музыкального искусства в регионе;

4) показали, что включение регионального композиторского наследия в образовательный процесс не только расширяет репертуарный круг, но и создает условия для более глубокого освоения современного музыкального языка, а также способствует осмыслению связи между традицией и новаторством в академическом музыкальном искусстве;

5) обобщили теоретический и эмпирический опыт работы с произведениями различных жанров и форм, свидетельствующий о том, что интеграция наследия композиторов Красноярья в образовательную среду в полной мере отражает «множество» явлений современной музыки» [10, с. 17].

Список литературы

1. Белоносова, И. В. (2016). *Камерно-инструментальная музыка сибирских композиторов: монография*. Красноярск: Красноярский государственный институт искусств. 160 с. EDN: https://elibrary.ru/XXLFOD.
2. Бойко, В. Л., Митасова, С. А., & Чайкин, С. Г. (2024). Материалы онлайн-семинара «Ансамблевая музыка как средство воспитания и коммуникации». *Russian Studies in Culture and Society*, *8*(4), 149–160. DOI: https://doi.org/10.12731/2576-9782-2024-8-4-267. EDN: https://elibrary.ru/IGDPDA.
3. Гессен, С. И. (1995). *Основы педагогики. Введение в прикладную философию* / Отв. ред. и сост. П. В. Алексеев. Москва: Школа-Пресс. 448 с.
4. Грушина, Е. Е. (2015). Камерно-инструментальная музыка: возрождение традиций и выход из кризиса. *Актуальные вопросы современной науки*. EDN: https://elibrary.ru/TUCENV.
5. Денисова, А. А., & Пирогова, С. В. (2025). От традиций к инновациям: обобщение педагогического опыта участников программы «Орлята России». *Современное образование и общество* (Modern Education and Society), *2*(2), 169–179. DOI: https://doi.org/10.33910/3034-4255-2025-2-2-169-179. EDN: https://elibrary.ru/ZUONGO.
6. Журова, Е. Б. (2010). Развитие ценностного отношения подростков к музыкальному искусство. *Педагогика искусства: электронный научный журнал*, (4). http://www.art-education.ru/AE-magazine/ (дата обр.: 09.08.2025). EDN: https://elibrary.ru/NCQWSX.
7. Красногорова, О. А. (2025). От интерпретации к тексту: Третья фортепианная соната Булеза как work in progress. *Музыкальная академия*, (4), 158–173. DOI: https://doi.org/10.34690/498. EDN: https://elibrary.ru/QNIGME

8. Литвинцева, Н. И. (2021). Знакомьтесь! Екатерина Филатова: «Пять посвящений русским композиторам. Пьесы для фортепиано». В кн.: *К юбилею кафедры камерного ансамбля и концертмейстерской подготовки Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского: сборник* (с. 73–80). Красноярск: Красноярский краевой научно-методический центр кадров культуры.
9. Ляпунова, А. С. (1961). Из истории творческих связей М. А. Балакирева и С. М. Ляпунова (по материалам переписки). В кн.: *Балакирев. Исследования и статьи* (с. 444). Ленинград.
10. Мельникова, Е. В. (2022). *«Музыка и слово»: новые формы взаимодействия в творчестве композиторов второй половины XX — начала XXI веков: специальность 17.00.02: автореферат диссертации ... канд. искусствоведения*. Екатеринбург. 27 с. EDN: https://elibrary.ru/BGIWTF.
11. *Музыка композиторов Сибири для детей. Вып. 2.* (2009). Красноярск. 84 с.
12. Николаев, Н. И., & Шестакова, Е. Ю. (2025). Сатира VII «О воспитании» А. Д. Кантемира в литературном дискурсе эпохи. *Мир русского слова*, (2), 57–63. EDN: https://elibrary.ru/DXQAPT.
13. Перепич, Н. В., & Соколовский, Д. В. (2023). Актуальные тенденции в творчестве красноярских композиторов (на примере V Сибирского фестиваля современной музыки). *Электронный научно-исследовательский журнал СГИИ им. Д. Хворостовского «ARTE»*, (1), 93–101. EDN: https://elibrary.ru/nzrilv
14. Пономарев, В. (2003). *Прелюдии* (изд. «Окарина»). Новосибирск. 48 с.
15. Смирнова, Н. М. (2022). Фортепианная музыка второй половины XX века: реалии современной интерпретации. В кн.: *Актуальные проблемы современного композиторского творчества: материалы V Всероссийской научной конференции, 28 ноября 2022 г.* (с. 32–38). Красноярск: СГИИ имени Д. Хворостовского.
16. Стогний, И. (2011). Модусы интертекстуальности в музыке. *Musicus*, (3-4), 28–33.
17. Ульянова, Р. А. (2025). Развитие интонационного мышления в воспитании музыкант: педагогический опыт Г. Р. Гинзбурга. *Актуальные проблемы высшего музыкального образования*, (4), 65–69. DOI: https://doi.org/10.26086/NK.2025.79.4.011. EDN: https://elibrary.ru/SGNNGW.
18. Чайкин, С. Г. (2021). Ансамблевое исполнительство как источник творческих идей (к юбилею кафедры камерного ансамбля и концертмейстерской подготовки). *Электронный научно-исследовательский журнал СГИИ им. Д. Хворостовского «ARTE»*, (4), 93–101. EDN: https://elibrary.ru/GIUMII.
19. Юдин, И. В. (2011). *Две сюиты для фортепиано в 4 руки*. Красноярск. 25 с.

References

1. Belonosova, I. V. (2016). *Chamber-instrumental music of Siberian composers* [Monograph]. Krasnoyarsk State Institute of Arts. 160 pp. https://elibrary.ru/XXLFOD

2. Boyko, V. L., Mitasova, S. A., & Chaikin, S. G. (2024). Materials of the online seminar "Ensemble music as a means of education and communication." *Russian Studies in Culture and Society, 8*(4), 149–160. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2024-8-4-267
3. Gessen, S. I. (1995). *Fundamentals of pedagogy: An introduction to applied philosophy* (P. V. Alekseev, Ed.). Shkola-Press. 448 pp.
4. Grushina, E. E. (2015). Chamber-instrumental music: The revival of traditions and a way out of the crisis. *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki*. https://elibrary.ru/TUCENV
5. Denisova, A. A., & Pirogova, S. V. (2025). From traditions to innovations: Summarizing the pedagogical experience of participants in the Orlyata Rossii program. *Modern Education and Society*, *2*(2), 169–179. https://doi.org/10.33910/3034-4255-2025-2-2-169-179
6. Zhurova, E. B. (2010). The development of adolescents' value-based attitude toward the art of music. *Pedagogika iskusstva: Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [The Pedagogy of Art: An electronic scholarly journal], (4). http://www.art-education.ru/AE-magazine/ (accessed August 9, 2025)
7. Krasnogorova, O. A. (2025). From interpretation to text: Boulez's Third Piano Sonata as a work in progress. Musical Academy, (4), 158–173. https://doi.org/10.34690/498
8. Litvintseva, N. I. (2021). Meet Ekaterina Filatova: "Five dedications to Russian composers. Piano pieces." In *To the anniversary of the Department of Chamber Ensemble and Piano Accompaniment of the Siberian State Institute of Arts named after Dmitri Hvorostovsky: A collection* (pp. 73–80). Krasnoyarsk Regional Research and Methodological Center for Cultural Personnel.
9. Lyapunova, A. S. (1961). From the history of the creative ties between M. A. Balakirev and S. M. Lyapunov (based on their correspondence). In *Balakirev: Research and articles* (p. 444). Leningrad.
10. Melnikova, E. V. (2022). *"Music and word": New forms of interaction in the works of composers of the second half of the 20th — early 21st centuries* [Candidate of Art Studies dissertation abstract, specialty 17.00.02]. Yekaterinburg. 27 pp. https://elibrary.ru/BGIWTF
11. *Music by Siberian composers for children: Issue 2*. (2009). Krasnoyarsk. 84 pp.
12. Nikolaev, N. I., & Shestakova, E. Yu. (2025). Kantemir's Satire VII "On Education" in the literary discourse of its era. *Mir russkogo slova* [The World of the Russian Word], (2), 57–63. https://elibrary.ru/DXQAPT
13. Perepich, N. V., & Sokolovsky, D. V. (2023). Current trends in the works of Krasnoyarsk composers (based on the example of the Fifth Siberian Festival of Contemporary Music). *ARTE Electronic Research Journal of the D. Hvorostovsky Siberian State Institute of Arts*, (1), 93–101. https://elibrary.ru/nzrilv
14. Ponomarev, V. (2003). *Preludes* ("Ocarina" edition). Novosibirsk. 48 pp.
15. Smirnova, N. M. (2022). Piano music of the second half of the 20th century: Realities of contemporary interpretation. In *Current problems of contemporary composer creativity: Proceedings of the Fifth All-Russian scholarly conference, November 28, 2022* (pp. 32–38). D. Hvorostovsky Siberian State Institute of Arts.

16. Stogniy, I. (2011). Modes of intertextuality in music. *Musicus*, (3–4), 28–33.
17. Ulyanova, R. A. (2025). The development of intonational thinking in the education of musicians: The pedagogical experience of G. R. Ginzburg. *Aktual'nye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniya* [Actual Problems of Higher Music Education], (4), 65–69. https://doi.org/10.26086/NK.2025.79.4.011
18. Chaikin, S. G. (2021). Ensemble performance as a source of creative ideas (on the anniversary of the Department of Chamber Ensemble and Piano Accompaniment). *ARTE Electronic Research Journal of the D. Hvorostovsky Siberian State Institute of Arts*, (4), 93–101. https://elibrary.ru/GIUMII
19. Yudin, I. V. (2011). *Two suites for piano four hands*. Krasnoyarsk. 25 pp.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Бойко Валентина Леонидовна, кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой камерного ансамбля и концертмейстерской подготовки
Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского
ул. Ленина, 22, г. Красноярск, 660049, Российская Федерация
bovalenti@yandex.ru

Чайкин Сергей Германович, кандидат искусствоведения, профессор
Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского
ул. Ленина, 22, г. Красноярск, 660049, Российская Федерация
sergey.chaykin@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Valentina L. Boiko, PhD, Professor, Chief of the Department Chamber Music
Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts
22, Lenin Str., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation
bovalenti@yandex.ru
SPIN-code: 4429-7223

Sergei G. Chaykin, Ph.D. in Art Criticism, Professor
Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts
22, Lenin Str., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation
sergey.chaykin@mail.ru

Поступила 04.05.2026
После рецензирования 10.06.2026
Принята 10.06.2026

Received 04.05.2026
Revised 10.06.2026
Accepted 10.06.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-3-347
УДК 111.85:72.01

Original article
EDN: ESJLIL

«Дух архитектуры» в концепции Джона Рёскина

В.Б. Краев
Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В философии архитектуры британского теоретика Джона Рёскина (1819-1900) можно выделить такое направление рефлексии как идея «духа архитектуры». В статье уделяется внимание роли Рёскина в формировании новых подходов в интерпретации архитектуры, соответствующей эстетики, в рамках которой продолжалось осмысление концептуальных оснований архитектурного пространства. Для обобщения взглядов Рёскина используются некоторые положения этики и эстетики, позволяющие рассматривать идею «духа архитектуры» как возможность соотношения символизации и эстетизации реальности. Глубокое понимание многослойности архитектуры, как установлено в статье, невозможно без обращения к «духу архитектуры», отражающему одновременно преломление добродетелей и поиска духовного универсума в архитектурном пространстве. Для этого Рёскин использует образы семи светочей. Обращение к ним как к онтологическим основаниям концептуализации «духа архитектуры» способствует построению онтологии архитектуры Рёскина, которая в сочетании с теорией архитектуры и теорией искусства позволяла рассматривать ценностно-смысловую природу развития архитектуры. Такой исследовательский ракурс не только выводит идею Рёскина на междисциплинарный уровень, но позволяет вести речь о формировании и развитии своеобразного языка архитектуры, а также появлении новых символических интерпретаций архитектурного пространства, в частности, отражающих поиск гармонии природного начала и природы человека.

Цель. В статье ставится цель выявить основные направления концептуализации идеи «духа архитектуры» в творчестве Джона Рёскина.

Методология. Ключевым методологическим подходом в исследовании является подход, сформированный в русле философии искусства (В.Ф. Шеллинг, И. Тэн, Т. Адорно).

Результаты. В статье предложена авторская трактовка идеи «духа архитектуры» Рёскина с учетом концептуализации «духа архитектуры» самим Рёскином.

Новым результатом при этом является выход на уровень онтологии архитектуры, позволяющий представить «дух архитектуры» как универсум человеческого бытия, транслируемый в архитектурном пространстве. Для получения данного результата были использованы важнейшие приемы философии архитектуры в концептуализации Рёскина – символизация и эстетизация реальности. Оба этих приема соединяют воедино строгие архитектурно-конструктивные решения в архитектуре и ее «одушевление» в представлениях человека. Таким образом, статья позволяет представить концепцию Джона Рёскина как самобытный подход, нивелирующий устоявшиеся стереотипы в восприятии и трактовках архитектурного пространства.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы в развитии новых онтологий в современной философии искусства и философии архитектуры.

Ключевые слова: Джон Рёскин; готичность; архитектура; «дух архитектуры»; эстетика; символизация реальности; эстетизация реальности

Для цитирования. Краев, В. Б. (2026). «Дух архитектуры» в концепции Джона Рёскина. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(3), 172-198. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-347

“The spirit of architecture” in John Ruskin’s concept

V.B. Kraev
Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract

Background. In the philosophy of architecture by the British theorist John Ruskin (1819-1900), one can identify a specific direction of reflection – the idea of the “spirit of architecture.” The article focuses on Ruskin’s role in shaping new approaches to interpreting architecture, which were consistent with the aesthetics that continued to explore the conceptual foundations of architectural space. To summarize Ruskin’s views, certain provisions of ethics and aesthetics are used, which make it possible to view the idea of the “spirit of architecture” as a possibility of correlating the symbolization and aestheticization of reality. A deep understanding of the multi-layered nature of architecture, as established in the article, is impossible without referring to the “spirit of architecture,” which simultaneously reflects the refraction of virtues and the search for a spiritual universe within architectural space. To this end, Ruskin uses the images of the seven luminaries. Referring to them as ontological foundations for conceptualizing the “spirit of architecture” contributes to the construction of Ruskin’s ontology of architecture, which, combined with the theory of architecture and the theory of art, made it possible to examine the value-semantic nature of the development of architecture. This research perspective

not only elevates Ruskin's idea to an interdisciplinary level but also makes it possible to discuss the formation and development of a unique architectural language, as well as the emergence of new symbolic interpretations of architectural space – in particular, those reflecting the search for harmony between the natural world and human nature.

Purpose. The article aims to identify the main directions in the conceptualization of the idea of the "spirit of architecture" in the work of John Ruskin.

Methodology. The key methodological approach in the study is the approach developed within the framework of the philosophy of art (W.F. Schelling, I. Taine, T. Adorno).

Results. The article offers an author's interpretation of Ruskin's idea of the "spirit of architecture," taking into account Ruskin's own conceptualization of the "spirit of architecture." The new result is the emergence of a new level – the ontology of architecture – which makes it possible to present the "spirit of architecture" as a universe of human existence, transmitted in architectural space. To achieve this result, the most important techniques of the philosophy of architecture in Ruskin's conceptualization were used – the symbolization and aestheticization of reality. Both of these techniques combine strict architectural and structural solutions in architecture with its "animation" in people's perceptions. Thus, the article allows us to present John Ruskin's concept as a distinctive approach that challenges established stereotypes in the perception and interpretation of architectural space.

Practical implications. The obtained results can be used in the development of new ontologies in modern philosophy of art and philosophy of architecture.

Keywords: John Ruskin; Gothicism; architecture; "the spirit of architecture"; aesthetics; symbolization of reality; aestheticization of reality

For citation. Kraev, V. B. (2026). "The spirit of architecture" in John Ruskin's concept. *Russian Studies in Culture and Society*, *10*(3), 172-198. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-347

Введение

Джон Рёскин (1819-1900) известен своими глубокими размышлениями об искусстве и, как известно, особое внимание уделял архитектуре. В свое время античный классик Витрувий в своих «Десяти книгах об архитектуре» ставил на одну ступень архитектуру и философию, полагая, что они позволяют раскрыть природу вещей: первая – посредством структурирования пространства как в случае с архитектором, решающим вопрос о напоре воды и изменении русла при возведении здания, вторая – как взгляд свысока на пространство, отражающее соотношение бытия и небытия [2, с. 22]. Спустя много лет Рёскин выпустит свой самый известный трактат «Семь светочей

архитектуры», в котором не только смысловыми перекличками с Витрувием, но и с онтологией, представит свою концепцию «духа архитектуры». Такой подход серьезно изменял расстановку сил в кругах теоретиков искусства, равно как и самих архитекторов: если до Рёскина модерн оценивался с точки зрения поиска новых форм, красок и стилевых решений в архитектуре [25, p. 78], то Рёскин предложил обратить внимание на «внутренний мир» архитектуры, ее душу. Его ракурс некоторым образом совпадал с положениями эстетики Возрождения и, пожалуй, одним из основных для нее, получившим название принципа готической эстетики, как об этом писал А.Ф. Лосев: «Готическая эстетика – теория аффективного взлета личности с превращением уравновешенного и устойчиво организованного камня в невесомую духовность умозрительных вертикалей (в первоисточнике выделено жирным шрифтом. – *В.К.*)» [3, с. 518]. Рёскин вёл свой поиск оснований «невесомой духовности», но уже в границах романтической эстетики. Конечно, вряд ли архитектурную готику, на которой было сосредоточено внимание Рёскина, можно отнести к стилю, отражающему «невесомую духовность», вместе с тем британскому мыслителю все же удалось, как мне представляется, поколебать некоторые стереотипные взгляды относительно данного явления. Он по большей части рассуждал скорее всего о готичности как соотношении «устойчиво организованного камня» и «духа архитектуры». Это бесспорно усложняло задачу Рёскина – ему приходилось своеобразно балансировать на границах философии и религиоведения (например, средневековой схоластики), но в то же время не уходить за пределы архитектуры, которая по своей сути требует четкости и тяжеловесности форм, а к «невесомой духовности умозрительных вертикалей» только стремится.

Понятие готичности Рёскин не рассматривал как ключевое в своих работах, оно появляется не так часто на страницах многочисленных произведений; однажды слово готичность (Gothicness) у него встречается в «Двух путях», когда он описывает, как средневековый архитектор, увидев составленный его коллегой план предстоящего возведения средневекового храма в одной из отдаленных

провинций Италии, восклицает: «Это разве готика? Вовсе нет, здесь скорее готичность как дух архитектуры!» (Is this Gothic? Not at all, it's more Gothicness here, like the spirit of architecture!) (транс. с итал. на англ. – *В.К.*) [21, p. 91]. Еще один пример можно обнаружить в «Камнях Венеции»: здесь «готичность» понимается как оценка целостности готики [6, с. 144]. Я могу предположить, что в русскоязычных переводах книг Рёскина, возможно, смысловое неразличение Gothic и Gothicness могло встречаться, однако не стану делать это предметом рефлексии в настоящей статье. Между тем рассуждения Рёскина о готике в архитектуре все же выходят за рамки стилевой характеристики – сам он редко идентифицирует готику как стиль, скорее это происходит тогда, когда Рёскину приходится пояснять различия в структуре пространства, «занятого конкретным зданием», и преломлением в нем духа. В любом случае представляется, что готичность – это нечто большее, чем стиль в архитектуре. Я не стану философствовать на этот счет, хотя, казалось бы, рассматриваемая тема к этому вполне располагает; точкой отсчета соответствующих рассуждений может стать, например, статья Е.А. Попова [4]. Думаем, что здесь важна иная цель – показать, каким образом в концепции Джона Рёскина «дух архитектуры» приобретает черты самобытной эстетики, оказавшей влияние на восприятие формы и содержания произведений архитектурного искусства. При этом отражение «духа архитектуры» может восприниматься как основополагающий принцип эстетики Рёскина.

Для анализа мы вслед за самим британским автором обратимся к произведениям архитектуры, таким, например, как Собор в Бове (XIII в.), Церковь Сент Уэн в Руане (XIV-XVI вв.), Собор Санта Мария дель Фьоре во Флоренции (XII-XIV вв.), Мужской монастырь в Кане (1064-1077 гг.) и другим, к которым неоднократно в своих работах апеллировал Рёскин [см.: 9, и др.]. При этом мы не станем здесь приводить изображения этих произведений искусства, поскольку они хорошо известны, а книги Рёскина содержат соответствующие иллюстрации. Их исследование будет осуществлено с применением интерпретативной методики Джона Бельчера, пред-

лагавшего рассматривать архитектурное пространство как символическое пространство, наполненное многослойностью смыслов, отражающее символизацию реальности; при этом автор данной методики использует понятие «смысловые зоны» (semantic zones), в которых «дух архитектуры» может соотносится с истиной, красотой, силой и т.д. [12, p. 112-114]. Здесь уместно вспомнить «светочи архитектуры» Рёскина – «Жертва, Истина, Сила, Красота, Жизнь, Память, Повиновение» [9]. И хотя у Бельчера прямой отсылки к Рёскину мы не находим в описании его методики, предложенный им исследовательский прием можно считать эвристически значимым для научного поиска. Примечательно, что Бельчер идентифицирует свою методику как онтологическую, отчасти обосновывая ее соответствующей философской традицией, например, герменевтической. Как нам представляется, в «переходе» на поле философского знания стоит придерживаться той точки зрения, что символизация реальности в архитектуре выражается прежде всего через символический язык, о чем Рёскин неоднократно говорил на страницах своих работ.

Центральным звеном нашего исследования является идея «духа архитектуры» Рёскина; на онтологическом уровне рефлексии «дух архитектуры» в концептуализации самого Рёскина предстает как *универсум* человеческого коллективного и индивидуального бытия, основанный на соотношении прочности архитектурного творения и духовного мира человека, если в нем преломляются добродетели (любовь, дружба, терпимость и др.), о чем Рёскин, в частности, пишет в «Этике пыли» и других своих трактатах. В нашей же авторской концептуализации «дух архитектуры» может быть рассмотрен как основание «новых онтологий» современной архитектуры, однако это должно стать целью другого исследования. Вместе с тем, используя приемы эстетизации и символизации реальности, мы можем раскрыть многослойность смыслов «духа архитектуры», например, через призму готичности, отражающей двоемирие как сочетание условного (мирского) и реального (божественного), и т.д. Таким образом, «дух архитектуры» Рёскина – это *универсум*. Понимание такого универсума возможно с точки зрения феноменологии (отчасти мы в статье будем

обращаться к такой позиции) или на уровне этической и эстетической рефлексии, что также находится в поле нашего исследовательского направления. Кроме того, стоит подчеркнуть, что «дух» по аналогии с Духом Гегеля как «центром» абсолюта, концептуализируется Рёскином как отражение истинной гармонии условного и реального начал в бытии – именно «дух» способен передать такую гармонию, никакой другой феномен или процесс вряд ли в полной мере будет соответствовать сложной онтологической задаче.

В начале статьи мы акцентируем внимание на границах смыслов языка архитектуры, имея в виду его соотношение с символизацией и эстетизацией реальности. Далее необходимо проанализировать ключевые положения эстетики, нашедшие применение в концептуализации «духа архитектуры» Рёскина. Наконец, в заключительной части статьи мы обратимся к «онтологизации» природного начала в построении Рёскина.

Новизна нашего исследования заключается в том, что мы рассматриваем концептуализацию «духа архитектуры» Рёскина в онтологическом ключе, при этом обосновываем точку зрения, согласно которой в работах британского теоретика просматриваются контуры феноменологии архитектуры, мы же в своей реконструкции акцент делаем именно на выделении *универсумности* в его подходе и даем трактовку «духа архитектуры» именно как универсума человеческого бытия в феноменологическом смысле. Таким образом, позиция Рёскина и наш исследовательский поиск соотносятся в пространстве онтологической рефлексии, которая практически не проявляется в современных отечественных и зарубежных работах.

Границы смыслов языка архитектуры

В вышедшем в свет в 1866 году трактате «Этика пыли», построенном по примеру античных платоновских диалогов, Рёскин, вероятно, был близок всего к пониманию готичности в архитектуре. Приведем диалог Мэри и Профессора, в образе которого угадывается сам Рёскин:

«*Мэри.* Как же вам не стыдно видеть такие сны после всего того, что вы нам рассказывали о готической архитектуре!

Профессор. Если бы вы поняли что-нибудь из того, что я говорил вам о ней, вы бы узнали, что ни одна архитектура не была так страшно искажена, не была так справедливо заброшена вследствие того, что довела свое безумие до крайности. При этом даже в дни своего процветания она подвергалась подобного рода катастрофам. Я слишком часто с грустью останавливался перед обломками сводов в Бове, чтобы это никак не повлияло на меня. Без сомнения, вы заметили также, что эти духи были из "блестящей" школы или, во всяком случае, из германской, сходной с ней по сумасбродству» [10, с. 120].

Не случайно Рёскин употребил в названии своего трактата слово пыль, оно будет встречаться и в некоторых его других работах, когда речь заходит об архитектуре. Так, например, он пишет: «Представьте себе, чем была бы теперь Европа, если б дивные статуи и храмы греков, широкие дороги и массивные стены римлян, если б благородная и трогательная архитектура Средних веков не были превращены в пыль человеческой злобой и яростью» [8, с. 65]. Образ пыли – это своего рода саван для архитектуры, но не от ее забвения в человеческой памяти, а от искажения смыслов, которое чаще всего происходило по поводу архитектуры. И поэтому готика, по выражению Рёскина, превращалась в «пыль эпох» (the dust of the ages) [21, p. 156], становилась ущербной или, наоборот, богатой [6, с. 296], в ней присутствовал «некоторый неизбежный обман» [9, с. 88] и т.д. Ее оценки со стороны британского мыслителя разнятся, он объясняет это «несовпадением формы и содержания». По этому поводу он, например, отмечает следующее: «Колонны и нервюры напоминают стволы и ветви дерева, что дало почву довольно нелепым рассуждениям и неизбежно внушает наблюдателю мысль о соответствующей внутренней структуре, то есть о непрерывности волокон, переходящих из корней в ветви, и об упругой силе, направленной вверх. То, что на самом деле своды с огромной силой давят на тонкие составные нервюры, стремясь обрушить или разорвать их и выдавить наружу, воспринимается с трудом…» [9, с. 88].

Но вернемся к диалогу Мэри и Профессора, приведенному выше. «Искажение» архитектуры с точки зрения Рёскина предопределено

двумя обстоятельствами: во-первых, множественностью ее трактовок в зависимости от того, какой школы и какого творческого подхода придерживается интерпретатор (например, умеет ли он разделять «ущербную» и «богатую» готику), но также и тем, что для готики характерно повышенное внимание к форме со стороны архитекторов и строителей, а содержание и смыслы, с этой формой (не)согласующиеся, не имеют для них первостепенного значения. При этом именно во втором случае, когда готика часто сводится к устремленным ввысь формам, происходит утрата внимания к тому, что происходит здесь, на земле, среди людей, «задирающих головы вверх, чтобы лицезреть эти готические шпили, упершиеся в облака» [24, p. 49]. Как раз в этой связи использование понятия готичности способно «переключить» смыслы с традиционного спора о форме и содержании в архитектуре на границы эстетики и связанной с ней символизацией реальности. Именно это понятие, как полагает Тимоти Чэндлер, дает «истинное ощущение взметнувшегося над обыденной юдолью духа архитектуры, перемещая внимание с углов, квадратов, фундаментов и шпилей на того, кто станет рядом с замком или храмом и задастся целью постичь их сущность» [14].

Между тем Александр Раппапорт в анализе «Семи светочей архитектуры» Рёскина верно подметил, что британский теоретик «предупреждает читателя, что данные принципы (светочи. – *В.К.*) характеризуют не конкретную историческую готику, а некую “готичность” (Gothicness), которую не нужно отождествлять с готикой. Ибо опять-таки готика – это прошлое, в то время как готичность – это, с точки зрения Рёскина, идеальное будущее архитектуры. Вот эти принципы: Грубость, Непостоянство, Гротескность, Натуральность…» [5, с. 14]. Обращение к готичности расширяет диапазон эстетической рефлексии архитектуры. Автор цитаты точно уловил необходимость поиска новых объяснительных моделей для понимания многослойного языка архитектуры и ее онтологии. По крайней мере Рёскин неоднократно подтверждал, что важно увидеть и самого человека «рядом с духом архитектуры» [21, p. 117], а кроме того, предположу: в его понимании готичность – это свидетельство тому, как архитектура становится

«живой и интенсивной в своем воодушевлении» [9, с. 252]. По сути, Рёскин развертывает язык архитектуры в его эстетическом смысле.

Итак, что же характерно для концепции «духа архитектуры» Рёскина? Прежде отметим вслед за Рёскином, что в языке архитектуры и ее онтологии всегда преобладал «сам дух предмета» [7, с. 225]. По мнению Катерины Велер, «Рёскин всё время балансировал на границах этики, эстетики, но в конечном счете ему важно было изменить саму суть онтологии архитектуры, преодолев ее стереотипные объяснительные модели, складывавшиеся веками» [23, p. 98]. Вероятно, исследователь имела в виду объяснительные модели для современной архитектуры, которые основывались, например, на т.н. «плоских онтологиях», когда язык архитектуры преломлялся в расподобленных формах, не понятных и не понятых до конца субъектом. Только Другому могла покориться смысловая канва «плоских онтологий» [19, p. 66-67]. Всё шло к тому, что Рёскин выработал свой собственный эстетический ракурс в оценках архитектуры, когда нужно было «переключиться» не с формы на содержание, а по сути, показать, как архитектурное пространство (пере)структурировалось, подчиняясь принципу символизации реальности. Этот прием позволял вести речь о «духе архитектуры».

Границы смыслов в архитектуре важны для понимания ее философии, но нужно при этом иметь в виду необходимость разграничения архитектуры и строительства. Самым явным принципом такой дифференциации можно считать следование утилитаристским потребностям человека: очевидно, что для строительства характерны иные, чем для архитектуры, задачи – именно утилитаристские (создание комфорта, вписанность в облик города или сельского поселения и др.). Архитектура же, являясь видом искусства, создает соответствующие образы, а также формирует эстетическое отношение – феноменологию переживания бытия посредством прекрасного как одного из начал бытия. С учетом этого замечания идея «духа архитектуры» Рёскина предстает как онтология архитектуры, а не строительства.

Таким образом, границы смыслов языка архитектуры в концепции Рёскина определяются эстетическим ракурсом в осмыслении

архитектурного пространства. Если в рецепции архитектуры Рёскин придерживается классических образцов, опираясь, например, на «камни Венеции», оценку пропорций стрельчатой арки, которые можно изменять до бесконечности [6, с. 151] и т.д., то готичность для него выступает как «онтология» архитектуры, опосредованная не конкретными средствами архитектурных решений, а ее «духом».

Эстетика Рёскина и «дух» архитектуры

Эстетическое описание «духа архитектуры» прослеживается во всех известных работах Рёскина, но, конечно, особенное место ему отведено в «Камнях Венеции» (1849). Здесь ее автор в разделе «Сущность готики» сформулировал основные принципы готичности или «духа архитектуры» прежде всего в их эстетической трактовке [6]. Центральные линии его эстетики базируются на трех основаниях – эстетической выразительности, символизации реальности и структурировании пространства в архитектурных произведениях. При этом, как мне представляется, Рёскин в осмыслении «духа архитектуры» как будто бы плавно перемещается от одного основания к другому, четко разделяя их, но начинает, правда, со структурирования пространства.

Структурирование пространства. Почему именно этой эстетической линии мыслитель уделяет первостепенное внимание? Вероятно, для него оно ценно с точки зрения сохранения смысловых границ готичности как онтологии архитектуры; по словам Рёскина: «…есть общее понимание, что Вестминстерское аббатство – это готическое здание, а собор Св. Павла – нет, что Страсбургский собор – это готика, а собор Св. Петра – нет, но при этом нет ясного представления, благодаря наличию или отсутствию каких элементов в каждом из этих зданий мы можем с уверенностью причислить их к готическим или другим» [6, с. 144]. Так или иначе, архитектурные сооружения распластываются им на элементы пространства, которые Рёскин называет «веяниями готического духа» и на примере одной из церквей во Франции показывает, к примеру, что «саркофаг опирается на своего рода трехлопастные арки; базы колонн по-прежнему имеют выступы; все надгробие перекрыто фронтоном, украшенным крокетами и

пинаклями» [6, с. 322]. Каждый из этих элементов структурирован по отношению к сторонам света, преломлению солнечных лучей, соотношению подземной и надземной частей, панорамы и горизонта и т.д. Это так называемые «смысловые зоны», которые могут быть соотнесены с отвлеченными свойствами бытия: стороны света с силой духа, игра солнечных лучей – с жизнью («живая готика») и другое. Важно и то, что Рёскин наделяет субъекта способностью постичь эту архитектурную реальность и выработать свою объяснительную модель для не искажающего ее восприятия. Таким образом, субъекту отводится свое положенное место в структурировании пространства, что кажется вполне резонным, поскольку «дух архитектуры» может быть «переживаем» реципиентом (субъектом). На этот счет, Рёскин, в частности, полагает следующее: «Сила любви к растительному миру строго пропорциональна мощи готического духа: в южной готике отдается предпочтение округлым листьям, в северной – заостренным» [6, с. 177]. Пропорции пространства и «дух архитектуры» в конечном итоге совпадают в одном значимом эстетическом принципе – эстетизации пространства. По мнению Л. Спайброка, «мы как будто наблюдаем расслоение пространства в архитектуре, но в то же время его консолидацию за счет не формы, а вчувствований и переживаний бытия, что напоминает вовсе не конструктивный, а исключительно эстетический прием» [22, p. 90]. Если рассматривать такой прием в соборах, например, Соборе в Бове, то можно увидеть, как каменные линии вбирают солнечный свет, передавая атмосферу вдумчивого (пере)осмысления исторического прошлого, отраженного в стенах собора. Примерно так же проявляется указанный эстетический прием в мужском монастыре в Кане: камни как будто раздвигают пространство – они увеличивают объем и в то же время передают силу и мощь, которые увлекают человека ввысь к Богу; ищущий этот путь находит его в камне. Столь примечательный прием вслед за Рёскином изучил Т. Чандлер, посчитав его основным для усиления «духа архитектуры» в части структурирования архитектурного пространства: «монастырь в Кане представляется как случай множественного расслоения пространства на элементы;

каждый слой есть онтологическое основание – путь к природе, к Богу, устремленный в космос и т.д. В камне важна консолидация, как и в самом человеке, переживающем бытие…» [14]. Любопытный анализ структурирования пространства приведен и самим Рёскином, описывающим как «замирает мир» в северном портале в Руане, профили которого видоизменяют восприятие пространства и создают множественность иллюзий и смыслов [9, с. 115].

Для Рёскина в структурировании пространства в ракурсе эстетики важно было придерживаться по крайней мере двух основных положений: (1) пространство видоизменяет восприятие человека, что оказывает влияние на его отношение к архитектуре: оно становится целостным, а не фрагментарным; целостность – это один из ключевых приемов эстетики Рёскина, а ее достижению способствует (пере)структурирование пространства архитектуры; (2) пространство «онтологизируется» – в нем эстетизация реальности отражает искания человеком прочных оснований бытия; «дух архитектуры» проявляется в том, как классические в общем-то способы структурирования пространства могут получить совершенное иную интерпретацию, которая между тем является следствием переживания бытия, восприятия целостности архитектурной реальности.

Символизация реальности. В философии архитектуры и эстетике Рёскина «дух архитектуры» невозможно осмыслить без акцента на символизации реальности. Мыслитель видит в орбите готичности сразу несколько ключевых символов, отождествленных с восприятием готики субъектом (зрителем). Так, например, Рескин пишет: «нас ожидает интереснейший поиск — поиск следов серого, мглистого, устремленного ввысь готического *духа* внутри нас; нам предстоит понять, почему он находит отклик в наших сердцах…» (курсив наш. – *В.К.*) [6, с. 144]. Главным символом готики является *дух*, в феноменологическом смысле отраженный в переживании бытия, но в эстетическом – как субъективный опыт постижения реальности, например, эстетических качеств. Рёскин к таковым относит «1) суровость, 2) изменчивость, 3) натурализм, 4) гротескность, 5) ригидность, 6) избыточность» [6, с. 145]. Если соотнести названные

эстетические качества с конкретными символами и при этом экстраполировать их на известные архитектурные произведения искусства, то следует учитывать, как это верно подметил Г.В. Аникин, что в «архитектуре внешние формы надо видеть в единстве с внутренними ценностями» [1, с. 21]. Тогда перед нами способен проявиться архитектурный *дух*. Возьмем, к примеру, такое эстетическое качество как гротескность. По мнению Люси Хартли, оно символизирует собой «наивысшую степень сомнений субъекта в чем-либо, а потому гротескность в архитектуре вызывает в нем одновременно и иронию, и страх – в смешении чувств человек способен оценивать реальность неоднозначно» [16, p. 89]. Если взять для иллюстрации гротескности Собор Торчелло, о котором пишет Рёскин [6, с. 161], мы можем убедиться в том, что изображение пожара на фресках Собора проявляется двояко: с одной стороны, огонь охватывает все вокруг и устрашает людей, но с другой стороны, автор фресок как будто бы намеренно уводит пострадавших в сторону и на их лицах можно заметить вовсе не ужас, а смех. В этом сюжете представлено соотношение слабости и силы человека, а готическая архитектура эти качества только абсолютизирует, возводит их в ранг эстетических и символизирующих единство внешних форм и «внутренних ценностей». К слову сказать, и другие эстетические качества соотносятся с символами, в которых преломляются сильные и слабые стороны в повседневной жизни человека. Метафорически Рёскин описывает это следующим образом: «Тут маленькие готические духи несколько раз перекувырнулись от радости и исподтишка поспешили показать друг другу язык» [10, с. 118], имея в виду, что готика может «скрывать» от зрителя свои эстетические качества, но все же по большей части она, напротив, их раскрывает.

Символизация реальности, как ее представляет Рёскин, способна проявить «дух архитектуры», по-видимому, даже объективировать его в том или ином виде. Только на первый взгляд может показаться, что британский теоретик придерживается сугубо иносказательной его интерпретации. При всем том, что, действительно, «дух архитектуры» предстает как отвлеченная характеристика архитектурной

реальности, в ней отражаются свойства, позволяющие ее идентифицировать. Прежде всего, для «духа архитектуры» характерно стремление к интенциональности, выходу за рамки строгой архитектурной формы и его уникального языка. Символами обновления становится путь к божественному, вселенскому, природному, истинной гармонии бытия, а не только «стрельчатые своды» и т.д. [6, с. 151]. Их новизна заключается, по Рёскину, в миллионах вариаций. При этом элементы архитектурного пространства могли символизировать гармонию душевного и телесного, мистического и рационального, витального и танатального, а «дух архитектуры» схватывал эти смыслы, не давал им прирасти дополнительными не свойственными архитектуре коннотациями, такими, например, как вещность (вещизм), модуляции/модальности и т.д. Объективируют «дух архитектуры» и ее эстетические качества, о которых речь шла выше; к этому следует добавить сопряженность символизации и эстетизации реальности. На этот счет некоторые авторы склонны полагать, что Рёскин, описывая «дух архтитектуры», сочетает в готичности, его выражающей, смыслы меняющихся эпох и пространств (*символизация*), но также и целостность, обновление и украшение архитектурных произведений (*эстетизация*) [11; 15].

Важно отметить, что для выделения самостоятельного феноменологического аспекта в нашей авторской концептуализации «духа архитектуры» обязательной становится отсылка к интенциональности. Она позволяет подтвердить правильность нашего исследовательского поиска в части идентификации «духа архитектуры» не просто как глубинного смысла самого архитектурного творения или искусства в целом, но как универсума человеческого бытия – язык архитектуры – это «феноменологический язык», позволяющий выйти за границы жесткой архитектурной формы и приблизиться к переживанию бытия, схватываемому в символах и образах архитектуры.

Эстетическая выразительность. С точки зрения Рёскина эстетическая выразительность есть эстетическая сила [6, с. 145]. В этом нет смысловой избыточности, напротив, Рёскину видится в такой трактовке достижимость главной цели – показать, насколько

человеку близка готика или все же он готов ее отвергнуть. Судя по всему, британский автор рассматривает разные способы для формирования эстетической выразительности, однако каждый раз предлагает сделать выбор и самому автору произведения искусства, и реципиенту (зрителю): к примеру, следует знать, какие конкретно качества готических зданий предпочтительны для того и или иного архитектора, и если, допустим, мастером будет сделан выбор в пользу суровости, то следует учесть, как это отразится на конструктивных решениях и на восприятии зрителя, и т.д. В другом случае Рёскин предлагает ответить на вопрос: могут ли шпили готических зданий быть наклонными, изменяя своей привычной прямолинейности, – «подобно Пизанской башне, чтобы они могли выдаваться с боков пирамиды» [10, с. 118]; вероятно, могут, если кто-то захочет затмить прямые шпили германских замков; Рёскин несколько иронично приводит пример с египтянами, которые в своих пирамидах могли бы использовать прием с наклонными шпилями, т.к. в отличие от германских архитекторов были не связаны требованиями «классической готики» [10, с. 118]. Кажется, что Рёскин сосредоточен на формализации эстетической выразительности, достижении гармонии в форме, конструктивных решениях, но вряд ли это можно утверждать однозначно. Для него «дух архитектуры» зиждется в трех сущностных свойствах готики, каждое из которых связано с эстетической выразительностью.

Прежде всего следует вести речь о *целостности*. Ее символический смысл связан с передачей архитектурного опыта от одного мастера другому, от одного поколения последующему, а эстетическая выразительность заключается в соединении вертикалей и горизонталей, «отмеряющих само бытие человека и переживание им состояний потерянности, отчуждения или, наоборот, эстетической силы» [21, p. 101]. В конечном итоге целостность отражает «внутреннюю силу» самой готики и «мобилизует» «дух архитектуры», не дает ему «раскрошиться на элементы» (crumble into elements), по выражению Рёскина [21]. Любопытный аспект целостности духа раскрыт в этических воззрениях Рёскина; я не стану акцентировать

на этом внимание – данная тема нуждается в отдельном обобщении; следует отметить, однако, что «дух архитектуры» отразил «истинную мораль цеховых тружеников, самостоятельных творцов духовных и материальных ценностей» [1, с. 199]. Мы в своей концептуализации, учитывая это обстоятельство, показываем, в частности, что «дух архитектуры» есть целостный универсум, не расподобляемый на божественное и земное, потустороннe и посюстороннее, витальное и танатальное, прекрасное и безобразное и т.д., что часто мы видим в философии архитектуры, распластовывающей мир на элементы бытия, а, напротив, отражающий бытие в соотношении, диалектике смыслов.

*Обновлени*е «духа архитектуры» вызвано динамичностью самой архитектуры. Как указывал Рёскин, она не только получает распространение в Европе, Азии, Африке, обретая новые черты и свойства (такое, например, как смешение вертикалей и горизонталей), но и в значительной степени обновляет впечатления и эмоции реципиентов (зрителей). На эту особенность обратил внимание Стивен Кейт, осуществив интересное исследование с любителями готики, которые несколько раз в течение короткого отрезка времени посещали не менее трех готических зданий, включая Церковь Сент Уэн в Руане и Собор Санта Мария дель Фьоре во Флоренции, подробно описанные Рёскином. Как оказалось, участники эксперимента после многократных посещений одних и тех же мест не только не «устали от них», но высказывали мысль, что каждый раз совершенно иначе стали воспринимать эти здания, как будто они все время обновлялись на глазах. Исследователь так объясняет, в частности, этот эффект: «Сначала зрители обращали внимание на структурные элементы, формальные решения, характерные для готических зданий, но как только эти формы стали для них понятными, знакомыми, они, вероятно, сосредоточились на своих внутренних ощущениях, а они-то как раз могли быстро меняться и обновляться – создавалось ощущение новизны и в самих архитектурных сооружениях» [17, p. 15].

В чем заключается эстетическая выразительность? Она как будто бы проистекает от меняющегося ракурса в восприятии зрителем

произведений архитектуры – для него сам образ архитектуры и ее дух, проникающий в сознание, становятся своеобразными маркерами эстетического восприятия и возникающего эстетического опыта.

Между тем эстетическая выразительность как будто поддерживает и укрепляет «дух архитектуры». Именно эстетическая выразительность лежит в основании формирующегося эстетического отношения – восприятие человеком реальности не мифологизируется, а рационализируется – архитектурное пространство раскрывается перед ним как целостное, гармоничное, соотносимое с теми или иными ипостасями человеческого бытия (божественным, природным и др.). Готичность, развертывающая «дух архитектуры», есть своего рода онтология, позволяющая человеку достичь истинного познания мира. Рёскин по этому поводу неоднократно подчеркивал, что «замки и храмы лишь усиливают "дух архитектуры", поскольку именно в этом состоянии он становится выразительным и достигает смыслов бытия» [21, p. 88].

В логике Рёскина, таким образом, обнаруживаются следующие ключевые моменты: (1) архитектурная реальность наделяется смыслами бытия, придающими ей «живой» (человекосообразный), одухотворенный характер (вместе с тем нередко у Рёскина «живая готика» противопоставляется «бедной», «ущербной» и т.д.); (2) готичность еще более сближает подход Рёскина с романтизмом не только как эстетической «программой», но и как философией двоемирия; «дух архитектуры» отражает эти романтические реминисценции; (3) архитектурная реальность не отдаляется от субъекта, а напротив, сближается с ним, становясь более понятной в восприятии – «дух архитектуры» и душа человека как будто бы объединяются в одном порыве. Как полагает Дэрил Огден, в эстетике Рёскина дух архитектуры проявляется в том, как архитектурные структуры, в том числе пространственные, откликаются в душе человека, пробуждая в нем не страх, а силу, волю, энергию [18, p. 115]. Отметим при этом, что традиционные дуальные категории классической эстетики, такие, как прекрасное/безобразное, возвышенное/низменное и другие, Рёскином практически не используются (хотя, конечно, Красота в

его концепции всегда преобладает), однако мы находим в его текстах другие не менее значимые, но, по-видимому, более «одухотворенные», иначе говоря – приближенные к человеку понятия силы, энергии, памяти и т.д.

Природное начало и «дух архитектуры»

Одним из светочей архитектуры Рёскин называет натуральность, которую исследователи как раз связывают с «интересом к природе и ее формам» [5, с. 15]. Конечно, архитектура как вид искусства и одновременно ценностная структура, а также готичность как выражение «духа архитектуры», объединяются в развертывании природного начала. Рёскин как человек, тонко чувствующий саму сущность архитектуры, ее экзистенцию, не мог не прийти к идее о соотношении природного начала и «духа архитектуры». Такое соотношение отражалось, например, в структурировании пространства и других формах, о чем шла речь в настоящей статье. Вместе с тем природное начало, как может показаться, сгущает восприятие реальности, но придает ей особые смыслы: например, безмолвность, спокойствие, как будто человек пережил уже страх и обрел уравновешенность в гармонии с окружающей действительностью. Архитектура как будто, являясь стихией природы, «после мрачных средних веков приобретала умиротворение как “новую душу”, обретя которую «из праха, в который поверглась, она и дальше приносила бы свою славу Тому, от кого ее получила…» [9, с. 125]. Рёскин, характеризуя такую реальность, наиболее часто и продуктивно использует именно знаки и символы природы, а природное начало как таковое воспринимается им в его онтологической сущности. В представлении британского автора наиболее ценным образом архитектурной реальности становятся «камни Венеции», в которых отражается вся историческая и эстетическая судьба искусства. Именно в «Камнях Венеции» Рёскин впервые поднял вопрос об отношении к природному началу в архитектуре как отражению самой истины, потому что природа никогда не обманывает, она лишь нивелирует некие свойства бытия: «*натурализм – верность истине*» (курсив наш. – *В.К.*) [6, с. 167]. Природный натурализм и следование образам природы в искусстве

и архитектуре – это безусловная классика со времен античных представлений о гармонии человека и природы. Истина природы – это то, что воспринимается человеком как естественное в бытии. Как естественны и привычны камни вокруг человека, так и в готике и архитектуре они в наибольшей степени воплощают природное начало, не приукрашающее и не искажающее действительность. Но, разумеется, не только камни передают природное начало в готике; Рёскин не ограничивает себя в выборе природных объектов, для него архитектурная реальность – это структура «собирания камней», придающих ей эстетическую силу и выразительность, но многообразие природного мира также подчеркивает мощь готики. По словам Джона Блюитта, сравнивавшего «дух архитектуры» Морриса и Рёскина, образ камня вовсе не случаен у последнего – «архитектура может скрывать глубоко за своими покровами человеческие слабости, как и камень, но оба они тем не менее способны дать силу любого нуждающемуся в ней, однако в камень врастает корень и дает силу многим, а не одному» [13, p. 91]. Образ корня растения как природного естества наиболее близок «духу архитектуры», как полагал сам Рёскин: в одном случае корень как проводник упругой силы, направленной самой природой вверх, питает стебель и как будто само архитектурное сооружение, в другом случае огромные своды монастыря в Бове давят на тонкие основания, напоминающие хрупкие, но не теряющие своей силы ветви дерева и его корни [9, с. 88]. Природное начало, конечно, близко архитектуре по духу и по своей эстетике; для Рёскина сила этого начала и в том, что оно отражает онтологию архитектуры, ее бытийность в светочах, в ипостасях, в эстетической силе.

Примечательно, что Марсель Пруст, впечатленный тонкими, почти импрессионистическими описаниями «духа архитектуры» Рёскина, что было близко и самому великому французскому писателю, совершил паломничество в Руан, Амьен и Венецию и написал следующие строки в одном из писем своему другу Пьеру Лавалю: «Конечно, здесь везде “дух архитектуры”, невозможно это не почувствовать и не раствориться в нем, он пронизан природой, тон-

кими ее гранями и линиями, пространством, которое уловимо лишь в стенах этих соборов» [20, p. 65]. Пруст, сам в своем творчестве ведущий поиск природных граней бытия, не мог не заметить этого и у Рёскина, который значительно расширял ареал таких исканий. Для архитектуры важны были камни не только в качестве надежного строительного материала, но и для выражения «духа архитектуры», приближая архитектуру к человеку – основательно, с твердостью и незыблемостью, присущим камням. Это почувствовал Пруст, так это представлялось и самому Рёскину. Но все же архитектура – не только камни. С точки зрения британского автора, природное начало должно было приподняться над камнями архитектурных сооружений, воспарить над ними, чтобы человек ощутил не страх перед формой, но близость с природой, тоску по ней [21, p. 55-57]. Когда в 1871 г. Рёскин в очередной раз посетил Собор в Шартре по пути в Париж, он написал в одном из своих писем: «Теперь я вижу, что в готике не только эти грубые, хотя и очень естественные камни, есть в ней что-то большее – если пристально взглянуть, то мы видим и воздух, и небо, и даже траву, прорастающую сквозь фундамент: вот она – природа!» [цит. по: 19, p. 77].

Каким же образом природное начало воплощалось в архитектуре? Как отмечал А. Раппапорт, Рёскину важно было добиться «синтеза» и на категориальном уровне, и на творческом [5, с. 14], а для этого в наибольшей степени подходила такая ипостась бытия как природное начало. Оно, как уже отмечалось выше, схватывалась в архитектуре за счет символизации и эстетизации реальности, однако синтез также мог предполагать и воплощение природного начала в структурировании пространства в храмах, замках, монастырях (как, например, арки в мужском монастыре в Кане располагалась таким образом, что преломляли солнечный свет, создавая в углах не мрак, а напротив, игру света, привлекающую взор зрителей) – в таком случае синтез достигался за счет соединения света, человеческих переживаний и восприятия окружающей реальности. Возможно, для понимания сути природного начала в архитектуре важна и «волокнистая древовидность», которая изначально символизировала собой

синтез камня и растения [9, с. 91], а «сила любви к растительному миру строго пропорциональна мощи готического духа» [6, с. 177]. Не менее примечательным наблюдением Рёскина является отсылка к «духу архитектуры», когда он описывает линии-границы архитектурных сооружений и природной стихии, «как только выйдешь за дверь храма» [6, p. 68]. С точки зрения Рёскина границы таких сооружений отмечены не началом каменного фундамента (внизу) или высокими шпилями (вверху), а соприкосновением основания с землей – там, где пыль, песок, камни, трава, ветер и т.д. «Касание земли» (touching the ground) и есть природное начало в готике, но оно же символизирует и «дух архитектуры», потому что важно было показать, что «самодостаточность» готического здания может быть оценена не сама по себе в отвлеченных образах, а только в единении с природным началом и даже с пылью, как это нетривиально показано Рёскином в трактате «Этика пыли».

Идея «духа готики» не явно, но все же прослеживается и в политэкономическом трактате Рёскина, посвященном обсуждению вопросов «рыночной цены» в искусстве, включая и архитектуру. Этот случай мне представляется уместным, поскольку автор трактата не единожды в своей аргументации по заявленной тематике противопоставляет политэкономическое именно природному, оттеняя самодостаточность именно природного начала и показывая ненадежную рыночность всякого экономического интереса. Более того, для первого «случая» характерно стремление обуздать «художественное чувство страны» кабинетной работой архитекторов, действующих в угоду бизнесу и не чувствующих природной гармонии «в натуре» [8, с. 34-35]. С другой стороны, природное, противопоставленное экономическому смыслу бытия, лишь подчеркивает необходимость сохранения «духа архитектуры», способного повысить ценность любого произведения искусства, но не по меркам денежным, а с точки зрения достижения гармонии.

Заключение

В основании концептуализации «духа архитектуры» Рёскина лежит онтологический уровень рефлексии. Впервые мы обращаемся к его

идее не как установке на поиск новых формально-содержательных решений в архитектурном пространстве через призму его «одухотворения», а как к целеполаганию, направленному на выявление универсума человеческого индивидуального и коллективного бытия, в центре которого – соотношение природного начала и духовного мира человека. Было отмечено, что обращение Джона Рёскина к онтологии архитектуры может быть оправдано общей тенденцией укрепления романтизма в искусстве и культуре классической эпохи, однако этому обстоятельству может быть посвящена отдельная работа. Наша задача состояла в том, чтобы показать, каким образом Рёскин «преодолевает» отношение к архитектуре исключительно как к прочному структурированию окружающей реальности. Прочность архитектуры для Рёскина – прежде всего в ее «духе».

Обращение к ключевому для британского автора понятию «духа архитектуры» позволило расширить теоретические горизонты философии архитектуры в части использования приемов символизации и эстетизации реальности. В статье мы установили, что «дух архитектуры» – это ее универсум, в котором преломляется прочная основа архитектурного творения с силой и прочностью человеческого духа, подверженного переживанию бытия. Таким образом, в концептуализации Рёскина отчасти сохраняется отсылка к известной максиме Гегеля, когда он говорил о постоянстве Духа в архитектуре, с другой стороны, британский автор предлагает свое видение Духа как «духа», отражающего бытие в эстетическом отношении субъекта к нему. Проявленность в эстетике и философии архитектуры «идеи архитектуры» как будто бы напрашивалась сама собой, а Рёскин запечатлел эту особенность и развил ее в собственной концепции. Конечно, ни в коем случае нельзя отрицать идейно-художественное своеобразие того или иного вида искусства, но именно архитектура, по-видимому, в большей степени нуждалась в выявлении ее феноменологической сущности; по словам Рёскина, «архитектура не избежала утилитаристского отношения, однако ее дух кардинально должен изменить подобное отношение к ней» [21, p. 19].

Идею «духа архитектуры» Рёскин проводил во всех своих ключевых работах, и она позволяла демонстрировать, как именно менялось восприятие архитектуры в обществе и каждым отдельным реципиентом (зрителем). «Дух архитектуры» проявлялся в символизации и эстетизации реальности и позволял считать архитектурную реальность как феноменологическую сущность, преломляющую трансцендирование мира вещей, как об этом, например, писали Р. Ингарден и Э. Гуссерль. Полагаем, что взгляд Рёскина можно считать актуальным по той причине, что ему удалось показать глубину смыслов, стоящей за каждой архитектурной деталью, за каждым конструктивным решением, за выбором цвета и света, средств выразительности и изобразительности и т.д. Такой подход необходим современным исследователям, стремящимся достичь аналитичности в изучении различных явлений искусства, а не только оценок их функциональности.

Список литературы

1. Аникин, Г.В. (1986). *Эстетика Джона Рёскина и английская литература XIX века*. Москва. 213 с.
2. Витрувий (1936). *Десять книг об архитектуре*. Пер. Ф.А. Петровского. Москва. 190 с.
3. Лосев, А.Ф. (1998). Эстетика Возрождения. В кн.: Лосев А.Ф. *Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения* (с. 7–736). Москва.
4. Попов, Е.А. (2025). Онтология архитектуры Джона Рёскина. *Философия и культура*, 11, 34–46. https://doi.org/10.7256/2454-0757.2025.11.76964 EDN: https://elibrary.ru/EUZJRM
5. Раппапорт, А.Г. (2007). Джон Рёскин и его «Семь светочей архитектуры». В кн.: Рёскин Дж. *Семь светочей архитектуры*. Пер. М. Куренной, Н. Лебедевой, С. Сухаревой. Научная редакция, предисловие А. Раппапорта (с. 7–42). Санкт-Петербург.
6. Рёскин, Дж. (2009). *Камни Венеции*. Пер. А. Глебовской, Л. Житковой. Санкт-Петербург. 307 с.
7. Рёскин, Дж. (2011). *Лекции об искусстве*. Пер. П. Когана под ред. Е. Кононенко. Москва. 301 с.
8. Рёскин, Дж. (2018). *Радость навеки и ее рыночная цена*. Пер. Л. Никифоровой. Москва. 190 с.

9. Рёскин, Дж. (2007). *Семь светочей архитектуры*. Пер. М. Куренной, Н. Лебедевой, С. Сухаревой. Научная редакция, предисловие А. Раппапорта. Санкт-Петербург. 211 с. ISBN: 978-5-352-02208-5. EDN: https://elibrary.ru/QNNHJB
10. Рёскин, Дж. (2016). *Этика пыли*. Пер. Л. Никифоровой. Москва. 206 с.
11. Adelman, R. (2017). Ruskin & Gothic Literature. *The Wordsworth Circle*, 48(3), 152–164. https://doi.org/10.1086/TWC48030152
12. Belcher, J. (2008). *Essentials in Architecture: An Analysis of the Principles & Qualities to be Looked for in Buildings*. London. 300 p.
13. Blewitt, J. (2019). *William Morris and John Ruskin: A new road on which the world should travel*. Exeter. 157 p. https://doi.org/10.2307/jj.28460430
14. Chandler, T. (2025). *Feeling Gothic: Affect and Aesthetics in Ruskin's Architectural Theory*. Получено 12 октября 2025 г. с https://courtauld.ac.uk/research/research-resources/publications/courtauld-books-online/ruskins-ecologies-figures-of-relation-from-modern-painters-to-the-storm-cloud/4-feeling-gothic-affect-and-aesthetics-in-ruskins-architectural-theory-timothy-chandler/
15. Delogu, C.J. (1979). On the Nature of Gothic and the Lessons of Ruskin. *Caliban*, n°33, 1996. In *Le GOTHIQUE et ses Métamorphoses. Mélanges en l'honneur de Maurice Lévy* (pp. 101–110). Paris.
16. Hartley, L. (1999). Griffinism, Grace and All: The Riddle of the Grotesque in John Ruskin's Modern Painters. In Trodd C., Barlow P., Amigoni D. (eds.). *Victorian Culture and the Idea of the Grotesque* (pp. 81–95). Aldershot.
17. Kite, S. (2017). Ruskin and Victorian Gothic. In Mallgrave H. Francis et al (Ed.). *Companion to the History of Architecture* (pp. 1–17). London.
18. Ogden, D. (1997). The Architecture of Empire: Oriental' Gothic and the Problem of British Identity in Ruskin's Venice. *Victorian Literature and Culture*, 25, 109–120. https://doi.org/10.1017/S1060150300004654
19. Patrick, C. (1979). *Savage Ruskin*. London. 180 p.
20. Proust, M. (2022). *Lettres. 1879–1922*. Paris. 318 p.
21. Ruskin, J. (1859). *The two paths: being lectures on art, and its application to decoration and manufacture, delivered in 1858–1859*. Berkeley. Получено 14 мая 2025 г. с https://archive.org/details/twopathsbeinglec00ruskrich/page/n13/mode/2up
22. Spuybroek, L. (2016). *The Sympathy of Things: Ruskin and the Ecology of Design*. London. 187 p.
23. Wheeler, K. (2020). They Cannot Choose but Look: Ruskin and Emotional Architecture. *19: Interdisciplinary Studies in the Long Nineteenth Century*, 23(2), 90–103. https://doi.org/10.16995/ntn.768
24. Wilmer, C. (2014). *A new road on which the world should travel: John Ruskin, "The Nature of Gothic" and William Morris*. New York. 188 p.
25. Zevi, B. (1974). *Architecture as Space: How to Look at Architecture*. London. 212 p.

References

1. Anikin, G. V. (1986). *The Aesthetics of John Ruskin and 19th-Century English Literature*. Moscow. 213 p.
2. Vitruvius. (1936). *Ten Books on Architecture*. Translated by F. A. Petrovsky. Moscow. 190 p.
3. Losev, A. F. (1998). The aesthetics of the Renaissance. In A. F. Losev, *The Aesthetics of the Renaissance. The Historical Meaning of the Aesthetics of the Renaissance* (pp. 7–736). Moscow.
4. Popov, E. A. (2025). The ontology of John Ruskin's architecture. *Philosophy and Culture*, 11, 34–46. https://doi.org/10.7256/2454-0757.2025.11.76964 EDN: https://elibrary.ru/EUZJRM
5. Rappaport, A. G. (2007). John Ruskin and his *The Seven Lamps of Architecture*. In J. Ruskin, *The Seven Lamps of Architecture*. Translated by M. Kurennaya, N. Lebedeva, S. Sukhareva; scientific editing and preface by A. Rappaport (pp. 7–42). Saint Petersburg.
6. Ruskin, J. (2009). *The Stones of Venice*. Translated by A. Glebovskaya, L. Zhitkova. Saint Petersburg. 307 p.
7. Ruskin, J. (2011). *Lectures on Art*. Translated by P. Kogan; edited by E. Kononenko. Moscow. 301 p.
8. Ruskin, J. (2018). *A Joy for Ever and Its Price in the Market*. Translated by L. Nikiforova. Moscow. 190 p.
9. Ruskin, J. (2007). *The Seven Lamps of Architecture*. Translated by M. Kurennaya, N. Lebedeva, S. Sukhareva; scientific editing and preface by A. Rappaport. Saint Petersburg. 211 p. ISBN: 978-5-352-02208-5. EDN: https://elibrary.ru/QNNHJB
10. Ruskin, J. (2016). *Ethics of Dust*. Translated by L. Nikiforova. Moscow. 206 p.
11. Adelman, R. (2017). Ruskin & Gothic Literature. *The Wordsworth Circle*, 48(3), 152–164. https://doi.org/10.1086/TWC48030152
12. Belcher, J. (2008). *Essentials in Architecture: An Analysis of the Principles & Qualities to Be Looked for in Buildings*. London. 300 p.
13. Blewitt, J. (2019). *William Morris and John Ruskin: A New Road on Which the World Should Travel*. Exeter. 157 p. https://doi.org/10.2307/jj.28460430
14. Chandler, T. (2025). *Feeling Gothic: Affect and Aesthetics in Ruskin's Architectural Theory*. Retrieved October 12, 2025, from https://courtauld.ac.uk/research/research-resources/publications/courtauld-books-online/ruskins-ecologies-figures-of-relation-from-modern-painters-to-the-storm-cloud/4-feeling-gothic-affect-and-aesthetics-in-ruskins-architectural-theory-timothy-chandler/
15. Delogu, C. J. (1979). On the Nature of Gothic and the Lessons of Ruskin. *Caliban*, n° 33, 1996. In *Le GOTHIQUE et ses Métamorphoses. Mélanges en l'honneur de Maurice Lévy* (pp. 101–110). Paris.

16. Hartley, L. (1999). Griffinism, Grace and All: The Riddle of the Grotesque in John Ruskin's *Modern Painters*. In C. Trodd, P. Barlow, & D. Amigoni (Eds.), *Victorian Culture and the Idea of the Grotesque* (pp. 81–95). Aldershot.
17. Kite, S. (2017). Ruskin and Victorian Gothic. In H. Francis Mallgrave et al. (Ed.), *Companion to the History of Architecture* (pp. 1–17). London.
18. Ogden, D. (1997). The Architecture of Empire: Oriental' Gothic and the Problem of British Identity in Ruskin's Venice. *Victorian Literature and Culture*, 25, 109–120. https://doi.org/10.1017/S1060150300004654
19. Patrick, C. (1979). *Savage Ruskin*. London. 180 p.
20. Proust, M. (2022). *Lettres. 1879–1922*. Paris. 318 p.
21. Ruskin, J. (1859). *The Two Paths: Being Lectures on Art, and Its Application to Decoration and Manufacture, Delivered in 1858–1859*. Berkeley. Retrieved May 14, 2025, from https://archive.org/details/twopathsbeinglec00ruskrich/page/n13/mode/2up
22. Spuybroek, L. (2016). *The Sympathy of Things: Ruskin and the Ecology of Design*. London. 187 p.
23. Wheeler, K. (2020). They Cannot Choose but Look: Ruskin and Emotional Architecture. *19: Interdisciplinary Studies in the Long Nineteenth Century*, 23(2), 90–103. https://doi.org/10.16995/ntn.768
24. Wilmer, C. (2014). *A New Road on Which the World Should Travel: John Ruskin, "The Nature of Gothic" and William Morris*. New York. 188 p.
25. Zevi, B. (1974). *Architecture as Space: How to Look at Architecture*. London. 212 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Краев Владимир Борисович, старший преподаватель кафедры культурологии и дизайна
Алтайский государственный университет
пр-т Ленина, 61, г. Барнаул, Алтайский край, 656049, Российская Федерация
uuserovg@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vladimir B. Kraev, Senior Lecturer at the Department of Cultural Studies and Design
Altai State University
61, Lenin Ave., Barnaul, Altai Krai, 656049, Russian Federation
uuserovg@gmail.com

Поступила 04.08.2026
После рецензирования 05.09.2026
Принята 07.09.2026

Received 04.08.2026
Revised 05.09.2026
Accepted 07.09.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-3-366
УДК 784.4(510)»1937/1945»

Original article
EDN: HZMAIE

Массовое пение как форма организации коллективного действия в Яньани в 1937-1945 годах

Лю Юнсюй
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В Яньани новая песня редко переходила к широкой аудитории сразу после создания. Сначала ее разучивал профессиональный коллектив, затем произведение звучало на концерте или во время выезда в военную часть и деревню; иногда слушателей учили припеву на месте. В исследованиях революционной музыки чаще рассматриваются содержание текстов и политическая функция песен, тогда как порядок участия исполнителей описан менее подробно.

Цель исследования – определить, как музыкальное устройство песни и работа художественных объединений включали жителей Яньани в совместное исполнение в 1937–1945 годах.

Материалы и методы. Материалом послужили исследования Академии искусств имени Лу Синя, свидетельства о подготовке и ранних исполнениях «Кантаты о Желтой реке», а также публикации об истории песен «Наньнивань» и «Армия и народ развивают производство». Рассмотрены три произведения: «Защитим Хуанхэ», «Наньнивань» и «Армия и народ развивают производство». Использованы историко-культурный, сравнительный и структурно-функциональный методы.

Результаты. В источниках прослеживается последовательность, которая повторялась при распространении нового репертуара: репетиция, публичное или выездное выступление, разучивание песни новой группой и ее дальнейшее исполнение уже без участия автора. Однако сами произведения предлагали неодинаковые способы включения. Канон «Защитим Хуанхэ» требовал распределения хоровых партий, точного момента вступления и руководства дирижера. В песне «Армия и народ развивают производство» участие строилось иначе: ведущий исполнял развернутую фразу, а группа отвечала короткими возгласами. Такой ответ можно было освоить во время исполнения. «Наньнивань» первоначально входила в танцевальную по-

становку, но позднее стала отдельной песней; ее куплетная форма подходила и для сольного рассказа, и для пения общей мелодии хором. Сопоставление показало, что массовое распространение зависело не от одного музыкального признака. Простая мелодия облегчала запоминание, но требовались также исполнители, репетиции и выездная работа. Академия и связанные с ней коллективы соединяли эти звенья и переносили произведения из профессиональной среды в повседневную музыкальную практику военного времени.

Ключевые слова: Яньань; массовое пение; революционная песня; коллективное действие; Академия искусств имени Лу Синя; «Защитим Хуанхэ»; «Наньнивань»

Для цитирования. Лю, Юнсюй (2026). Массовое пение как форма организации коллективного действия в Яньани в 1937-1945 годах. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(3), 199-213. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-366

Mass singing as a form of organizing collective action in Yan'an in 1937-1945

Liu Yongxu
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract

Background. In Yan'an, a newly composed song rarely reached a broad audience immediately. It was first rehearsed by a professional ensemble and then performed at a concert or during a visit to a military unit or village; in some cases, listeners learned the refrain on the spot. Studies of Chinese revolutionary music usually focus on lyrics and political function, while the practical order of participation receives less attention.

Purpose. The study examines how song structure and the work of artistic organizations drew people in Yan'an into collective performance between 1937 and 1945.

Materials and methods. The sources include studies of the Lu Xun Academy of Arts, accounts of the preparation and early performances of the Yellow River Cantata, and publications on the history of "Nanniwan" and "The Army and the People Develop Production." Three works are examined: "Defend the Yellow River," "Nanniwan," and "The Army and the People Develop Production." Historical-cultural, comparative, and structural-functional methods were used.

Results. The sources reveal a recurring route by which new repertoire circulated: rehearsal, a public or touring performance, learning by a new group, and further performance without the composer's direct participation. The works, however, invited participation in different ways. The canon in "Defend the Yellow River" required assigned choral parts, precise entries, and a conductor. In "The Army and the People Develop Production," a

leader sang the longer line and the group answered with short calls; this response could be learned during the performance itself. “Nanniwan” first belonged to a dance production and later circulated as an independent song. Its strophic form could support both a solo narrative and choral singing in unison. The comparison shows that wide circulation did not result from a single musical feature. A memorable melody helped, but performers, rehearsals, and touring work were also needed. The academy and its affiliated ensembles connected these stages and carried songs from a professional setting into the everyday musical practice of wartime Yan’an.

Keywords: Yan’an; mass singing; revolutionary song; collective action; Lu Xun Academy of Arts; Defend the Yellow River; Nanniwan

For citation. Liu, Y. (2026). Mass singing as a form of organizing collective action in Yan’an in 1937-1945. *Russian Studies in Culture and Society*, *10*(3), 199-213. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-366

Введение

В годы войны с Японией Яньань была одним из центров антияпонского движения, где КПК вела политическую и культурную работу с населением. Песни о сопротивлении и труде звучали не только на концертах: их учили в воинских частях и во время поездок в деревни [9, с. 6–12; 11]. В город приезжали писатели, актеры и музыканты из разных районов Китая. Многие из них начали работать в Академии искусств имени Лу Синя и созданных при ней художественных коллективах. Там записывали народные мелодии и разучивали новые песни. Подготовленный номер иногда переходил в общее пение, а человек, впервые услышавший произведение на концерте, позднее мог сам стать его исполнителем.

Революционные песни данного периода часто изучают по текстам – по словам о сопротивлении Японии, поддержке армии, производственном труде и роли Коммунистической партии Китая. Во время исполнения появлялись и другие детали: место, состав аудитории, необходимость репетиции, возможность подхватить припев. Именно они находятся в центре данной статьи.

Ван Хайцзюнь и Сюн Вэйна рассматривают песни как форму выражения революционного дискурса и показывают, как политические положения переводились в более понятные слова и музыкальные обороты [8, с. 37–39]. Ван Мэйвэй связывает антияпонские песни

с пропагандой и социальной мобилизацией [9, с. 6–12]. В недавней статье Ху Цзиньюй и Сян Луяо материал распределен по типам революционного дискурса; отдельно отмечены песни о производственном движении [5, с. 142–145]. Исследование Хан Сяо охватывает песенную деятельность пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся и дает более широкий исторический контекст для деятельности Яньани [4]. Вэнь Синлин обращается к работе революционных музыкальных обществ [10, с. 74–78]. Эти исследования подробно описывают содержание, учреждения и пути распространения песен, но само совместное исполнение обычно остается частью общего исторического рассказа.

Использованные работы различаются и по характеру материала. В диссертации Ся Пэйтин подробно восстановлена деятельность обществ и рабочих групп Академии, тогда как публикация воспоминаний о «Кантате о Желтой реке» сохраняет отдельные детали подготовки и первого исполнения [11; 12]. Статьи о революционном дискурсе больше внимания уделяют тексту и общественной функции песни [5; 8]. Сопоставление этих источников не всегда дает полную картину одного концерта, зато позволяет отделить сведения об учреждении от более поздней оценки произведения. Особенно это важно для известных песен, история которых со временем стала излагаться как уже законченный и последовательный процесс.

Совместное пение рассматривается и в современных исследованиях синхронного поведения. С. Уилтермут и Ч. Хит связывают синхронное действие с готовностью участников к сотрудничеству [22, p. 1–5]; позднее результаты подобных работ были сопоставлены в метаанализе Р. Могана, Р. Фишера и Дж. Булбулиа [15, p. 13–20]. Для данной темы особенно полезны наблюдения за певческими группами [13; 16; 17; 18; 21]. Они показывают, что совместный ритм связан не только с музыкальным результатом. При этом современный эксперимент нельзя прямо переносить на Яньань 1930–1940-х годов. В статье из этих работ взяты лишь признаки, которые можно сопоставить с историческим материалом: общий темп, момент вступления и реакция на голос другого участника [14; 20].

Политическое значение искусства в Яньани было сформулировано в выступлении Мао Цзэдуна на совещании по вопросам литературы и искусства в 1942 году. В нем подчеркивалась связь писателей и художников с рабочими, крестьянами и солдатами [1, с. 847–879]. Для музыкантов это означало обращение к жизни населения и поиск понятного музыкального языка. Люй Цзи ранее писал о новой музыке и ее связи с народной жизнью. Хэ Лютин обсуждал национальную форму и работу профессионального композитора с народным материалом [3, с. 59–67]. В русскоязычной статье Ян Боюань деятельность Сянь Синхая в Яньани представлена как сочетание преподавания, руководства хором и распространения массовой песни [2, с. 9–11].

Цель исследования – определить, как устройство песни и организация музыкальной работы включали людей в совместное исполнение. Рассматривается путь произведения от профессионального коллектива к более широкой аудитории, а затем, конкретный порядок участия в трех песнях.

Материалы и методы

Основной материал составили исследования музыкальной жизни Яньани и работы об Академии искусств имени Лу Синя. Диссертация Ся Пэйтин содержит сведения о составе музыкальных объединений, их концертах и выездах [12]. Для истории «Кантаты о Желтой реке» использованы работа Ван Мэйвэя, свидетельства участников, собранные Дин Сюйдуном [11], и статья Ян Боюаня. История песен «Наньнивань» и «Армия и народ развивают производство» уточняется по публикации Мэн Хун и Шэнь Лэй [7]. Исследование Ма Цзинъянь, посвященное Центрально-Китайскому отделению Академии, привлекается как сравнительный материал: оно показывает, что выездная музыкально-просветительская работа не ограничивалась только Яньанью [6].

Выбранные произведения различаются по жанру. «Защитим Хуанхэ» является частью кантаты, тогда как «Наньнивань» и «Армия и народ развивают производство» исполнялись как отдельные номера. При разборе учитывались последовательность вступлений, повтор

мелодического материала, распределение текста между ведущим и группой, а также сведения о репетициях. Для каждого произведения эти признаки имели разный вес.

Результаты и обсуждение

Распространение песни и работа музыкальных объединений

Приезд профессиональных музыкантов в Яньань еще не делал новую песню известной. Между созданием произведения и массовым исполнением находились репетиция, концерт, выезд в военную часть или деревню, а затем обучение бывших слушателей. Большую часть этой работы проводила Академия искусств имени Лу Синя и связанные с ней объединения. Академия была основана в 1938 году. Студенты осваивали музыкальные дисциплины, участвовали в концертах и выезжали с выступлениями; работа перед новой аудиторией продолжала учебный процесс [12, с. 6–10].

Ся Пэйтин выделяет несколько объединений, действовавших при академии: экспериментальную театральную труппу, Общество изучения народной музыки, труппу традиционного театра и музыкальную рабочую группу [12, с. 11–19]. Они существовали в разное время, их состав и задачи менялись. Не все коллективы были музыкальными в узком смысле. В спектаклях и танцевальных постановках песня соединялась с речью и движением. Перед аудиторией без специальной подготовки такая форма могла быть понятнее отдельного хорового концерта.

Выездное выступление не завершало распространение песни. После концерта слушателям требовалось запомнить слова и мелодию, а кому-то — показать очередность вступлений. Для короткого припева это могло произойти сразу. Многоголосный эпизод требовал уже другого времени и человека, способного руководить репетицией. Поэтому одно и то же произведение передавалось неодинаково: иногда целиком, иногда как наиболее узнаваемая песенная часть. Источники редко фиксируют каждый такой случай, но повторяющиеся упоминания концертов, обучения и поездок позволяют увидеть сам порядок работы.

Обращение к народной музыке имело практическую сторону. Знакомая интонация запоминалась легче, чем новый для большинства слушателей музыкальный язык. Композиторы и исполнители могли приспособить мелодию к другому тексту, изменить ритм или оставить наиболее узнаваемый оборот. Академия готовила музыкантов, общества собирали и обрабатывали материал, а труппы переносили песни в военные части и деревни. После выступления произведение продолжало жить уже без непосредственного участия автора. Материалы о Центрально-Китайском отделении Академии показывают, что подобная концертная и просветительская работа следовала за перемещением художественных коллективов и за пределами Яньани [6].

Не вся музыка Академии предназначалась для общего исполнения. В программах были сольные номера, инструментальные произведения и сложные сценические сочинения. Поэтому массовая песня составляла лишь часть музыкальной культуры Яньани. Ее особенность определялась не только простотой мелодии, а возможностью передать песню другой группе и воспроизвести ее в новых условиях.

Три способа коллективного участия

«Защитим Хуанхэ» – седьмая часть кантаты Сянь Синхая «Хуанхэ», написанной в Яньани весной 1939 года на слова Гуан Вэйжаня. Первое исполнение кантаты состоялось 13 апреля в зале Северо-Шэньсийской общественной школы [9, с. 24]. Воспоминания участников уточняют обстоятельства подготовки, премьеры и раннего распространения произведения [11, с. 16–28]. Репетиции проходили в короткий срок, а состав оркестра зависел от инструментов, доступных в Яньани.

Начальная мелодия может звучать в унисон, затем ее принимает другая группа с временным смещением. После вступления новой партии предыдущая продолжает собственную линию. Исполнитель должен слышать соседнюю партию, но не переходить на нее и не терять общий темп. В этом эпизоде совместность не означает пение одной мелодии всеми участниками. Хор сохраняет разделение на группы, и общий результат возникает из точного порядка их вступлений.

Рис. 1. Сянь Синхай дирижирует репетицией «Кантаты о Желтой реке» с учащимися Академии искусств имени Лу Синя, 1939 г.
Источник: Центральный институт истории партии и литературы КПК, 29.07.2025. URL: https://www.dswxyjy.org.cn/n1/2025/0729/c244516-40531926.html (дата обращения: 24.09.2026).
Fig. 1. Xian Xinghai conducting a rehearsal of the "Yellow River Cantata" with students from the Lu Xun Academy of Arts, 1939.
Source: Central Institute of Party History and Literature of the CPC, July 29, 2025. URL: https://www.dswxyjy.org.cn/n1/2025/0729/c244516-40531926.html

Такое устройство отличает «Защитим Хуанхэ» от небольшой песни, которую слушатели способны подхватить после первого исполнения. Канон требует репетиции и руководства дирижера. Дневниковые материалы Сянь Синхая показывают, что занятия с хором занимали отдельное место в его работе [2, с. 10]. Сначала участники осваивали свои партии и только потом соединяли их. Коллективность здесь была подготовленным исполнительским результатом. Для слушателя же последовательное нарастание голосов делало образ общего движения слышимым, даже если он сам не вступал в хор.

Отсюда возникает важное различие между хором и залом. Хорист участвовал в произведении через свою партию и зависел от точности

других групп. Слушатель мог воспринимать общий призыв, следить за нарастанием звучания и позднее запомнить отдельный оборот, но он не становился участником канона автоматически. В данном случае массовое воздействие произведения было шире непосредственного массового исполнения. Оно включало подготовленный сценический показ, после которого отдельные фрагменты и общий образ кантаты продолжали распространяться уже в иных условиях.

«Наньнивань» была создана в 1943 году Ма Кэ на слова Хэ Цзинчжи и связана с производственным движением в пограничном районе Шэньси–Ганьсу–Нинся [12, с. 33]. Ее мелодика близка народным песням северной части провинции Шэньси. Фразы ясно отделяются друг от друга, повторяемые обороты легко запоминаются. Первоначально песня входила в танцевальное представление, где слова о труде сопровождались движением и сценическим действием. Позднее произведение стало звучать самостоятельно. Тогда на первый план вышли плавная мелодия и последовательное куплетное развитие; сама музыка не воспроизводила ритм физической работы.

Сольное исполнение превращало «Наньнивань» прежде всего в рассказ. Хоровая версия давала другой результат: голоса соединялись на общей мелодии, без сложного разделения партий. Благодаря этому песня сравнительно легко переходила из постановки в концертную и бытовую практику.

Автором песни «Армия и народ развивают производство» был Чжан Ханьхуэй. В ее основу легла народная мелодия «Туй чаомянь», бытовавшая в восточной части провинции Ганьсу. Первоначальный вариант назывался «Десять песен пограничного района», позднее закрепилось современное название [7, с. 47–51]. Связь с трудовым фольклором слышна в перекличке: ведущий исполняет длинную фразу, группа отвечает короткими возгласами. Новый участник мог не знать весь текст, но довольно быстро понимал, где требуется ответ.

Такая форма допускала разный уровень подготовки. Ведущий сохранял основную линию и мог немного менять ее выразительность, тогда как групповая реплика оставалась устойчивой. Отдельная ошибка не всегда разрушала исполнение: короткий ответ легко вос-

станавливался в следующем обороте. Для канона «Защитим Хуанхэ» точность каждой партии была заметно важнее.

Повтор встречается во всех трех произведениях. В «Защитим Хуанхэ» знакомый материал возвращается в другой партии и образует каноническое наложение; в «Армии и народе» он обозначает место ответа. Для «Наньниваня» важнее узнаваемость мелодического оборота и сохранение повествования. По источникам легче восстановить этот порядок, чем переживания отдельного певца: кто начинает, когда вступает группа, нужна ли длительная репетиция. Сообщения об «успехе» концерта сами по себе мало говорят о том, что чувствовал конкретный участник.

Современные исследования группового пения фиксируют изменения чувства близости, болевого порога и отношения к другим участникам [13; 16; 17; 18; 21]. В Яньани общий ритм и согласование голосов входили в уже организованную военную, трудовую и художественную жизнь. Поэтому они поддерживали совместное действие, а его политический смысл возникал в конкретной обстановке исполнения.

Заключение

В Яньани известность новой песни зависела от работы Академии искусств имени Лу Синя и выездных коллективов. Репетиция, концерт и последующее разучивание связывали профессиональных музыкантов с аудиторией. Без такой работы даже понятная мелодия могла остаться внутри подготовленного коллектива.

Три произведения показывают разные варианты участия. «Защитим Хуанхэ» требовало хоровой подготовки и точного ведения партий. В песне «Армия и народ развивают производство» группа могла быстро освоить короткий ответ на фразу ведущего. «Наньнивань» отделилась от танцевальной постановки и продолжила жизнь как сольная и хоровая песня. Поэтому массовое пение в данном случае определялось не одним типом формы, а возможностью понять собственную роль в исполнении: удержать партию, вовремя ответить или петь общую мелодию.

Описание применения генеративной модели. При подготовке статьи использовалась генеративная модель ChatGPT (OpenAI, GPT-5) для перевода отдельных фрагментов с китайского языка на русский и языкового редактирования русского текста. В запросах указывалось сохранять содержание исходного материала, научные термины, ссылки и авторские выводы. Отбор источников, анализ музыкальных произведений и интерпретация материалов выполнены автором самостоятельно. Полученные формулировки проверены и отредактированы автором; ответственность за содержание статьи несет автор.

Список литературы

1. Мао Цзэдун. (1968). Выступление на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани. В: *Избранные произведения Мао Цзэдуна* (Т. 3, с. 847–879). Пекин: Издательство литературы на иностранных языках.
2. Ян Боюань. (2025). Музыкально-образовательная деятельность китайского народного композитора Сянь Синхая. *Мир науки. Педагогика и психология*, *13*(2), статья 31PDMN225.
3. 董团. (1981). 试论贺绿汀在救亡和抗战时期音乐民族化的理论和实践 (Дун Туань. О теории и практике музыкальной национализации Хэ Лютина в период национального спасения и антияпонской войны). 中央音乐学院学报, (4), 59–67.
4. 韩笑. (2020). 延安时期歌咏活动研究—以陕甘宁边区为主 (Хан Сяо. Песенная деятельность периода Яньани: на материале пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся) (博士学位论文). 北京: 中共中央党校（国家行政学院）. 129页.
5. 胡锦玉, 相璐瑶. (2025). 延安时期红色歌曲对革命话语的表达探究 (Ху Цзиньюй, Сян Луяо. Выражение революционного дискурса в красных песнях периода Яньани). 新西部, (7), 142–146. https://doi.org/10.16721/j.cnki.cn61-1487/c.2025.07.003
6. 马婧妍. (2023). 抗战时期华中鲁艺音乐传播活动研究 (Ма Цзинъянь. Музыкально-просветительская деятельность Центрально-Китайского отделения Академии искусств имени Лу Синя в годы антияпонской войны) (硕士学位论文). 南京: 南京艺术学院. 118页.
7. 孟红, 沈蕾. (2015). 难忘的旋律之：《生产大合唱》《南泥湾》《军民大生产》—奏响时代强音 (Мэн Хун, Шэнь Лэй. Незабываемые мелодии: «Производственная кантата», «Наньнивань» и «Армия и народ развивают производство»). 党史博采（纪实）, (10), 47–51.
8. 王海军, 熊维娜. (2021). 歌唱的革命—延安时期的抗战歌曲与中共革命话语的塑造与表达 (Ван Хайцзюнь, Сюн Вэйна. Революция в пении: антияпонские песни периода Яньани и формирование революционного дискурса КПК). 音乐研究, (4), 37–46.

9. 王美伟. (2016). 抗战歌曲与中国共产党的抗战宣传和社会动员 (Ван Мэйвэй. Антияпонские песни в пропаганде и социальной мобилизации Коммунистической партии Китая) (硕士学位论文). 南昌: 江西师范大学. 51页.
10. 文星林. (2024). 延安时期革命音乐社团活动研究 (Вэнь Синлин. Деятельность революционных музыкальных обществ в период Яньани). 延安大学学报（社会科学版）, *46*(6), 74–78.
11. 邬析零, 李焕之, 李凌, 张颖等口述, 丁旭东整理. (2025). 《黄河大合唱》的酝酿、诞生、首演与早期传播 (У Силин, Ли Хуаньчжи, Ли Лин, Чжан Ин и др.; сост. Дин Сюйдун. Подготовка, создание, премьера и раннее распространение «Кантаты о Желтой реке»). 百年潮, (9), 16–28. https://doi.org/10.16624/j.cnki.11-3844/d.2025.09.014
12. 夏佩婷. (2020). 延安鲁艺音乐社团研究 (Ся Пэйтин. Музыкальные общества Академии искусств имени Лу Синя в Яньани) (硕士学位论文). 沈阳: 沈阳音乐学院. 57页.
13. Camlin, D. A., Daffern, H., & Zeserson, K. (2020). Group singing as a resource for the development of a healthy public: A study of adult group singing. *Humanities and Social Sciences Communications*, *7*, Article 60. https://doi.org/10.1057/s41599-020-00549-0 EDN: https://elibrary.ru/UECQZB
14. Launay, J., Tarr, B., & Dunbar, R. I. M. (2016). Synchrony as an adaptive mechanism for large-scale human social bonding. *Ethology*, *122*(10), 779–789. https://doi.org/10.1111/eth.12528
15. Mogan, R., Fischer, R., & Bulbulia, J. A. (2017). To be in synchrony or not? A meta-analysis of synchrony's effects on behavior, perception, cognition and affect. *Journal of Experimental Social Psychology*, *72*, 13–20. https://doi.org/10.1016/j.jesp.2017.03.009
16. Pearce, E., Launay, J., & Dunbar, R. I. M. (2015). The ice-breaker effect: Singing mediates fast social bonding. *Royal Society Open Science*, *2*(10), Article 150221. https://doi.org/10.1098/rsos.150221
17. Pearce, E., Launay, J., van Duijn, M., Rotkirch, A., David-Barrett, T., & Dunbar, R. I. M. (2016). Singing together or apart: The effect of competitive and cooperative singing on social bonding within and between sub-groups of a university fraternity. *Psychology of Music*, *44*(6), 1255–1273. https://doi.org/10.1177/0305735616636208
18. Pearce, E., Launay, J., MacCarron, P., & Dunbar, R. I. M. (2017). Tuning in to others: Exploring relational and collective bonding in singing and non-singing groups over time. *Psychology of Music*, *45*(4), 496–512. https://doi.org/10.1177/0305735616667543
19. Savage, P. E., Loui, P., Tarr, B., Schachner, A., Glowacki, L., Mithen, S., & Fitch, W. T. (2021). Music as a coevolved system for social bonding. *Behavioral and Brain Sciences*, *44*, Article e59. https://doi.org/10.1017/S0140525X20000333 EDN: https://elibrary.ru/PVIWSU

20. Tarr, B., Launay, J., & Dunbar, R. I. M. (2014). Music and social bonding: "Self-other" merging and neurohormonal mechanisms. *Frontiers in Psychology*, *5*, Article 1096. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01096
21. Weinstein, D., Launay, J., Pearce, E., Dunbar, R. I. M., & Stewart, L. (2016). Group music performance causes elevated pain thresholds and social bonding in small and large groups of singers. *Evolution and Human Behavior*, *37*(2), 152–158. https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2015.10.002
22. Wiltermuth, S. S., & Heath, C. (2009). Synchrony and cooperation. *Psychological Science*, *20*(1), 1–5. https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02253.x

References

1. Mao Zedong. (1968). Speech at the Yan'an Forum on Literature and Art. In *Selected Works of Mao Zedong* (Vol. 3, pp. 847–879). Beijing: Foreign Languages Press.
2. Yang Boyuan. (2025). Music and educational activities of the Chinese folk composer Xian Xinghai. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, *13*(2), Article 31PDMN225.
3. Dong Tuan. (1981). On the theory and practice of musical nationalization by He Luting during the period of national salvation and the Anti-Japanese War. *Journal of the Central Conservatory of Music*, (4), 59–67. [试论贺绿汀在救亡和抗战时期音乐民族化的理论和实践]
4. Han Xiao. (2020). Song activities during the Yan'an period: A study based on the Shaanxi-Gansu-Ningxia Border Region (Doctoral dissertation). Beijing: Central Party School of the CPC (National Academy of Governance). 129 p. [延安时期歌咏活动研究—以陕甘宁边区为主]
5. Hu Jinyu, Xiang Luyao. (2025). Exploring the expression of revolutionary discourse in the "red songs" of the Yan'an period. *New West*, (7), 142–146. https://doi.org/10.16721/j.cnki.cn61-1487/c.2025.07.003 [延安时期红色歌曲对革命话语的表达探究]
6. Ma Jingyan. (2023). Music and outreach activities of the Central China branch of Lu Xun Academy of Arts during the Anti-Japanese War (Master's thesis). Nanjing: Nanjing University of the Arts. 118 p. [抗战时期华中鲁艺音乐传播活动研究]
7. Meng Hong, Shen Lei. (2015). Unforgettable melodies: "The Production Cantata," "Nanniwan," and "The Army and People Develop Production"—sounding the strong voice of the era. *Party History Digest (Documentary)*, (10), 47–51. [难忘的旋律之：《生产大合唱》《南泥湾》《军民大生产》—奏响时代强音]
8. Wang Haijun, Xiong Weina. (2021). The revolution in singing: Anti-Japanese war songs of the Yan'an period and the shaping and expression of CPC revolutionary discourse. *Music Research*, (4), 37–46. [歌唱的革命—延安时期的抗战歌曲与中共革命话语的塑造与表达]

9. Wang Meiwei. (2016). Anti-Japanese war songs in the propaganda and social mobilization of the Chinese Communist Party (Master's thesis). Nanchang: Jiangxi Normal University. 51 p. [抗战歌曲与中国共产党的抗战宣传和社会动员]
10. Wen Xinglin. (2024). Activities of revolutionary music societies during the Yan'an period. *Journal of Yan'an University (Social Science Edition)*, *46*(6), 74–78. [延安时期革命音乐社团活动研究]
11. Wu Xiling, Li Huanzhi, Li Ling, Zhang Ying, et al.; compiled by Ding Xudong. (2025). The gestation, birth, premiere, and early dissemination of "The Yellow River Cantata". *Century Tide*, (9), 16–28. https://doi.org/10.16624/j.cnki.11-3844/d.2025.09.014 [《黄河大合唱》的酝酿、诞生、首演与早期传播]
12. Xia Peiting. (2020). Music societies of the Lu Xun Academy of Arts in Yan'an (Master's thesis). Shenyang: Shenyang Conservatory of Music. 57 p. [延安鲁艺音乐社团研究]
13. Camlin, D. A., Daffern, H., & Zeserson, K. (2020). Group singing as a resource for the development of a healthy public: A study of adult group singing. *Humanities and Social Sciences Communications*, *7*, Article 60. https://doi.org/10.1057/s41599-020-00549-0 EDN: https://elibrary.ru/UECQZB
14. Launay, J., Tarr, B., & Dunbar, R. I. M. (2016). Synchrony as an adaptive mechanism for large-scale human social bonding. *Ethology*, *122*(10), 779–789. https://doi.org/10.1111/eth.12528
15. Mogan, R., Fischer, R., & Bulbulia, J. A. (2017). To be in synchrony or not? A meta-analysis of synchrony's effects on behavior, perception, cognition and affect. *Journal of Experimental Social Psychology*, *72*, 13–20. https://doi.org/10.1016/j.jesp.2017.03.009
16. Pearce, E., Launay, J., & Dunbar, R. I. M. (2015). The ice-breaker effect: Singing mediates fast social bonding. *Royal Society Open Science*, *2*(10), Article 150221. https://doi.org/10.1098/rsos.150221
17. Pearce, E., Launay, J., van Duijn, M., Rotkirch, A., David-Barrett, T., & Dunbar, R. I. M. (2016). Singing together or apart: The effect of competitive and cooperative singing on social bonding within and between sub-groups of a university fraternity. *Psychology of Music*, *44*(6), 1255–1273. https://doi.org/10.1177/0305735616636208
18. Pearce, E., Launay, J., MacCarron, P., & Dunbar, R. I. M. (2017). Tuning in to others: Exploring relational and collective bonding in singing and non-singing groups over time. *Psychology of Music*, *45*(4), 496–512. https://doi.org/10.1177/0305735616667543
19. Savage, P. E., Loui, P., Tarr, B., Schachner, A., Glowacki, L., Mithen, S., & Fitch, W. T. (2021). Music as a coevolved system for social bonding. *Behavioral and Brain Sciences*, *44*, Article e59. https://doi.org/10.1017/S0140525X20000333 EDN: https://elibrary.ru/PVIWSU
20. Tarr, B., Launay, J., & Dunbar, R. I. M. (2014). Music and social bonding: "Self-other" merging and neurohormonal mechanisms. *Frontiers in Psychology*, *5*, Article 1096. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01096

21. Weinstein, D., Launay, J., Pearce, E., Dunbar, R. I. M., & Stewart, L. (2016). Group music performance causes elevated pain thresholds and social bonding in small and large groups of singers. *Evolution and Human Behavior*, *37*(2), 152–158. https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2015.10.002
22. Wiltermuth, S. S., & Heath, C. (2009). Synchrony and cooperation. *Psychological Science*, *20*(1), 1–5. https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02253.x

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Лю Юнсюй, аспирант Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет
Менделеевская линия, 5, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
liuyongxu0619@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Liu Yongxu, Postgraduate Student, Institute of Philosophy
Saint Petersburg State University
5, Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation
liuyongxu0619@gmail.com

Поступила 20.08.2026 Received 20.08.2026
После рецензирования 17.09.2026 Revised 17.09.2026
Принята 22.09.2026 Accepted 22.09.2026

Теория и история культуры, искусства / Theory and History of Culture, Art

Научная статья
DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-3-367
УДК 130.2

Original article
EDN: JEEPEW

Культура и искусство как совокупность способов деятельности и ее результатов

А.А. Фиськов
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В статье приводятся суждения по рассматриваемой проблеме известных культурологов, искусствоведов и философов, дается трактовка автора по отношению к их доводам и некоторым выводам. Формулируются понятия «деятельность», «способы деятельности», «художественно-творческая деятельность». В работе приводится характеристика различных подходов, инструментов и методов, используемых философской наукой, культурологией, а также искусствоведением в процессе изучения способов деятельности и её результатов. Даются определения сущности следующих понятий: «искусство», «язык искусства», «творчество», «культура».

Цель – осветить проблематику оценки некоторых понятий в культурологии и искусствоведении с философской точки зрения**.**

Материалы и методы. При написании статьи использованы научные труды отечественных и зарубежных ученых в области философии, искусствоведения и культурологии. В работе автором применялись следующие методы: преиконографический, иконографический, иконологический.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что автор дополняет характеризующие элементы в понятия «культура» и «искусство» с философской точки зрения. Эти понятия возможно интерпретировать как определенную совокупность видов и форм деятельности, то есть специфический род человеческой деятельности, направленной на преобразование окружающей действительности благодаря способности человека к созданию нового художественного творения исходя из его творческих замыслов, фантазии и возможности реализации запланированного творения с помощью обретенных знаний, а также освоения новых технологий с опорой на исторический опыт. Культура может рассматриваться в качестве кода, расшифровку которого способен сделать человек творческий, незаурядный и способный к преобразованию действительности. Философские теории и

аналитические исследования в сфере понятий «культура» и «художественно-творческая деятельность» содействуют создателям произведений искусства в получении и использовании на практике разработанные системные методы, позволяющие глубже и основательнее проникать в область познания мира и преобразования реальности. Исходя из названного выше постулата понятие «культура» является по своему научному значению одним из основных звеньев в ряде социальных наук, взаимно обогащающим данные учения и аккумулирующимся в результатах художественной деятельности; художественная деятельность является самостоятельным эстетическим видом творчества в области искусства. Искусство хранит в себе важную информацию о зарождении и развитии человеческой цивилизации, сложность и многообразие смысловых взаимодействий человека с окружающим миром, уникальность каждого из творцов в области художественного творчества. Таким образом, философия не только перечисляет и дает оценку свойствам понятия «культура», она дает глубокий анализ этого явления в человеческой жизнедеятельности и позволяет понять культуру как целостный феномен.

Результаты исследования философских теорий и аналитических изысканий в сфере понятий «культура», «искусство» и «художественно-творческая деятельность» могут содействовать создателям произведений искусства в получении и использовании на практике разработанных системных методов, позволяющих глубже и основательнее проникать в область познания мира и преобразования реальности. Данные теоретические выводы можно применять в сфере образования по философии, культурологии и искусствоведению.

Ключевые слова: культура; деятельность; художественное творчество; искусство; традиции; специфика в культурологии

Для цитирования. Фиськов, А. А. (2026). Культура и искусство как совокупность способов деятельности и ее результатов. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, *10*(3), 214-239. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-367

Culture and art as a totality of activity and its results

A.A. Fiskov
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

Background. The article presents the viewpoints of prominent culturologists, art historians, and philosophers on the problem under consideration, offers the author's interpretation of their arguments and some of their conclusions, and formulates the concepts of "activity", "modes of activity", and "artistic and creative activity". The paper

characterises various approaches, tools, and methods employed by philosophical science, culturology, and art history in the study of modes of activity and their outcomes. It also provides definitions for the essence of the following notions: "art", "language of art", "creativity", and "culture".

Purpose. The aim of this article is to briefly address the issues related to the evaluation of certain concepts in culturology and art history from a philosophical perspective.

Materials and methods. The article draws on scholarly works by domestic and foreign researchers in the fields of philosophy, art history, and culturology. The author were applied the pre-iconographic, iconographic, and iconological methods.

Results. The study supplements the defining elements of the concepts of "culture" and "art" from a philosophical standpoint. These concepts can be interpreted as a specific set of types and forms of activity – that is, a particular kind of human activity aimed at transforming the surrounding reality through the individual's capacity to create new artistic works based on creative intentions, imagination, and the ability to realise the conceived work with the help of acquired knowledge, as well as by mastering new technologies grounded in historical experience. Culture can be regarded as a code that can be deciphered by a creative, outstanding individual capable of transforming reality. Philosophical theories and analytical studies in the field of the concepts "culture" and "artistic and creative activity" assist art creators in acquiring and applying systematic methods that allow for a deeper and more thorough exploration of the sphere of world cognition and reality transformation. Based on the above postulate, the notion of "culture" is, in its scientific meaning, one of the key components within a range of social sciences: it mutually enriches these disciplines and accumulates in the outcomes of artistic activity. Artistic activity is an independent aesthetic form of creativity within the domain of art. Art preserves significant information about the emergence and development of human civilisation, the complexity and diversity of semantic interactions between the individual and the surrounding world, and the uniqueness of each creator in the field of artistic practice. Thus, philosophy does not merely list and evaluate the attributes of the concept "culture"; it provides an in-depth analysis of this phenomenon in human life and enables an understanding of culture as an integral phenomenon.

The results of the research into philosophical theories and analytical inquiries in the spheres of "culture", "art", and "artistic and creative activity" can help creators of artworks acquire and apply systematic methods in practice, enabling a more profound and substantial penetration into the realm of world cognition and reality transformation. These theoretical findings can be applied in educational contexts within the disciplines of philosophy, culturology, and art history.

Keywords: culture; activity; artistic creativity; art; traditions; specificity in culturology

For citation. Fiskov, A. A. (2026). Culture and art as a totality of activity and its results. *Russian Studies in Culture and Society*, *10*(3), 214-239. https://doi.org/10.12731/2576-9782-2026-10-3-367

Введение

Актуальность работы обусловлена необходимостью корреляции ряда взаимосвязанных направлений междисциплинарного характера, используемых при исследовании результатов художественно-творческой деятельности.

В течение последних 15-20-ти лет на фоне трансформации культурной жизни общества наблюдается смещение акцента в понимании природы искусства, форм и способов его проявления, определенных признаков его участия в общественной жизни. Это повлекло за собой изменения в структуре художественно-творческой деятельности, а также в её внутреннем содержании смыслового целого и ориентации творческого процесса. По мнению Т.Е. Шехтер (Искусство как образ мира, стр. 359), среди признаков современного искусства можно назвать, в первую очередь, проявившуюся тенденцию к стиранию границ между жизнью и искусством, окружающим миром и его художественным наполнением. Другим признаком изменений является смысловая направленность и глубина искусства. До недавнего времени искусство понималось как деятельность, отражающая процессы и факты реальной действительности и представления эпохи о незыблемых истинах. Теперь же создаются сложные произведения искусства, содержание которых понимается лишь благодаря напряженной работе воображения. Поэтому растет интерес к коцептуализации художественного творчества. Формируются новые виды и жанры искусства, происходит обновление их взаимодействия. Искусство становится сферой не только транслирующей, но и активно формирующей интеллектуальные процессы в обществе.

В настоящее время в научной среде видна определённая востребованность в формировании базовых категорий на фоне отсутствия чётких рамок между такими дисциплинами, как история искусства и культурология. В современных гуманитарных исследованиях понятия «культура», «искусство», «творчество» нередко используются в качестве почти тождественных определений. При этом имеется явный дефицит строгой терминологической проработки. Подобное положение дел ведёт к смысловым противоречиям и методологическим нестыковкам при сопоставлении выводов в философии, культурологии и

искусствоведении. Предложенная автором настоящей статьи трактовка и уточнение содержания этих понятий позволяют выстроить более строгую понятийную схему, способную прояснить ситуацию в трактовке художественных произведений и их философском понимании.

В XXI веке усиливается запрос на осмысление понятий «культура» и «искусство» посредством философской методологии в области идей, восходящих к эллинистической философии, западноевропейской классической философии, а также к работам отечественной философской школы. Настоящее исследование актуализирует эту проблематику, раскрывая специфику «художественно-творческой деятельности» как особого типа деятельности, сочетающего целеполагание, свободу, воображение и воплощение на практике.

Проявляется также потребность в интеграции философской мысли с определенными методами искусствоведческого и культурологического анализов художественно-творческой деятельности**.** Философия способна задать общие понятия и критерии оценки. Однако без соотнесения с существующими методами (иконологический, преиконографический и др.) философские обобщения сохраняют довольно абстрактный характер. В данной статье эта взаимосвязь проводится целенаправленно: философское осмысление понятий «культура», «искусство» и «деятельность» напрямую увязывается с инструментарием, который позволяет фиксировать и интерпретировать результаты творческой деятельности в конкретных произведениях.

Учеными в рассматриваемой сфере деятельности наблюдается возрастание роли междисциплинарных подходов в изучении искусства и культуры. Современным исследованиям характерен синтез эпистемологических, семиотических, институциональных и историко-художественных методологий и явлений. Предлагаемая трактовка культуры открывает возможности для институционального анализа арт-рынка и институций в художественно-творческой деятельности.

Практическая востребованность системных методов в искусствоведческой и музейно-выставочной деятельности

Разработка конкретных философских определений и методов позволяет кураторам, исследователям и преподавателям последовательно

описывать и интерпретировать произведения, выстраивать экспозиции, разрабатывать образовательные программы и формулировать критерии оценки художественных явлений. Таким образом, работа отвечает не только теоретическим, но и прикладным потребностям гуманитарного знания.

Новизна исследования заключается в следующих аспектах:

Авторская интеграция различных определений понятий «искусство» и «культура». В отличие от традиционного мнения ученых, относящих культуру либо к собранию артефактов, либо к системе правил и ценностных ориентиров, в данной статье эти понятия трактуются несколько иначе. Культура представляет собой исторически складывающуюся систему смыслов, ценностей и результатов практической деятельности, проявляющуюся в символических формах: языках, ритуалах, видах искусствоведческой деятельности. При этом она формируется под влиянием социальных норм, общественных отношений, научного потенциала и потребностей человека. В этой области человеческой деятельности важен опыт предыдущих мастеров и создание произведений искусства, близких по своей сути к объектам реального мира.

Искусство представляет собой особый вид деятельности, которая отражает процессы и факты реальной действительности, представления эпохи о вечных, незыблемых постулатах. Его внутренним содержанием являются образы субъективного творческого сознания. Вместе с тем необходимо отметить тот факт, что в настоящий период времени предметом художественно-творческой деятельности зачастую выступают парадоксальные смысловые образования, призванные запечатлеть свойства и качества реальности, не имеющие логического или мифологического объяснения. Сложные художественные произведения зачастую можно понять только благодаря напряженной работе воображения. Поэтому наблюдается растущий интерес к концептуализации художественного процесса.

Уточнение и дифференциация понятий «деятельность», «способы деятельности», «художественно-творческая деятельность»

В работе эти категории не используются как синонимы, а получают чёткие содержательные границы и взаимные отношения.

Художественно-творческая деятельность выделяется как особый тип деятельности, в котором сочетаются свобода замысла, работа с воображением, освоение технологий и опора на исторический опыт. Такая дифференциация позволяет точнее анализировать творческий процесс и его результаты.

Иконологический метод, разработанный Эрвином Панофским, используется для интерпретации замысла и особенностей определенного произведения художественно-творческой деятельности. В данной работе, наряду с указанным методом, в ходе исследования феноменов наскальной живописи в пещере Ласко, применялся преиконографический метод. С его помощью происходит фиксация первичных мотивов и форм исследуемого объекта. Там же автором статьи использовался и иконографический метод, заключающийся в анализе произведений изобразительного искусства. Этот метод ориентирован на выявление, описание и систематизацию устойчивых схем, типов и мотивов изображения персонажей, сюжетов и символов. Его главная задача состоит в установлении того, что изображено и по каким устоявшимся канонам это изображение выполнено. На следующем этапе, благодаря эпистемологическому анализу, представляется возможным выяснить каким образом знание, опыт и способы деятельности художника и искусствоведа формируют понимание произведения. Подобный порядок исследования расширяет аналитический потенциал иконологии и делает её более значимой в разряде методологического набора средств познания.

Новые способы интерпретации понятий «культура» и «искусство» в качестве звеньев, взаимно обогащающих социальные науки

В настоящей статье подчёркивается, что указанные понятия не являются изолированными, а служат связующими звеньями между такими науками, как философия, культурология и история искусства. Они вбирают в себя результаты художественно-творческой деятельности и одновременно задают определенные требования для осмысления и трактовки, образуя своего рода конгломерат методологий. Такой взгляд позволяет по-новому увидеть место искусствоведческих исследований в системе гуманитарного знания.

Актуализация философских теорий применительно к современным практикам художественно-творческого процесса и арт-рынка

В этой работе трактовки понятий «культура» и «искусство» не просто цитируются, а переводятся в плоскость конкретных аналитических инструментов. Это предоставляет возможность использовать философские концепции в качестве системного метода для анализа реальных художественных и институциональных практик. Таким образом, исследование сочетает методологическую составляющую с практической применимостью. При этом предлагается обновлённый понятийный набор средств и рабочий методологический инструментарий для анализа культуры и искусства в междисциплинарном пространстве.

Обзор иностранной и отечественной литературы

Согласно учению немецкого философа Мартина Хайдеггера, произведение искусства представляет собой отнюдь не простой предмет, созданный руками человека. Его создание не является волей случая. Хайдеггер раскрывает сущность искусства не через красоту или психологию творчества, а через проблему истины и бытия.

Творить, по мнению Хайдеггера, означает запечатлевать значимое, сделать его незабвенным. Бытие произведения искусства проявляется через его сохранность: это не пассивное удержание, а способ становления творения тем, чем оно призвано быть. Далее Хайдеггер указывает, что произведение искусства представляет собой не просто эстетический объект: в нём бытие являет себя само, а не выступает плодом лишь субъективной воли художника. Творческий процесс художника предстаёт перед нами как сложное событие самораскрытия бытия.

Культура охватывает всё созданное человечеством, начиная от материальных форм до духовных смыслов и норм. В этом контексте искусство представляет собой фундаментальную основу культурного освоения действительности, своего рода её духовное «ядро». Художник не творит в изоляции: на него воздействуют ценности эпохи, исторический контекст и доминирующие идеи общества. В

то же время искусство активно преобразует культуру: формирует новые эстетические ориентиры, побуждает к рефлексии и порой трансформирует мировоззрение.

Э.С. Маркарян рассматривает культуру в качестве специфического механизма человеческой деятельности и эволюционной самоорганизации социальной жизни. Особое значение для характеристики культуры как целостного объекта научного исследования имеет разработка понятия «способ деятельности». Он отмечал, что «…при рассмотрении процесса деятельности любой объективированный элемент культуры так или иначе призван служить средством ее актуализации (стимуляции, программирования, реализации, физического жизнеобеспечения и т. д.), а тем самым включатся в понятие «способ деятельности»» [16, с. 115]. Далее он констатировал: «Культура есть общий способ человеческого существования, способ человеческой деятельности и объектированный в различных продуктах (орудиях труда, обычаях, системе представлений о добре и зле, прекрасном и уродливом, средствах коммуникации и т.д.) результат этой деятельности, который может включать в себя как элементы, имеющие положительное значение для функционирования социальной системы, так и элементы с отрицательным значением» [17, с. 131].

Американский культуролог и антрополог Клиффорд Джеймс Гирц в работе «Интерпретация культур» применительно к культуре предложил смотреть на человеческие действия не как на голые факты, а как на символические акты, смысл которых «зашит» в культурном контексте. То есть культура для него – это «паутина смыслов», которую люди сами сплетают. Задача исследователя заключается не просто в фиксации определенных действий, а в его наполнении контекстом. Указанный автор отказывается видеть в культуре лишь набор поведенческих паттернов или психологических явлений и описывает данное понятие как систему символов и смыслов, созданных людьми и в которых они «запутаны». К. Гирц подчеркивает: культура не является причиной событий в прямом смысле (ее нельзя «приписать» как силу). Она задает контекст, в рамках которого действия и институты становятся осмысленны-

ми. С философской точки зрения связь искусства и культуры очень глубока – они не просто соседствуют, а взаимно формируют друг друга и совместно работают на понимание сущности человека и мира. «Концепция культуры, которой я придерживаюсь и полезность которой пытаюсь показать в собранных в этой книге очерках, является по существу семиотической. Разделяя точку зрения Макса Вебера, согласно которой человек- это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов, я принимаю культуру за эту паутину, а её анализ – за дело науки не экспериментальной, занятой поисками законов, но интерпретативной, занятой поисками значений. Выявление и разъяснение значения – именно та цель, которую я преследую, когда разбираю внешне загадочные выражения социального» – считает К. Гирц [14, с.11].

При этом у философии и искусства (а через философию – и у связи с культурой в целом) разные инструменты, но общая цель – помочь человеку осмыслить бытие. Искусство проявляется в образах, эмоциях, чувственном восприятии. Оно моделирует целостный человеческий опыт, позволяет прочувствовать сложные состояния, увидеть мир под необычным углом.

Важно отметить, что философия и искусствоведение пересекаются: искусство способно философствовать (нести в себе глубокие идеи), а философия обращаться к искусству в роли источника материалов для размышлений. Гегель, например, считал, что у искусства, религии и философии одинаковое содержание, но разная форма раскрытия: искусство познает через эстетику, философия – через понятия.

В рамках эстетики (раздела философии) эта связь изучается наиболее системно. Она задается вопросами: что такое прекрасное? В чем сущность творчества? Каким образом искусство влияет на человека и культуру? Эстетика анализирует процесс воплощения в художественных произведениях мировоззренческих установок эпохи, а также изменение представлений о красоте и смысле искусства.

Однако эта взаимосвязь не всегда гармонична. В разные эпохи возникали споры: например, когда новые художественные направления (авангард, постмодерн и т.п.) вступали в противоречие с устоявши-

мися философскими и культурными нормами. Такие философы как, например, испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет, анализировали подобные явления, размышляя, как изменения в искусстве отражают более глубокие трансформации в культуре и сознании людей.

Иначе говоря, с философской позиции искусство и культура не просто сосуществуют – они находятся в постоянном диалоге. Искусство питает культуру, воплощая в образах то, что философия затем может проанализировать и задать определенную модель для культуры, помогая понять современный вектор движения в художественно-творческой деятельности. В этом и есть связь с философией деятельности: акцент смещается с самого действия как физического факта на действие со смыслом, на то, каким образом люди анализируют свои поступки и наполняют новыми идеями культуру. Клиффорд Гирц отмечал в своих работах: чтобы понять деятельность в культурном ключе, нужно расшифровать символические слои, которые её окружают.

Рассматриваемый подход дал культурологии мощный методологический инструмент для практического применения в следующих научных областях:

В этнографии. Исследователь, используя исходное описание, не просто перечисляет ритуалы или обычаи, а пытается понять смысловое содержание, вложенное в них участниками; каким образом эти смыслы связаны с более широкими культурными структурами (например, с системой ценностей, мифологией, социальной иерархией). При анализе символов и знаков Гирц предлагает рассматривать любые культурные феномены (язык, искусство, повседневные практики) в форме текстов, которые нужно «читать». Например, он анализировал действие религиозных символов, либо идеологических конструкций, а также формирование ими настроения и мотивации.

Разработанная Гирцом методология трактовки понятий «культура» и «искусство» используется также историками, социологами, исследователями медиа-пространства, то есть там, где нужно глубоко понять формирование в определённой культуре смысловой конструкции [15, с. 271].

Конечно, у подхода есть и критики. Например, обсуждают проблему субъективности интерпретатора: каким образом гарантировать, что исследователь не навяжет свои смыслы, а действительно «услышит» тех, кого изучает. Но, несмотря на это, идея Гирца в значительной степени изменила ландшафт гуманитарных наук: она сместила фокус с поиска универсальных закономерностей на изучение методов создания и работы смыслов в конкретных контекстах.

Американский культуролог Френсис Мерил говорил, что «вначале возникает общество, а затем – культура»» [18, с. 397].

Другой культуролог США Лесли Уайт полагает, что понятие «культура» требуется для отличия сферы человеческой деятельности от сферы биологической жизни. Он указывал: «Культура, следовательно, есть класс вещей и событий, зависящих от символизации, рассматриваемый в экстрасоматическом контексте» [19, с. 234]. Далее следует его формулировка, прямо противопоставляющая культуру биологическому механизму выживания: «Культура – это экстрасоматическое средство приспособления человеческого организма» [20, с. 127].

Понятие «культура», которое Стюарт Чейз назвал «краеугольным камнем» социальных наук, а другие западные авторы сравнивают по своему общему научному значению с понятиями гравитация в физике, болезни в медицине, эволюции в биологии и т.д., выражает не что иное, как функцию социальной системы, специфически характерный для людей способ деятельности.

По мнению Яна Верстегена произведение искусства есть реальный объект со своей онтологией, то есть это целостная форма, которая не сводится к сумме частей, но и не поглощает их. Далее он указывает, что знание об этом объекте является предварительным, поскольку исследователь способен лишь приблизиться к реальности объекта через эмпирические методы, но не сможет получить окончательное, исчерпывающее описание.

В эпоху развития искусственного интеллекта американская исследовательница, критик и куратор Хан Нора Хадид выступает за развитие новых критических установок в сфере истории искусства и культу-

ры, которые позволят трактовать AI-изображения не как автономное машинное видение, а как зеркала, отражающие нашу собственную визуальную культуру – искажённую и рекомбинированную согласно вычислительной логике. Со времён вальтер-беньяминовского «Произведения искусства в эпоху его технической воспроизводимости» гуманистическая арт-критика не сталкивалась с подобным вызовом. Хан Н.Д. исследует формы взаимодействия современных критиков с искусством на основе машинного обучения, контекстуализировать его и эффективно его критиковать. Она обсуждает масштаб и скорость, с помощью которых новые технологии, компьютерное обучение и искусственный интеллект стёрли индивидуальную способность к критической оценке, побуждая нас задуматься о возможном звучании общей, коллективной оценки искусственного интеллекта.

Основные методологические новации Фалька Хюбнера представляют собой модель «Common Ground», то есть трёхслойную систему исследования искусства. Эта модель работает в трёх полностью взаимосвязанных слоях: внутренний слой касается проектирования методов исследования через пять перспектив: сущности, деятельности, документация, рефлексия и обучение/переживание/знание. Внешний слой работает на уровне дизайна исследования, с его элементами коллекции, структуры и времени. Обе сферы окружены слоем эмерджентности (появление у системы новых свойств, которых нет ни одного из её отдельных элементов).

В чем заключается новация. Модель Фалька Хюбнера – первая, которая объединяет проектирование отдельных методов и общий дизайн исследования в единую архитектуру, оставляя при этом пространство для непредсказуемости. Фальк Хюбнер отказывается от традиционного понимания метода как фиксированной процедуры, выбираемой из каталога (интервью, наблюдение, контент-анализ и так далее). Вместо этого он предлагает переопределение метода как неиерархической сети пяти элементов:

Сущности (Entities) – кто и что участвует в исследовании: люди (исследователь, соавторы, аудитория), но также нечеловеческие акторы (материалы, инструменты, пространства, технологии).

Деятельности (Activities) – что делается: создание, исполнение, наблюдение, экспериментирование, импровизация.

Документация знание (Learning/Experiencing/Knowing) – воплощенное знание, эстетический опыт. (Documentation) – каким образом фиксируется процесс: записи, фото, видео, звук, эскизы, дневники.

Рефлексия (Reflection) – как осмысляется процесс: критическое письмо, обсуждение, обратная связь.

Обучение /переживание/.

Возможно, самая оригинальная его новация состоит в помещении эмерджентности в самый центр методологии. Фальк Хюбнер не просто констатирует, что в художественном исследовании случается непредвиденное (это отмечали и до него – например, Хенк Боргдафф). Он делает эмерджентность структурным элементом дизайна: «Главный аргумент, который я здесь выдвигаю – или, точнее, методологическое ядро предлагаемой модели, – состоит в том, что дизайн и эмерджентность тесно связаны и переплетены. Это часть того видения методологии, которое предлагается здесь. Речь идёт о методологическом видении, в котором тщательная подготовка и дизайн, с одной стороны, и возникающие элементы, деятельности и находки, с другой, глубоко переплетены: эти два «полюса» обусловливают и глубоко влияют друг на друга» [22, с. 161]. Хюбнер называет это «базовым методологическим напряжением» (basic methodological tension) между запланированным и возникающим. В художественном исследовании приведенные выше три уровня часто сливаются или подменяются друг другом. Хюбнер показывает, что можно (и нужно) обсуждать метод, не редуцируя его к методологии, и наоборот – обсуждать методологические предпосылки, не теряя конкретики метода.

Немецкий философ Стефан Лоренц Зоргнер разработал методологическую систему для эстетического анализа искусства в эпоху постгуманизма, начиная от биоарта и кибер-музыки до криптоискусства. При этом он не отказывается от предшествующих эстетических категорий, а подвергает их переосмыслению в рамках онтологии становления.

Интересна, на наш взгляд, метафора ученой из Казахстана Бермет Борубаевой о художественных методах: «Это как карамелизация наших художественных методов: например, сахар расплавишь, наложишь на какой-то объект, и у тебя останется слепок. Невидимые формы мы также производим – это запечатление момента производства знаний, и это даёт пищу для размышлений» [13, с.187].

Современные отечественные ученые о методологии в художественных исследованиях

С.М. Грачёва так определяет складывающуюся ситуацию в методологии художественно-творческой деятельности: «Традиционное искусствоведение, основанное на хронологическом изучении истории искусства, на доминировании истории над теорией, на выявлении художественных свойств и качества произведений искусства, на чувственно-эмоциональном восприятии, стремительно устаревает, сдавая свои позиции современным трансформациям визуальной культуры» [2, с.190].

Е.А. Попов считает, что методологию исследования искусства нельзя сводить к одному лишь искусствоведению. Он предлагает комплексный подход, объединяющий три научные области: социологию, культурологию и искусствоведение, каждая из которых привносит свои критерии анализа:

а) социология отвечает на вопросы о роли искусства в жизни человека и общества, а также о воздействии социума на искусство;

б) культурология работает с системой ценностей и знаково-символической природой искусства;

в) искусствоведение остаётся опорой для анализа идейно-художественного своеобразия конкретного произведения.

По его оценке, современное искусствоведение «ориентировано на междисциплинарность в большей степени, чем другие исследовательские направления» [10,с.147]. Одновременно Е.А. Попов критически оценивает поверхностное заимствование социологических методов искусствоведами – например, когда проводят упрощённый опрос зрителей выставки и выдают это за социологию искусства. «Методология в искусствоведении сегодня применяется самая раз-

нообразная – по сути, данная научная область в большей степени даже ориентирована на междисциплинарность, чем другие исследовательские направления. Но всё же комплексный подход, пожалуй, можно назвать основным в современном искусствоведении» – подчёркивает Попов [11, с. 152].

Результаты и обсуждение

Культура представляет собой специфический род человеческой деятельности, направленной на преобразование действительности посредством создания новых художественных форм. На взгляд автора статьи приведенное определение понятия «культура» синтезирует деятельностный подход, то есть совмещение понятий «труд», «производство», «действие» с эпистемологической и семиотической перспективой, что позволяет рассматривать культуру как динамическую систему, порождающую и транслирующую смыслы. Приведенные признаки понятия «культура» трактовала в своих работах, в частности, Ханна Арендт.

При этом не каждый результат человеческой деятельности может быть интерпретирован в качестве продукта культуры. Введение понятия «побочный результат человеческой деятельности» имеет важное значение для анализа многообразных результатов этой деятельности и отмежевания продуктов культуры от не относящихся к ней результатов человеческой деятельности. В определенных ситуациях различие между ними нивелируется. К примеру, у некоторых племен есть обычай отмечать следами костра границы своих земельных угодий. Эта практика земледелия дает основание интерпретировать следы от костра не как побочный результат человеческой деятельности, а именно как непосредственный продукт культуры. Однако это не так, поскольку в данном случае действия людей можно рассматривать как элемент их хозяйственной деятельности, не связанный с созданием даже примитивных форм художественного творчества, как, например, найденные в пещере Ласко наскальные изображения людей, животных и геометрических символов. Анри Брейль, будучи первым исследователем пещеры Ласко, выдвинул версию

о том, что предназначение наскальных изображений заключается в содействии успешной охоте. Эти рисунки имеют сакральный характер. Эту мысль развили последующие ученые, усматривающие в композициях мифологические признаки и взаимосвязь человека с духами. В качестве примера А. Брейль, а затем и Джозеф Кэмрбелл приводили изображение человека с птичьей головой. Расположено его изображение между наскальными рисунками бизона и носорога. Они полагали, что это рисунок шамана, а предмет с птицей на конце является его посохом. В этом случае мы имеем дело с выполненными древними людьми краской и гравировкой изображениями, представляющими собой яркий образец первобытного искусства.

Вот ещё один пример: в так называемом «Колодце» пещеры Ласко, расположенной во Франции, находится самое таинственное наскальное изображение, так называемая сцена «корриды». Эта фреска отличается от других изображений в пещере Ласко уникальным рисунком, воссоздающим эпизод драматического столкновения человека с быком. Уникальность сцены вкупе с ее иконографической выразительностью и особо сакральным значением рисунка привлекает повышенное внимание специалистов и породила многочисленные интерпретации в научных кругах. Тоже самое можно сказать и об изображениях в «Зале быков» (Ротонда) и в «Осевом проходе», где находятся интересные с искусствоведческой точки зрения наскальные рисунки пяти огромных быков. Кроме них в пещере имеются изображения лошади, оленей, медведя и загадочного единорога и т.д. Искусствоведы отмечают в росписях Ласко ряд признаков, свидетельствующих о развитой культуре и художественных навыках создателей: высокую степень реализма в передаче анатомии и динамики животных, использование сложных композиционных приёмов (например, «искажённой перспективы», когда тело зверя показано в профиль, а рога фронтально), а также применение полихромии, растушёвки и работы с рельефом стены. В качестве признаков культурной составляющей исследователи выделяют не только изобразительные решения, но и организацию пространства пещеры Ласко: неравномерную насыщенность разных зон пещеры

декором, что позволяет говорить о продуманной визуальной среде, а не о случайном наборе рисунков. Наряду с фигуративными изображениями абстрактных знаков (точек, линий, геометрических форм) искусствоведы трактуют рисунки как проявление символического мышления. Данные элементы, по их мнению, могли кодировать не только мифологические сюжеты, но и календарные циклы. Французский археолог, и исследователь первобытного искусства Андре Леруа-Гуран предложил структурный подход, выявив в распределении животных и знаков системность (например, пары «лошадь – бизон» как отражение дуалистических представлений) и предположив, что пещера функционировала как сакральное пространство для ритуалов.

Таким образом, очевидна принадлежность этих рисунков к произведениям первобытного искусства. Здесь приведены примеры, по сути, диаметрального значения и специфики как в культуре, так и просто в повседневном человеческом труде.

Однако, на взгляд автора настоящей статьи, существует и довольно сложный для понимания и интерпретации пример человеческой деятельности. А именно геоглифы на плато Наска (Перу), представляющие собой гигантские геометрические и фигурные изображения, созданные древней культурой в период 500 года до н.э. по 500 год н.э. Здесь также видны изображения животных и геометрические формы – треугольники, трапеции, спирали. Есть и антропоморфные изображения, как например, рисунок «астронавта». Только вот истинное назначение изображений на плато Наска не раскрыто учеными до сих пор. Есть различные версии: религиозная функция – линии могли служить путями для ритуальных шествий; астрономическая – многие линии ориентированы по сторонам света, и археологи предполагают, что часть из них могла использоваться как примитивный астрономический календарь. Вместе с тем, например, некоторые итальянские ученые отмечали, что часть линий коррелирует с расположением пукиос – уникальных подземных спиралевидных акведуков, созданных культурой Наска для доступа к грунтовым водам. По их мнению, линии могли служить указателями на источники воды или быть частью ритуалов, посвященных плодородию и воде. В случае

достоверности последней версии можно интерпретировать рассматриваемые линии на земле лишь как элемент сельскохозяйственной деятельности человека. Если это так, тогда зададимся вопросом: линии на плато Наска можно отнести к понятию «культурная деятельность», либо в данном случае мы имеем дело с деятельностью человека хозяйственного значения? Можно высказать предположение о признаках довольно высокого уровня познания древнего народа Наска в области земледелия и астрономии. Являются ли эти познания признаком понятия «культура»? На наш взгляд – да, так как мы имеем дело с такими признаками понятия «культура» в геоглифах плато Наска, как человекотворный характер, историчность, ценностный характер, деятельность и творчество, противопоставление природе, системность и целостность, нормативный (оценочный) аспект, связь с историей и развитием, символическая и знаковая природа, роль в становлении и развитии человека.

Возникновение культуры как надприродного способа деятельности не исключает ее единства с природой и не снимает учета природных факторов в ее развитии.

Исходя из данных выше определений, культуру нельзя воспринимать в отдельности от всех видов человеческой деятельности, от всех мыслей и чувств, настроений и деятельных порывов. Она не может быть сведена лишь к досугу, развлечениям и т.д. Культура представляет собой определенный способ деятельности, который вбирает в себя целостность всех своих моментов. Таким образом, культура есть деятельность, которая соответствует своему понятию как свободное, сознательное действие творческого человека.

Искусство является неотъемлемой составляющей жизни общества и реализуется посредством различных институтов культуры (образовательные учреждения, музеи, выставки, театры, кинематограф и т.д.). Все общественно значимое, существенное, характерное для целого, характерно и для частей этого целого, так как художественная культура и искусство в определенной мере отражают существенные изменения в жизни общества. На философском языке эту взаимосвязь можно охарактеризовать как соотношение понятий-категорий

«общего-особенного-единичного», проявляя при этом взаимосвязь культуры общества в качестве общего, художественной культуры в виде особенного и искусства, как единичного. Названные понятия наделены постоянной взаимозависимостью частей единичного целого.

Культура общества представляет собой совокупность социальных, духовных и материальных ценностей, деятельность по их созданию, распространению и освоению. Необходимо отметить, что понятие «культура» является многозначным, включающим в себя несколько значений и смысловых аспектов.

Автор монографии «Художественная деятельность в пространстве культуры общества» Л.Н. Дорогова высказывает свое мнение относительно смысловых аспектов в рассматриваемом понятии. Первый смысловой аспект понятия «культура» включает в себя все, что создано руками человека и окружает его, то есть то, что не является природой, достигнутый уровень конкретного государства, народа, его населяющего. В качестве примера она приводит ознакомление с культурами разных стран во время путешествий, например, по странам Южной Америки. Здесь имеются в виду, по мнению Л.Н. Дороговой, все аспекты культурного развития: материальное, социальное, духовное развитие, общее состояние различных областей жизнедеятельности государств.

Полагаю данное суждение Л.Н. Дороговой не совсем верным. Путешествия могут иметь различные цели и пожелания людей: это и просто пляжный отдых, к примеру, и шоппинг, и поездка в связи с потенциальным знакомством для возможного заключения брака в будущем и т.д. В перечисленных случаях путешественник вряд ли ставит своей целью ознакомление с различными спектрами жизнедеятельности определенного народа и характеристиками конкретного государства, которое он посещает. Он реализует свое определенное пожелание, далеко не всегда связанное с ознакомлением материального, духовного, социального и прочих аспектов государственного и общественного устройства посещаемой страны.

Одним из смысловых аспектов культуры Дорогова считает уровень достаточно высокого качественного состояния чего-либо, степень

развития какого-либо качества деятельности. Здесь она приводит пример: культура использования воды в республиках Средней Азии находится выше, чем в средней полосе России... В этом высказывании она говорит о бережливости, стремлении использования воды только по прямому назначению в связи с ее недостатком в засушливой местности. На наш взгляд в этом примере речь идет не о каком-то признаке понятия «культура», а о банальной хозяйственной деятельности человека и его бытовых нуждах. И никаким аспектом рассматриваемого понятия быть не может, поскольку здесь отсутствует духовная и творческая составляющие понятия «культура». «Культура производства», «культура обслуживания посетителей», как составляющие третьего аспекта по мнению Дороговой, не могут быть составляющими звеньями понятия «культура», поскольку эти понятия имеют отношение к сфере хозяйственно-бытового уклада конкретного народа и общества. Поэтому предлагаемое Дороговой определение «материальная культура», на наш взгляд, не совсем точно отражает суть рассматриваемого понятия.

Заключение

Культура может рассматриваться в качестве кода, расшифровку которого способен сделать человек творческий, незаурядный и способный к преобразованию действительности. Философские теории и аналитические исследования в сфере понятий «культура» и «художественно-творческая деятельность» содействуют создателям произведений искусства в получении и использовании на практике разработанные системные методы. Они позволяют глубже и основательнее проникать в область познания мира и преобразования реальности. Исходя из названного выше определения понятие «культура» является по своему научному значению одним из основных звеньев в ряде социальных наук, взаимно обогащающим данные учения и аккумулирующимся в результатах художественной деятельности. Художественно-творческая деятельность является самостоятельным эстетическим видом творчества в области искусства. Искусство хранит в себе важную информацию о зарождении и развитии

человеческой цивилизации, сложность и многообразие смысловых взаимодействий человека с окружающим миром, уникальность каждого из творцов в области художественного творчества. Таким образом, философия не только перечисляет и дает оценку свойствам понятия «культура», она способна представить глубокий анализ этого явления в человеческой жизнедеятельности и позволяет понять культуру как целостный феномен.

Выводы

Понятие «культура» с философской точки зрения можно интерпретировать как определенную совокупность видов и форм деятельности, то есть специфический род человеческой деятельности, направленной на преобразование окружающей действительности благодаря способности человека к созданию нового художественного творения исходя из его творческих замыслов, фантазии и возможности реализации запланированного творения с помощью обретенных знаний, а также освоения новых технологий с опорой на исторический опыт.

Культура может рассматриваться в качестве кода, расшифровку которого способен сделать человек творческий, незаурядный и способный к преобразованию действительности.

Художественно-творческая деятельность представляет собой совокупность реализуемых индивидуумом его эстетико-культурных возможностей, а также накопленных знаний, воплощаемых в определенном творческом произведении, относящемся к одному из видов искусства: музыки, изобразительного искусства, литературных произведений, театральных постановок, архитектурных сооружений и т.п.

Философские теории и аналитические исследования в сфере понятий «культура» и «художественно-творческая деятельность» содействуют создателям произведений искусства в получении и использовании на практике разработанные системные методы, позволяющие глубже и основательнее проникать в область познания мира и преобразования реальности.

Исходя из названного выше постулата понятие «культура» является по своему научному значению одним из основных звеньев в ряде социальных наук, взаимно обогащающим данные учения и аккумулирующимся в результатах художественной деятельности.

Главными характеристиками понятия «художественно-творческая деятельность» являются: созидательность, уникальность, новизна, преображение реальности, интеллектуально-чувственные и духовно-нравственные характеристики личности художника, его эмоциональной, нравственной, социальной, личностной активности. Это понятие наделено коммуникативной, воспитательной, оценочной и некоторыми иными формами человеческой деятельности.

Художественная деятельность является самостоятельным эстетическим видом творчества в области искусства. Искусство хранит в себе важную информацию о зарождении и развитии человеческой цивилизации, сложность и многообразие смысловых взаимодействий человека с окружающим миром, уникальность каждого из творцов в области художественного творчества.

Таким образом, философия не только перечисляет и оценивает свойства понятия «культура», она дает глубокий анализ этого явления в человеческой жизнедеятельности и позволяет понять культуру как целостный феномен.

Использование генеративного ИИ и вспомогательных инструментов. Инструменты искусственного интеллекта не применялись при написании статьи.

Список литературы

1. Грачёва, С. М. (2024). Актуальные вопросы методологии российского академического искусствознания. *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*, *17*(7), 1225–1234. EDN: https://elibrary.ru/FRFSOO
2. Дорогова, Л. Н. (2023). *Художественная деятельность в пространстве культуры общества* (монография). Москва: Научная мысль. 152 с.
3. Жданов, Ю. А. (2014). *О культуре* (отв. ред. Ю. Г. Волков). Ростов-на-Дону: ГЮР. 176 с.
4. Каган, М. С. (1974). *Человеческая деятельность (Опыт системного анализа)*. Москва: Политиздат. 328 с.

5. Калюжная, Е. Г. (2015). Художественно-творческая деятельность: понятие, структура, педагогический потенциал. *Человек в мире культуры*, (4), 34–39. EDN: https://elibrary.ru/VZKFDP
6. Ломов, С. П. (2013). Методология художественной деятельности. *Инновационные проекты и программы в образовании*, (2), 49–52. EDN: https://elibrary.ru/QBAEWB
7. Лопаткова, И. В. (2019). Художественная деятельность и художественное творчество: соотнесение понятий. *Ярославский педагогический вестник*, (6), 144–150. https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-1-0571 EDN: https://elibrary.ru/HAGAVA
8. Маркарян, Э. С. (2014). *Очерки теории культуры. Наука о культуре и императивы эпохи*. Москва: Центр гуманитарных инициатив. 128 с.
9. Маркарян, Э. С. (1983). *Теория культуры и современная наука (Логико-методологический анализ)*. Москва: Мысль. 284 с.
10. Попов, Е. А. (2021). Методология исследования искусства: социология, культурология, искусствоведение. *Философия и культура*, (4), 45–53. https://doi.org/10.7256/2454-0757.2021.4.36112 EDN: https://elibrary.ru/PVASUP
11. Попов, Е. А. (2021). Философская рецепция в современном искусствоведении. *Философия и культура*, (11), 46–56. https://doi.org/10.7256/2454-0757.2021.11.37070 EDN: https://elibrary.ru/PVZVWQ
12. Шехтер, Т. Е. (2012). *Искусство как образ мира: Избранные работы по теории и истории искусства*. Санкт-Петербург: СПбГУП. 392 с.
13. Ухина, Д., Борубаева, Б. (2024). Школа методологии художественных исследований: практика и теория. *Логос. Философско-литературный журнал*, *34*(1, 158), 177–191. https://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-1-177-191 EDN: https://elibrary.ru/LLDOTK
14. Верстеген, Я. (2023). *Новая Венская школа истории искусства: выполнение обещания аналитического холизма*. Эдинбург: Издательство Эдинбургского университета. 368 с.
15. Зоргнер, С. Л. (2022). *Философия постгуманистического искусства* (Постчеловеческие исследования, Т. 5). Базель; Берлин.
16. Гирц, К. Д. (1973). *The Interpretation of Cultures: Selected Essays* (Сборник статей и эссе). Нью-Йорк: Basic Books. 470 с.
17. Гирц, К. Д. (2004). *Интерпретация культур*. Пер. с англ. Москва: РОССПЭН (Культурология. XX век. CEU). 60 с. ISBN: 5-8243-0474-2
18. Меррилл, Ф. Э. (1952). *Культура и общество: введение в социологию*. Нью-Йорк: Прентис Холл. 423 с.
19. Уайт, Л. А. (2004). Понятие культуры. Пер. с англ. *Личность. Культура. Общество*, *6*(2), 227–251. EDN: https://elibrary.ru/HSLQJD

20. Уайт, Л. А. (1949). *Наука о культуре: исследование человека и цивилизации*. Нью-Йорк: Фаррар, Страус. 444 с.
21. Хан, Н. Х. (2025). *Искусство ИИ и ставки для арт-критики*. Лондон: Издательство Lund Humphries. 160 с.
22. Хюбнер, Ф. (2024). *Метод, методология и дизайн исследования в художественном исследовании: между надёжными маршрутами и возникающими путями*. Лондон: Routledge. 198 с.

References

1. Gracheva, S. M. (2024). Current issues in the methodology of Russian academic art studies. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, *17*(7), 1225–1234. EDN: https://elibrary.ru/FRFSOO
2. Dorogova, L. N. (2023). *Artistic activity in the space of society's culture* (monograph). Moscow: Nauchnaya Mysl. 152 p.
3. Zhdanov, Yu. A. (2014). *On Culture* (Yu. G. Volkov, Ed.). Rostov-on-Don: GIUR. 176 p.
4. Kagan, M. S. (1974). *Human Activity: An Experience in Systemic Analysis*. Moscow: Politizdat. 328 p.
5. Kalyuzhnaya, E. G. (2015). Artistic and creative activity: Concept, structure, and pedagogical potential. *Man in the World of Culture*, (4), 34–39.EDN: https://elibrary.ru/VZKFDP
6. Lomov, S. P. (2013). Methodology of artistic activity. *Innovative Projects and Programs in Education*, (2), 49–52.EDN: https://elibrary.ru/QBAEWB
7. Lopatkova, I. V. (2019). Artistic activity and artistic creativity: Correlating the concepts. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, (6), 144–150. https://doi.org/10.24411/1813-145X-2019-1-0571 EDN: https://elibrary.ru/HAGAVA
8. Markarian, E. S. (2014). *Essays on the Theory of Culture: The Science of Culture and the Imperatives of the Epoch*. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives. 128 p.
9. Markarian, E. S. (1983). *Theory of Culture and Modern Science: A Logical and Methodological Analysis*. Moscow: Mysl. 284 p.
10. Popov, E. A. (2021). Methodology of art research: Sociology, cultural studies, and art studies. *Philosophy and Culture*, (4), 45–53. https://doi.org/10.7256/2454-0755.2021.4.36112 EDN: https://elibrary.ru/PVASUP
11. Popov, E. (2021). Philosophical reception in contemporary art criticism. *Philosophy and Culture*, (11), 46–56. https://doi.org/10.7256/2454-0757.2021.11.37070 EDN: https://elibrary.ru/PVZVWQ
12. Shekhter, T. E. (2012). *Art as an Image of the World: Selected Works on the Theory and History of Art*. Saint Petersburg: SPbGUP. 12. 392 p.
13. Ukhina, D., Borubaeva, B. (2024). School of methodology of artistic research: Practice and theory. *Logos. Philosophical and Literary Journal*, *34*(1, 158), 177–

191. https://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-1-177-191 EDN: https://elibrary.ru/LLDOTK
14. Verstegen, I. (2023). *The New Vienna School of Art History: Fulfilling the Promise of Analytical Holism*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 368 p.
15. Zorner, S. L. (2022). *The Philosophy of Posthumanist Art* (Posthuman Studies, Vol. 5). Basel; Berlin.
16. Geertz, C. (1973). *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York: Basic Books. 470 p.
17. Geertz, C. (2004). *The Interpretation of Cultures*. Translated from English. Moscow: ROSSPEN (Cultural Studies. 20th Century. CEU). 60 p. ISBN: 5-8243-0474-2
18. Merrill, F. E. (1952). *Culture and Society: An Introduction to Sociology*. New York: Prentice Hall. 423 p.
19. White, L. A. (2004). The concept of culture. Translated from English. *Identity, Culture, and Society* (Личность. Культура. Общество), *6*(2), 222-251. EDN: https://elibrary.ru/HSLQJD
20. White, L. A. (1949). *The Science of Culture: A Study of Man and Civilization*. New York: Farrar, Straus. 444 p.
21. Han, N. H. (2025). *AI Art and the Stakes for Art Criticism*. London: Lund Humphries. 160 p.
22. Hübner, F. (2024). *Method, Methodology and Research Design in Artistic Research: Between Reliable Routes and Emerging Paths*. London: Routledge. 280 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Фиськов Анатолий Анатольевич, соискатель на степень кандидата философских наук института философии и социально-политических наук
Южный федеральный университет
ул. Большая Садовая, 105/42, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
anatoliefiskov@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Anatoly A. Fiskov, PhD Candidate in Philosophy, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences
Southern Federal University
105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, Russian Federation
anatoliefiskov@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0009-0009-7455-9310

Поступила 20.08.2026 Received 20.08.2026
После рецензирования 17.09.2026 Revised 17.09.2026
Принята 23.09.2026 Accepted 23.09.2026

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(https://csjournal.ru/)

Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество – специализированный академический рецензируемый журнал, посвященный актуальным проблемам социокультурной жизни и социокультурным явлениям, представляющий результаты современных научных исследований явлений социальной реальности ученых постсоветского пространства и зарубежных исследователей.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	15–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания
	ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)
Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой (на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)
Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой (на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Материалы и методы.
3. Результаты и обсуждение.
4. Заключение.
5. Информация о конфликте интересов.
6. Информация о спонсорстве.
7. Благодарности.

Список литературы
Библиографический список по формату APA

References
Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

RULES FOR AUTHORS

(https://csjournal.ru/)

Russian Studies in Culture and Society is a specialized academic peer-reviewed journal devoted to current problems of the life of society and culture and socio-cultural phenomena, presenting the results of modern scientific researches of social reality phenomena of the post-Soviet scientists and foreign researchers.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	15–24 pages A4 format, including tables, figures, references.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text
	DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)
Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.
2. Materials and methods.
3. Results of the research and Discussion.
4. Conclusion.
5. Conflict of interest information.
6. Sponsorship information.
7. Acknowledgments.

References
References text type should be APA Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Стратегическое управление трансформацией социальной сферы региона на основе страховых механизмов (на примере Самарской области)
Н.Д. Алексеева. Л.Н. Куфтырева 4

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Воздействие субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства на формирование гражданской идентичности обучающихся
Ю.С. Трофимова 21

Феномен цикличности моды: механизмы возникновения трендов и их влияние на идентичность в условиях цифровизации
С.М. Мальцева, Д.И. Зотова, С.А. Шигаева 40

Влияние партийных установок на корпоративную культуру китайских компаний нефтегазового сектора
Н.О. Лебедева 57

Культура обращения с неопределенностью в цифровой повседневности
С.Н. Панкова 79

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Образ города и паблик-арт: визуальное ядро и периферия восприятия (на примере Хабаровска)
М.Э. Кулян-Козионова, Е.Г. Щекина 102

Конструирование образа журналиста в советском кинематографе по мифологическим лекалам
В.В. Витвинчук 129

Сочинения красноярских композиторов для детей и юношества в учебной практике образовательных учреждений региона
В.Л. Бойко, С.Г. Чайкин 152

«Дух архитектуры» в концепции Джона Рёскина
В.Б. Краев 172

Массовое пение как форма организации коллективного действия в Яньани в 1937-1945 годах
Лю Юнсюй 199

Культура и искусство как совокупность способов деятельности и ее результатов
А.А. Фиськов 214

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 240

CONTENTS

THEORY, METHODOLOGY AND HISTORY OF SOCIOLOGY

Strategic management of the social sphere transformation in the region based on insurance mechanisms (on the example of the Samara Region)
N.D. Alekseeva, L.N. Kuftyreva 4

SOCIOLOGY OF CULTURE

The impact of the sub-institute of exhibition activities in fine arts on the formation of students' civic identity
Yu.S. Trofimova 21

The phenomenon of cyclical fashion: The mechanisms of the emergence of trends and their impact on identity in the context of digitalization
S.M. Maltseva, D.I. Zotova, S.A. Shigaeva 40

The influence of party attitudes on the corporate culture of Chinese oil and gas companies
N.O. Lebedeva 57

Cultural engagement with uncertainty in digital everyday life
S.N. Pankova 79

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART

City image and public art: The visual core and the periphery of perception (the case of Khabarovsk)
M.E. Kulyan-Kozionova, E.G. Shchekina 102

The construction of the image of a journalist in Soviet cinema according to mythological patterns
V.V. Vitvinchuk 129

Compositions by Krasnoyarsk composers for children and youth in the learning practice of regional educational institutions
V.L. Boiko, S.G. Chaykin 152

"The spirit of architecture" in John Ruskin's concept
V.B. Kraev 172

Mass singing as a form of organizing collective action in Yan'an in 1937-1945
Liu Yongxu 199

Culture and art as a totality of activity and its results
A.A. Fiskov 214

RULES FOR AUTHORS 240